ДОМ
ОБНОВЛЁННЫХ
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ
полное собрание
рассказов
Клиффорда Саймака
ТОМ ШЕСТОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Десять удивительных и фантастических историй от автора со званием «GrandMaster by the Science Fiction and Fantasy Writers of America» (Грандмастер научной фантастики и фэнтези Америки).

В заглавном рассказе сборника рассказывается, что Фредерику Грею скоро семьдесят, и он уже не может работать в качестве профессора права. У него нет семьи; его лучший друг, коллега по факультету Бен Ловелл, недавно скончался. Прежде чем Грей переедет в дом престарелых, он в последний раз отправляется на каноэ к любимому месту рыбалки, которое они с Ловеллом посещали много раз, только для того, чтобы обнаружить, что кто-то построил дом на отдаленном берегу реки. Когда в результате несчастного случая Грей оказывается в затруднительном положении и испытывает боль, он возвращается в приют в поисках помощи и вместо этого находит новый смысл жизни.

Девять других рассказов демонстрируют талант Клиффорда Д. Саймака придумывать истории, которые позволяют нам взглянуть на возможности жизни за пределами Земли, а также расширяют наше понимание того, что значит быть человеком.

К каждому рассказу прилагается предисловие Дэвида У. Уиксона, душеприказчика литературного наследия Клиффорда Д. Саймака и редактора этой электронной книги.

- Дом обновленных
  -
  - Введение
  - Дом обновлённых
  - Испытание Фостера Адамса
  - Марсианский отшельник
  - Миры без конца
  - Колючая проволока притягивает пули
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - «Второе детство»
  - Ветер чужого мира
  - Большая уборка на Солнце

    - Упасть замертво
    - Любитель фантастики
    - Об авторе
    - О редакторе
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9

Дом обновленных
и другие истории
Полное собрание рассказов Клиффорда Д. Саймака, том шестой

Введение Дэвида У. Уиксона

Введение
Имена и названия, которые использовал Саймак

«Ночь была темна, как тысяча черных кошек…»

— Клиффорд Д. Саймак «Когда в доме одиноко» (пер. С. Васильева)

Те, кто читал не только отдельные произведения Клиффорда Д. Саймака — и делал это внимательно, — возможно, заметили две особенности в именах его персонажей. Одна из них заключается в том, что Клифф повторяет имена или их части и использует их снова и снова, несмотря на какую-либо взаимосвязь между ними. Персонажей нескольких рассказов (например, «Сделай сам» и «Конец Вечности») зовут Энсон Ли, и он использует Энсона в качестве имени в своем романе «Зачем их звать обратно с небес?». Я не нашел в прошлой жизни Клиффа ничего, что указывало бы на то, что это имя было связано с кем-то, кого он, возможно, знал. Также это не относится к фамилии Хортон, которая фигурирует по крайней мере в четырех романах Клиффа — иногда как имя, иногда как фамилия (см. «Кольцо вокруг солнца», «Планета Шекспира», «Исчадия разума» и «Принцип оборотня»).

С Паркером все не так. Опять же, Клифф иногда использует его как имя, иногда как фамилию (как у Томаса Паркера в «Поющем колодце»). Но Паркер была девичьей фамилией бабушки Клиффа по материнской линии, человека, который явно занимал особое место в его жизни. (Ее звали Эллен, так Клифф назвал свою единственную дочь и использовал его в рассказе «Через речку, через лес»: он явно описал сделал героиню, Эллен Форбс, похожей на свою бабушку.) А имя Карсон, которое часто встречается в ранних рассказах Саймака, — это имя его брата.

Другие имена персонажей, по — видимому, были взяты из названий мест, знакомых Клиффу, — в частности, из имени Грант, которое было названием округа Висконсин, в котором он родился. (В одном из его так и не опубликованных рассказов, который, возможно, был плодом фантазии Клиффа, был персонаж по имени Грант Шеридан.) И довольно многие из его персонажей носили имена, явно происходящие от городов в тех краях, где

жил Клифф: Фенимор, штат Висконсин, и Наварра, штат Миннесота.

Вторая особенность имен персонажей, используемых Клиффордом Саймаком, заключается в том, что они почти всегда относятся к тому сорту, который на современном языке можно было бы назвать «белым хлебом». То есть это имена, которые обычно встречаются на среднем западе Соединенных Штатов: такие имена, как Уоллес, Вебстер, Картер, Блейн, Фостер, Саттон …

Здесь нет большой тайны: когда Клиффа однажды спросили, что это ничего не значит; он просто не интересовался выбором имен, которые могли бы иметь определенное значение; когда он писал отрывок, в котором требовалось название, он просто брал все, что приходило ему в голову.

Та же самая непреднамеренность, по-видимому, проявилась, когда Клифф придумывал названия для своих рассказов: редакторы многих из тех рассказов, которые он продавал, меняли их названия, и лишь в нескольких случаях он удосуживался изменить их для перепечатки («Skirmish» (Разведка) изначально печаталась как «Bathe Your Bearings in Blood!» (Смой с себя кровь), но Клифф вернул оригинальное название в более поздних публикациях).

И эта черта проявилась, когда Клифф, как это обычно бывает с успешными авторами, подписал контракты на еще не написанные романы: «Cemetery World» (Могильник) был подписан под названием «Aesop and Pilgrim» (Эзоп и пилигрим); «A Choice of Gods» (Выбор богов) — под названием «August 1, 2185» (1 августа 2185 года); и «Out of Their Minds» (Исчадия разума) — под названием «The Horse» (Конь).

Два аспекта имен, которые использовал Клифф, наверняка знакомы его читателям. Во — первых, многие его роботы — хотя и не все — носили библейские имена: Никодим, Иезекайя, Гедеон, Авраам. Во-вторых, многие названия мест из его собственного прошлого всплывают снова и снова: Бриджпорт, Вудман, Уиллоу-Бенд и, прежде всего, Милвилл, маленький городок, который был ближе всего к ферме Саймаков.

И все же Клиффорд Саймак явно был способен к творчеству в области названий. Например, в своем романе «Заповедник гоблинов», придумывая названия для солнечных систем, он придумал Головную боль № 2, Горесть IV и Убийственные солнца — и несколько раз использовал систему Енотовой шкуры. Чаще всего, когда ему нужно было назвать солнечную систему в рассказе, он просто выбирал названия звезд, знакомые среднестатистическому читателю: Полярная звезда, Центавр,

Канопус или Арктур.

Как сказал Клифф, Милвилл из многих его рассказов на самом деле не был Милвиллом его юности — точно так же, как впадины, хребты и леса в его рассказах глубже, выше, темнее и гуще, чем в реальности. Ведь Клифф, в конце концов, был человеком собственного воображения. И он использовал свое воображение, чтобы превратить то, что было ему знакомо, во что-то более удивительное. Я представляю себе, как этот фермерский мальчик бродит по своему столь знакомому окружению, играя в свои мальчишеские игры, населяя его существами, родившимися в его воображении… И он никогда не прекращал эту игру.

Больше других Клифф Саймак использовал в своих рассказах имя Мирт, которое, как я полагаю, является сокращенной формой Миртл, женского имени, популярного примерно в 1900 году. Когда он использовал это имя в своих рассказах, он обычно применял его к человеку, который даже не фигурировал в рассказе, но упоминался как находящийся в другом месте — например, к тете Мирт в «Ведре алмазов», — но он также присвоил его гигантскому компьютеру, который должен был создавать сны в «Миры без конца».

Была ли где-нибудь на заднем плане Клиффа Саймака Мирт или, может быть, тетя Мирт?

David W. Wixon

Дом обновлённых
New Folks' Home
Перевод: Н. Галь

In early 1963, Clifford Simak sent his agent a story named «Failure,» and I think this is that story. It was published in the July 1963 issue of Analog Science Fiction and Fact*, part of that magazine's short-lived experiment with the «bedsheet» format. It's a story about a man all alone, to whom something — something else — reaches out, to give a kind of salvation.*

It is a story told to beat back the sadness of thinking of all the lives that end in loneliness and despair. …

— dww

Дом был нелеп. Больше того, он был тут совсем некстати.

«Ну откуда он взялся?» — спрашивал себя Фредерик Грей. Ведь это их заповедный уголок. Они с Беном Ловелом открыли его почти сорок лет назад и с тех пор всегда сюда ездили и ни разу ни души не встречали.

Он стоял на одном колене и ударами весла привычно удерживал каноэ на месте, а блестящая, по-осеннему темная вода бежала мимо, унося завитки пены с водопада, что шумел в полумиле впереди. Гул водопада слабо доносился до Грея, еще когда он ставил машину и снимал с ее крыши каноэ, и все те полчаса, пока он плыл сюда и прислушивался, и бережно откладывал голос водопада в памяти, как откладывал все остальное: ведь это в последний раз, больше он сюда не приедет.

Могли бы и подождать, подумал он с беззлобной горечью. Могли бы подождать, пока не закончится его путешествие. А теперь все испорчено. Он уже не сможет вспоминать речку, не вспоминая заодно и этот нахальный дом. Речка будет вспоминаться не такой, какой он знал ее почти сорок лет, а непременно вместе с домом.

Здесь никогда никто не жил. Никому бы в голову не пришло здесь поселиться. Никто сюда и не заглядывал. Эти места принадлежали только им с Беном.

А теперь вот он, дом, стоит на холме над рекой, весь белый, сверкающий в раме темно-зеленых сосен, и от места их обычной стоянки к нему ведет чуть заметная тропинка.

Грей яростно заработал веслом и повернул свое суденышко к берегу. Каноэ уткнулось носом в песок, Грей вылез и втащил его

повыше, чтобы не снесло течением.

Потом выпрямился и стал разглядывать дом.

Как сказать об этом Бену? И надо ли рассказывать? Может быть, в разговоре с Беном про дом лучше не упоминать? Нелегко сказать тому, кто лежит в больнице и, скорей всего, оттуда уже не выйдет, что у него украли изрядный кусок прошлого. Ведь когда близок конец, почему-то начинаешь дорожить прошлым, подумал Грей. По правде говоря, оттого-то ему и самому так досадно видеть дом на холме.

Хотя, может, было бы не так досадно, не будь этот дом смехотворно нелеп. Уж очень он тут некстати. Будь это обычное загородное жилище, деревянное, приземистое, с высоченной каменной трубой, — ну, еще туда-сюда. Тогда бы он не резал глаз, по крайней мере старался бы не резать. Но ослепительно белое здание, сверкающее свежей краской, — это непростительно. Такое мог бы учинить молокосос-архитектор в каком-нибудь сверхмодном новом квартале, на голом и ровном месте, где все дома — точно прилизанные близнецы. Там этот дом был бы приемлем, а здесь, среди сосен и скал, он нелеп, оскорбителен.

Грей с трудом наклонился и подтянул каноэ еще выше на берег. Достал удочку в чехле, положил наземь. Навьючил на себя корзинку для рыбы, перекинул через плечо болотные сапоги.

Потом он подобрал удочку и медленно стал подниматься по тропе. Приличия и чувство собственного достоинства требовали, чтобы он дал о себе знать новым обитателям холма. Не прошагать же мимо по берегу, ни слова не сказав. Это не годится. Но пусть не воображают, будто он спрашивает у них разрешения. Нет, он ясно даст им понять, что ему здесь принадлежит право первенства, а затем сухо сообщит, что приехал в последний раз и впредь больше их не потревожит.

Подъем был крутой. Что-то с недавних пор даже малые пригорки стали круты, подумалось ему. Дышит он часто и неглубоко, и колени гнутся плохо, все мышцы ноют, когда стоишь в каноэ и гребешь.

Может, глупо было пускаться в это странствие одному. С Беном бы — дело другое, тогда они были бы вдвоем и помогали друг другу. Он никому не сказал, что собирается поехать, ведь его стали бы отговаривать или, того хуже, набиваться в попутчики. Стали бы доказывать, что, когда тебе под семьдесят, нельзя затевать такое путешествие в одиночку. А в сущности, путешествие вовсе не сложное. Каких-нибудь два часа машиной от города до поселка под названием Сосенки и еще четыре мили заброшенной дорогой лесорубов до реки. А потом час на каноэ вверх по течению здесь, чуть повыше водопада, они с Беном

издавна раскидывали лагерь.

Поднявшись до середины холма, он остановился перевести дух. Отсюда уже виден водопад — кипящая белая пена и облачко легчайших брызг: в нем, когда солнечный свет падает как надо, играют радуги.

Грей стоял и смотрел на все это — на темную хвою сосен, на голый склон скалистого ущелья, на золотое и алое пламя листвы — от ранних заморозков она уже полыхала праздничными осенними кострами.

Сколько раз, думал он, сколько раз мы с Беном удили рыбу там, за водопадом? Сколько раз подвешивали над огнем котелок? Сколько раз прошли на веслах вверх и вниз по реке?

Славное это было житье, славно они проводили время вдвоем, два скучных профессора скучного захолустного колледжа. Но всему приходит конец, ничто не вечно. Для Бена все это уже кончилось. А после сегодняшней прощальной поездки кончится и для него.

И снова кольнуло сомнение — правильно ли он решил? В «Лесном приюте» люди словно бы и отзывчивые, и надежные, и его уверяли, что там он окажется в подходящей компании — среди удалившихся на покой учителей, одряхлевших счетоводов, короче — среди отставной интеллигенции. И все-таки в нем шевелились сомнения.

Конечно, будь жив Клайд, все сложилось бы иначе. Они были друзьями, не часто отец и сын бывают так близки. Но теперь он совсем один. Марты давно уже нет в живых, а теперь не стало и Клайда, и он один как перст.

Если рассуждать трезво, похоже, что «Лесной приют» — самый лучший выход. О нем будут заботиться, и можно будет жить так, как он привык… или почти так. Ну ладно, пока он еще справляется и сам, но недалеко то время, когда понадобится чья-то помощь. Быть может, «Лесной приют» и не идеальный выход, а все же выход. Надо подумать о будущем, сказал он себе — потому и договорился с «Лесным приютом».

Он немного отдышался и вновь стал подниматься в гору, пока тропа не привела на небольшую ровную площадку перед домом.

Дом был новехонький, еще новее, чем показалось сперва. На Грея как будто даже пахнуло свежей краской.

А кстати, непонятно, как же сюда доставляли материалы для строительства? Дороги никакой нет. Можно было бы все подвозить на грузовиках по заброшенной дороге лесорубов, а потом по реке от того места, где он поставил машину. Но тогда в лесу остались бы следы недавнего движения, а их нет. По-прежнему вьются в густом молодняке две колеи, между ними все

заросло травой. А если материалы подвозили по воде, должен быть какой-то спуск, но и тут ничего такого не видно, одна еле заметная тропинка, по которой он сейчас поднялся. Меж тем непогода и молодая зелень не успели бы скрыть все следы, ведь еще весной они с Беном приезжали сюда на рыбалку, а тогда этого дома не было и в помине.

Грей неторопливо пересек площадку, потом неширокий дворик, откуда открывался вид на реку и на водопад. Подошел к двери, нажал кнопку, и где-то в глубине дома зазвенел звонок. Он подождал, но никто не вышел. Он снова позвонил. Опять донесся звонок, и он ждал — вот сейчас послышатся шаги, — но никто не шел. Грей поднял руку и постучал — едва он коснулся двери, она подалась внутрь и распахнулась перед ним.

Он смутился, ему вовсе не хотелось вторгаться в чужой дом. Может быть, вновь затворить дверь и тихонько уйти? Но нет, он не желает действовать крадучись, как вор.

— Эй! — окликнул он. — Есть тут кто-нибудь?

Сейчас к нему выйдут, и он объяснит, что не открывал дверь, она сама отворилась, когда он постучал.

Но никто не выходил.

Минуту-другую он колебался, потом шагнул в прихожую — сейчас он дотянется до ручки и захлопнет дверь.

Тут он увидел гостиную: новый ковер на полу, хорошая мебель. Конечно, здесь живут, просто сейчас никого нет дома. Ушли ненадолго, а дверь не заперли. Впрочем, подумал он, в этих краях никто не запирает дверей. Незачем.

Выкину все это из головы, пообещал он себе. Надо забыть про этот дом, хоть он и испортил всю картину, и всласть порыбачить, а под вечер спуститься по реке к машине и отправиться восвояси. Ничто не должно отравить ему этот день.

Он решительно зашагал по высокому берегу, мимо водопада, к хорошо знакомой заводи.

Денек выдался ясный, тихий. Солнце так и сияло, но в воздухе чувствовалась прохлада. Впрочем, еще только десять. К полудню станет по-настоящему тепло.

Совсем повеселев, Грей шагал своей дорогой; к тому времени, когда водопад остался в миле позади и он, натянув болотные сапоги, ступил в воду, он уже окончательно позабыл про злосчастный дом.

Беда стряслась перед вечером.

Он вышел на берег, отыскал подходящий камень, сидя на котором можно будет с удобством перекусить. Бережно положил удочку на прибрежную гальку, полюбовался на трех форелей

вполне приличного размера, трепыхающихся в корзинке. И, развертывая сандвичи, заметил, что небо хмурится.

Пожалуй, надо бы двинуться в обратный путь пораньше, сказал он себе. Нечего ждать, пока погода вконец испортится. Провел три отличных часа на реке — и хватит с тебя.

Он доел сандвич и мирно посидел на камне, вглядываясь в плавно бегущую мимо воду и в крепостную стену соснового бора на другом берегу. Надо получше все это запомнить, думал он, закрепить в памяти прочно, навсегда. Чтоб было о чем вспомнить после, когда больше уже не придется ездить на рыбалку.

Нет, все-таки еще полчасика он побудет у реки. Нужно забросить удочку немного ниже по течению, там поперек реки, почти до середины ее, протянулось упавшее дерево. Уж наверно там, под деревом, затаилась форель и ждет.

Он тяжело поднялся, подобрал удочку, корзинку и ступил в воду. Поскользнулся на замшелом камне, которого сверху совсем не было видно, и потерял равновесие. Острая боль резнула щиколотку, он рухнул в мелководье, не сразу ему удалось пошевелиться и приподняться.

Нога, соскользнув с камня, попала между двумя глыбами на дне и застряла в узкой щели. Ее стиснуло, неестественно вывернуло, и в ней нарастала упрямая, неотступная боль.

Сжав зубы, чтобы не кричать, Грей кое-как высвободил ногу и выбрался на берег. Попробовал встать, но вывихнутая нога не держала его. При первой же попытке она подвернулась, и жгучая боль каленым железом пронизала ее до самого бедра.

Он сел и медленно, осторожно стянул сапоги. Щиколотка уже начала опухать, она была вся красная, воспаленная.

Грей сидел на усыпанном галькой берегу и раздумывал. Как быть?

Идти он не может, придется ползком. Сапоги, удочку и корзинку надо оставить, они только свяжут ему руки. Лишь бы доползти до каноэ, а там уж он доплывет до того места, где оставил машину. Но потом лодку тоже придется бросить, ему не взгромоздить ее на крышу машины.

Лишь бы сесть за руль, тогда все будет хорошо, машину-то он вести сумеет. Помнится, в Сосенках есть врач. Как будто есть, а может, это только кажется. Но, во всяком случае, можно будет договориться, чтобы кто-нибудь пошел и забрал удочку и каноэ. Может, это и глупо, но он просто не в силах отказаться от удочки. Если ее сразу не вызволить, на нее набредут дикобразы и загубят. Этого никак нельзя допустить. Ведь эта удочка — часть его самого.

Он сложил все свои пожитки — сапоги, корзинку с рыбой и

удочку — аккуратной кучкой на берегу, так, чтобы они сразу бросились в глаза всякому, кто согласится за ними сходить. Посмотрел в последний раз на реку и пополз.

Это был долгий и мучительный способ передвижения. Как ни старался Грей, не удавалось оберечь ногу от толчков, и от каждого толчка все тело пронизывала боль.

Он хотел было смастерить себе костыль, но тут же раздумал: перочинным ножиком, да еще затупившимся, много не наработаешь, а другого инструмента не нашлось.

Он полз медленно, часто останавливался передохнуть. Оглядывал больную ногу — от раза к разу она все сильней распухала и делалась уже не красной, а багровой.

И вдруг — поздновато, пожалуй, — он со страхом сообразил, что предоставлен на волю судьбы. Ни одна живая душа не знает, что он здесь, ведь он никому ни слова не сказал. Если не выбраться своими силами, пройдет немало дней, покуда его хватятся.

Экая чепуха. Он прекрасно управится. Хорошо, что самая трудная часть пути оказалась вначале. Как только он доберется до каноэ, можно считать, дело сделано.

Вот если бы только ползти подольше. Если б не приходилось так часто останавливаться. В былые времена он прополз бы это расстояние без единой передышки. Но с годами становишься стар и слаб. Куда слабее, чем думал.

Он опять остановился отдохнуть — и услышал, как шумят сосны: поднялся ветер. Заунывный шум, даже пугающий. Небо совсем заволокло тучами, все окутал какой-то зловещий сумрак.

Подстегиваемый смутной тревогой, он попытался ползти быстрее. Но только стал еще скорей уставать и жестоко ушиб больную ногу. Пришлось снова замедлить ход.

Он поравнялся с водопадом, миновал его, ползти вниз по отлогому косогору стало немного легче, и тут на вытянутую руку шлепнулась первая капля дождя.

А через минуту уже хлестал ледяными струями яростный ливень.

Грей мгновенно промок, холодный ветер пробирал насквозь. Сумрак сгущался, сосны стоном стонали, разыгрывалась настоящая буря, по земле побежали ручейки.

Он упрямо полз. От холода застучали зубы, но он сердито стиснул челюсти — этого еще не хватало!

Он уже одолел больше половины пути к каноэ, но дорога словно стала длиннее. Он продрог до костей, а дождь все лил, и вместе с ним наваливалась свинцовая усталость.

Дом, подумал Грей. Можно укрыться в доме. Меня впустят.

Он не смел себе сознаться, что прежняя цель — доползти до каноэ и проплыть на нем до того места, где осталась машина, — стала недостижимой, немыслимой.

Впереди сквозь сумрак непогоды пробился свет. Это, конечно, в доме. Хозяева, кто бы они ни были, уже вернулись и зажгли свет.

Он полз долго, много дольше, чем рассчитывал, но, напрягши последние силы, все-таки дотащился. Переполз через дворик, у самой двери, цепляясь за стену и упираясь здоровой ногой, кое-как ухитрился подтянуться и встал. Нажал кнопку, в глубине дома зазвенел звонок, и Грей стал ждать — сейчас послышатся шаги.

Никто не шел.

Что-то тут не так. В доме горит свет, должен же там кто-то быть. А тогда почему никто не отзывается?

За спиной еще громче и грозней прежнего шумел лес, и тьма сгущалась. С леденящей злобой свистал и хлестал дождь. Грей застучал кулаком в дверь, и она, как утром, распахнулась перед ним, дворик залило светом из прихожей.

— Эй, послушайте! — закричал он. — Есть кто дома?

Никакого ответа, ни звука, ни шороха.

Он мучительно напрягся, на одной ноге перепрыгнул через порог и остановился. Позвал еще и еще, но никто не откликался.

Нога подломилась, и он повалился на пол, но, падая, успел вытянуть руки и смягчить удар. Потом медленно, с трудом пополз в сторону гостиной.

Позади раздался какой-то слабый звук. Грей обернулся — входная дверь закрывалась. Закрывалась сама собой, никто ее не трогал. Он смотрел как завороженный. Дверь плотно затворилась. В тишине громко щелкнул замок.

Странно это, смутно подумалось ему. Странно, что дверь отворяется, будто приглашает войти. А когда войдешь, сама преспокойно затворяется.

Но это неважно, бог с ней, с дверью. Важно, что теперь он в доме, а леденящая ярость бури осталась там, за стенами, во тьме. Его уже обволакивало теплом, он понемногу согревался.

Осторожно, оберегая от толчков больную ногу, он по ковру дополз до кресла. Подтянулся кверху, кое-как повернулся и сел поглубже, откинулся на мягкую спинку, вытянул ногу. Наконец-то он в безопасности. Теперь ни дождь, ни холод не страшны, а рано или поздно кто-нибудь придет и поможет вправить вывих.

Непонятно, где же все-таки хозяева. Едва ли в такую погоду бродят под открытым небом. И, наверно, они были здесь совсем недавно, ведь свет в окнах вспыхнул, когда уже стемнело и

началась буря.

Он сидел не шевелясь, пульсирующая боль в ноге стала глуше, почти отпустила. Как хорошо, что в доме так тихо, так тепло и спокойно!

Он неспешно, внимательно осмотрелся.

В столовой накрыт стол к обеду, от серебряного кофейника идет пар, поблескивают фарфоровая супница и блюдо под крышкой. Доносится запах кофе и какой-то снеди. Но прибор только один, словно обед ждет только одного человека.

За открытой дверью видна другая комната, должно быть, кабинет. Висит какая-то картина, под нею — солидный письменный стол. По стенам, от пола до самого потолка, тянутся книжные полки, но они пусты — ни одной книги.

И еще дверь ведет в спальню. Постлана постель, на подушке — сложенная пижама. У изголовья, на ночном столике, горит лампа. Все приготовлено, кажется, постель только и ждет, чтобы кто-то в нее улегся.

Но есть в этом доме что-то непостижимое, какая-то неуловимая странность. Все равно как в судебной практике: попадется иногда такой юридический казус, чувствуешь, что кроется тут какая-то загадочная мелочь, она-то и есть ключ к делу, но она упорно от тебя ускользает.

Он сидел и раздумывал об этом — и вокруг понял.

Этот дом наготове, но он еще ждет. Он словно предвкушает встречу с будущим хозяином. Он обставлен, налажен, все в нем подготовлено. Но здесь еще никто не жил. Нисколько не пахнет жильем, и в самом воздухе смутно ощущается пустота.

Да нет, что за вздор. Конечно же, здесь кто-то живет. Кто-то зажег свет, сготовил обед, поставил на стол один-единственный прибор, кто-то включил лампочку у постели и отогнул край одеяла.

Все это совершенно очевидно, а между тем не верится. Дом упорно твердит свое, поневоле ощущаешь, что он пуст.

Грей заметил, что по полу в прихожей и по ковру до самого кресла, где он сидит, тянется мокрый след. И на стене остались грязные отпечатки — он цеплялся за нее, когда пытался прыгать на одной ноге.

Куда же это годится — разводить грязь в чужом доме. Надо будет потолковее все объяснить хозяину.

Он сидел в кресле, дожидался хозяина и клевал носом.

Семьдесят лет, думал он, почти уже семьдесят, и это — последнее в жизни приключение. Родных никого не осталось, и друзей тоже, один только старик Бен, который умирает

медленной, неприглядной смертью в крохотной больничной палате — и все вокруг него чужое и неприглядное.

Вспомнился давний-давний день, когда они познакомились — Бен, молодой профессор астрономии, и он, молодой профессор права. С первой же встречи они стали друзьями, тяжко будет лишиться Бена.

А может быть, он и не так тяжело переживет эту утрату, как пережил бы раньше. Ведь пройдет еще месяц — и сам он переселится в «Лесной приют». Дом престарелых. Хотя теперь это называется иначе. Придумывают всякие красивые названия вроде «Лесного приюта», как будто от этого легче.

Впрочем, что за важность. Никого не осталось в живых, кому стало бы горько… кроме него самого, разумеется. А ему уже все равно. Ну, почти все равно.

Он вздрогнул, выпрямился, посмотрел на часы на каминной полке.

Видно, задремал или в полудреме грезил о далеком прошлом. Почти час минул с тех пор, как он в последний раз смотрел на часы, а в доме он по-прежнему один.

Обед еще стоит на столе, наверно, все уже остыло. Но может быть, кофе еще теплый.

Он подался вперед, опасливо встал на ноги. Вывихнутая щиколотка отозвалась пронзительной болью. Он снова откинулся назад, бессильные слезы проступили на глазах, потекли по щекам.

Не надо кофе, подумал он. Не хочу я кофе. Только бы добраться до постели.

Осторожно он выбрался из кресла и пополз в спальню. Медленно, мучительно изворачиваясь, сбросил промокшую насквозь одежду и влез в пижаму, что лежала на подушке. К спальне примыкала ванная — придерживаясь за кровать, потом за спинку стула, потом за туалетный столик, он на одной ноге допрыгал до нее.

Хоть чем-то утолить боль. Вот если бы найти аспирин, все-таки станет полегче.

Он распахнул аптечный шкафчик, но там было пусто. Немного погодя он опять дотащился до постели, залез под одеяло и погасил лампу на ночном столике.

Он напряженно вытянулся, его трясло — таких усилий стоило забраться в постель. Смутно подумалось: что-то будет, когда возвратится хозяин и обнаружит на своем ложе незванного гостя?

А, будь что будет. Теперь уже все равно. Голова тяжелая, мутная, наверно, начинается жар.

Он лежал совсем тихо и ждал, когда же придет сон, тело

постепенно осваивалось в непривычной постели.

Он даже не заметил, как огни во всем доме разом погасли.

Когда он проснулся, в окна потоками вливался солнечный свет. Пахло поджаренной ветчиной и вскипающим кофе. И громко, настойчиво звонил телефон.

Он сбросил одеяло, подскочил на постели и вдруг вспомнил, что он не у себя, и эта постель — не его, и телефонный звонок никак не может относиться к нему.

На него разом обрушились воспоминания о вчерашнем, и он растерянно сел на край кровати.

Что за притча, еще и телефон! Откуда тут телефон? Неоткуда ему взяться в такой глуши.

А телефон все трезвонил.

Ничего, сейчас кто-нибудь подойдет и снимет трубку. Тот, кто там жарит ветчину, возьмет и подойдет. И при этом пройдет мимо отворенной двери, и видно будет, что это за человек, и станет понятно, чей это дом.

Грей встал. Пол холодный, наверно, где-нибудь есть домашние туфли, но неизвестно, где их искать.

Только выйдя в гостиную, он вспомнил, что у него вывихнута нога.

Он в изумлении остановился, поглядел вниз — нога как нога, не красная, не багровая, и опухоли больше нет. А главное, не болит. Можно на нее ступать как ни в чем не бывало.

На столике в прихожей опять призывным звоном залился телефон.

— Черт меня побери, — сказал Фредерик Грей, во все глаза глядя на собственную щиколотку.

Телефон снова заорал на него.

Он кинулся к столику, схватил трубку.

— Слушаю, — сказал он.

— Это доктор Фредерик Грей?

— Совершенно верно. Я Фредерик Грей.

— Надеюсь, вы хорошо выспались.

— Как нельзя лучше. Огромное вам спасибо.

— Ваше платье все промокло и изорвалось. Мы решили, что нет смысла его чинить. Надеюсь, вы не в претензии. Все, что было у вас в карманах, лежит на туалетном столике. В стенном шкафу есть другая одежда, я уверен, она вам подойдет.

— Помилуйте, — сказал Фредерик Грей, — вы так любезны. Но разрешите спросить…

— Отчего же, — заметил голос в трубке. — Но вы лучше поторопитесь. А то завтрак простынет.

И умолк.

— Минуточку! — закричал Грей. — Одну минуту!..

В ответ слышалось только слабое гуденье, линия была свободна.

Он положил трубку на рычаг, прошел в спальню и увидел под кроватью пару шлепанцев.

НАДЕЮСЬ, ВЫ ХОРОШО ВЫСПАЛИСЬ. ВАШЕ ПЛАТЬЕ ПРОМОКЛО, МЫ ЕГО ВЫКИНУЛИ, ВСЕ, ЧТО БЫЛО У ВАС В КАРМАНАХ, МЫ ПОЛОЖИЛИ НА ТУАЛЕТНЫЙ СТОЛИК.

А кто это «мы», интересно знать?

И где они все?

И как же это, пока он спал, ему вылечили ногу?

Все-таки вчера вечером он не ошибся. Дом пуст. Никого нет. И однако он обжитой, а как это получается — непонятно.

Грей умылся, но с бритьем возиться не стал, хотя, когда заглянул в шкафчик в ванной, оказалось, что он уже не пустой. Теперь тут были и бритва, и зубная щетка с тюбиком пасты, и щетка для волос, и расческа.

Завтрак был накрыт в столовой, на столе стоял один прибор. Грея ждала яичница с ветчиной, аппетитно поджаренная картошка, томатный сок и кофе.

И никаких признаков того, кто приготовил еду и накрыл на стол.

Быть может, в этом доме о гостях заботится целый штат слуг-невидимок?

И откуда берется электричество? Может быть, тут своя станция? Возможно, берет энергию от водопада? Ну а телефон? Может быть, это какой-нибудь радиофон? Интересно, каков радиофон с виду — такой же, как обыкновенные телефоны, или другой? Кажется, ему такую штуку видеть не приходилось.

И кто же все-таки ему звонил?

Он поднялся и оглядел ждущий на столе завтрак.

— Кто бы вы ни были, спасибо вам, — громко сказал он. — Я хотел бы вас увидеть. И чтобы вы со мной поговорили.

Но никто с ним не заговорил.

Он сел и принялся за еду — только после первого глотка он почувствовал, что голоден, как волк.

После завтрака он пошел в спальню и достал из стенного шкафа одежду. Не какой-нибудь шикарный модный костюм, но очень подходящий для рыболова.

Когда он переоделся, со стола было уже убрано.

Он вышел из дому — сияло солнце, денек выдался на славу. Видно, буря выдохлась еще ночью.

Что ж, теперь он в полном порядке, и, пожалуй, надо пойти на вчерашнее место, забрать удочку и все, что он оставил у реки. Прочее не так уж важно, но удочка слишком хороша, чтоб от нее отказаться.

Все так и лежало, аккуратно сложенное на берегу. Он нагнулся, подобрал удочку и постоял, глядя на реку.

А почему бы и нет? Возвращаться совсем не к спеху. Раз уж он здесь, можно еще немножко порыбачить. Другого случая не будет. Ведь больше он сюда не приедет.

Он отложил удочку, сел, натянул сапоги. Выбросил из корзинки вчерашний улов и повесил ее на плечо.

И почему только сегодня утром? Почему только еще один день? В город возвращаться незачем, и можно пока пожить в этом доме. Отчего бы не устроить себе самый настоящий праздник?

Однако быстро же он освоился, с какой легкостью готов воспользоваться случаем! Дом этот — штука загадочная, а впрочем, ничуть не страшная. Да, конечно, он очень странный, но бояться в нем нечего.

Грей шагнул в воду, размахнулся и закинул удочку. С пятой попытки клюнула форель. День начинался недурно. Не переставая удить, он дошел почти до самого водопада, до того места, где течение набирало силу, и здесь вылез на берег. В корзинке у него было пять рыбин, причем две изрядные.

Можно бы еще половить у стремнины с берега, но, пожалуй, не стоит. Лучше вернуться и как следует осмотреть дом. Непременно надо понять, откуда берется электричество и что это за телефон, и, наверно, еще во многом нужно будет разобраться.

Он глянул на часы — оказалось, позже, чем он думал. Он отцепил приманку, смотал леску, сложил удилище и зашагал вниз по тропинке.

К середине дня он закончил осмотр дома.

Ни электрические, ни телефонные провода сюда не подведены, нет и отдельной электростанции. Имеется проводка, но никаких источников электроэнергии. Телефон подсоединен к розетке в прихожей, и еще есть розетки в спальне и в кабинете.

Любопытно и другое: накануне вечером, когда он сидел в гостиной, ему виден был кабинет — картина на стене, и письменный стол, и пустые книжные полки. А сейчас полки уже не пустуют. Они прямо ломятся от книг, причем именно таких, какие он подобрал бы для себя: целая юридическая библиотека, которой позавидовал бы любой практикующий адвокат. И еще ряд полок… сперва он решил, что это какая-то шутка, розыгрыш.

Но потом заглянул в телефонный справочник и понял, что это уже не шутка.

Никогда ни один человек не видывал такого справочника. Тут значились имена абонентов и номера телефонов, но адреса охватывали всю галактику!

БЕСУР, Йар, Мекбуда-5 — ФЕ 6-87-31.

БЕТЕН, Вармо, Полярная-3 — ГР 7-32-14.

БЕТО, Элм, Рас Альгете-9 — СТ 1-91-86.

Названия звезд и номера планет. Ничего другого это означать не может.

Для шутки уж чересчур бессмысленно и расточительно.

Многое множество звезд названо в телефонной книге, и названия звезд — на переплетах на той полке в кабинете!

Вывод ясен, подумал он уныло, но ведь это ни в какие ворота не лезет, не принимать же это всерьез. Нелепо, смехотворно, никакого смысла тут нет, и даже думать об этом нечего. Наверно, возможны какие-то другие разгадки, и в том числе совсем малоприятная: уж не сошел ли он с ума?

Нельзя ли все же как-нибудь выяснить, в чем дело?

Он захлопнул телефонную книгу, потом раскрыл на первой странице — ага, вот оно: СПРАВКИ. Он снял трубку и набрал номер.

Гудок, другой, потом голос:

— Добрый вечер, доктор Грей. Мы очень рады, что вы позвонили. Надеюсь, все в порядке? У вас есть все, что нужно?

— Вы знаете мое имя, — сказал Грей. — Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Сэр, — ответила Справочная, — мы гордимся тем, что нам известны имена всех наших абонентов.

— Но я не ваш абонент. Я только…

— Конечно, вы наш абонент, — возразила Справочная. — С той минуты, как вы вступили во владение домом.

— Как так «во владение»? Я же не…

— Мы полагали, что вы уже поняли, доктор Грей. Нам следовало сказать вам с самого начала. Просим извинить. Видите ли, этот дом ваш.

— Ничего я не понял, — растерянно сказал Грей.

— Дом ваш, — пояснила Справочная, — до тех пор, пока он вам нужен, пока вы хотите там оставаться. И дом, и все, что в нем есть. И вдобавок, разумеется, все, чем еще мы можем быть вам полезны.

— Но это невозможно! Я ничем этого не заслужил. Как же я могу владеть домом, за который ничего не дал?

— А может быть, вы не откажетесь при случае нам немного

помочь. То есть это совсем не обязательно и, уж конечно, не слишком трудно. Если вы согласитесь нам помогать, мы будем вам крайне обязаны. Но как бы вы ни решили, дом все равно ваш.

— Помогать? — переспросил Грей. — Боюсь, я мало чем могу вам помочь.

— В сущности, это неважно, — заметила Справочная. — Мы очень рады, что вы позвонили. Вызывайте нас в любую минуту, когда пожелаете.

Щелчок отбоя — и он остался стоять дурак дураком, сжимая в руке умолкшую телефонную трубку.

Он положил трубку, прошел в гостиную и уселся в то самое кресло, в котором сидел накануне вечером, когда впервые попал в этот дом.

Пока он разговаривал по телефону, кто-то (или что-то, или это действовала какая-то непонятная сила) развел в камине огонь, и рядом на медной подставке приготовлены были дрова про запас.

В трубе завывал холодный ветер, а здесь от полена к полену перебегали, разгораясь, трепетные язычки пламени.

Дом престарелых, подумал Грей.

Ведь если он не ослышался, это оно самое и есть.

И это лучше, несравнимо лучше того заведения, куда он собирался раньше.

Невозможно понять, чего ради кто-то вздумал преподнести ему такой подарок. Просто уму непостижимо, чем бы он мог такое заслужить.

Дом престарелых — для него одного, да еще на берегу его любимой речки, где водится форель.

Да, чудесно… если б только можно было это принять.

Он передвинул кресло и сел лицом к камину. Он всегда любил смотреть на огонь.

Такой славный дом и такая заботливость, чего ни пожелаешь, все к твоим услугам. Если б только можно было тут остаться.

А в сущности, что мешает? Если он не вернется в город, это никого не огорчит. Через день-другой можно будет съездить в Сосенки, отправить несколько писем, после которых никто не станет его разыскивать.

Да нет, безумие. А вдруг заболеешь? Упадешь, разобьешься? Тогда до врача не добраться и не от кого ждать помощи. Но вот вчера он искал аспирин, и аспирина не оказалось. И он насилу забрался в постель, нога была вывихнута и вся распухла, а к утру все как рукой сняло.

Нет, можно ни о чем не беспокоиться, даже если и заболеешь.

Аспирина не нашлось, потому что он ни к чему.

Этот дом — не только дом. Не просто четыре стены. Это и пристанище, и слуга, и врач. Надежный, здоровый, безопасный дом, и притом исполненный сочувствия.

Он дает все, что нужно. Исполняет все твои желания. Дает огонь, и пищу, и уют, и сознание, что о тебе заботятся.

И книги. Великое множество книг — именно таких, какие служили ему верой и правдой долгие годы.

Доктор Фредерик Грей, декан юридического факультета. До старости только и знал, что почет и уважение. А теперь стал чересчур стар, жена и сын умерли, и друзья все умерли или уж совсем одряхлели. И ты уже не декан и не ученый, а всего лишь старик, чье имя предано забвению.

Он медленно встал и пошел в кабинет. Поднял руку к полке, провел ладонью по кожаным корешкам.

Вот они, друзья — друзья, на которых можно положиться. Они-то всегда на месте и только и ждут своего часа.

Он подошел к полкам, которые сначала так его озадачили, показались дикой и неостроумной шуткой. Теперь он знал — это отнюдь не шутка.

Он прочитал несколько названий: «Основы законодательства Арктура XXIV», «Сопоставление правовых понятий в системах Центавра», «Юриспруденция на III, IV и VII планетах Зубенешамале», «Судебная практика на Канопусе XII». И еще много томов, на чьих переплетах стоят имена странных далеких звезд.

Пожалуй, он не понял бы так быстро, что это за имена, если бы не старый друг Бен. Долгие годы Бен рассказывал ему о своей работе, и такие вот имена слетали у него с языка запросто, словно речь шла об улице по соседству, о доме за углом.

В конце концов, может быть, и вправду не так уж оно далеко. Чтобы поговорить с людьми… ну, может быть, не с людьми, но с теми существами, что населяют эти чужие планеты, надо только подойти к телефону и набрать номер.

В телефонной книге — номера, которые соединяют со звездами, и на книжной полке — звездный свод законов.

Быть может, там, в других солнечных системах, нет ничего похожего на телефоны и телефонные справочники; быть может, на других планетах нет правовой литературы. Но у нас на Земле средством общения поневоле должен быть телефон, а источником информации — книги на полках. Значит, все это надо было как-то перевести, втиснуть незнакомое и непривычное в привычные, знакомые формы, чтобы мы могли этим пользоваться. И перевести не только для Земли, но и для неведомых обитателей всех других планет. Быть может, нет и десятка планет, где

способы общения одинаковы, но, если с любой из них обратятся к нему за советом, какими бы способами ни пользовалось существо с той планеты, здесь все равно зазвонит телефон.

И конечно же, названия звезд — тоже перевод. Ведь жители планет, что обращаются вокруг Полярной звезды, не называют свое солнце Полярной звездой. Но здесь, на Земле, другого названия быть не может, иначе людям не понять, что же это за звезда.

И самый язык тоже надо переводить. Существа, с которыми он объяснялся по телефону, уж наверно говорили не по-английски, и однако он слышал английскую речь. И его ответы наверняка доходили до них на каком-то ином, ему неведомом языке.

Поразительно, непостижимо, и как ему только пришло все это в голову? Но ведь выбора нет. Никакого другого объяснения не подберешь.

Где-то раздался громкий звонок, и он отвернулся от книжных полок.

Подождал, не повторится ли звонок, но было тихо.

Грей вышел из кабинета — оказалось, стол накрыт, его ждет обед.

Значит, вот оно что, звонок звал к столу.

После обеда он прошел в гостиную, подсел к камину и стал обдумывать всю эту странную историю. С дотошностью старого стряпчего перебрал в уме все факты и свидетельства, тщательно взвесил все возможности.

Он коснулся чуда — самого краешка — и отстранил его, заботливо стер все следы, ибо в его представление об этом доме никак не входили чудеса и не вмещалось никакое волшебство.

Прежде всего возникает вопрос — а может, ему просто мерещится? Происходит все это на самом деле или только в воображении? Быть может, на самом-то деле он сидит где-нибудь под деревом или на берегу реки, что-то бессмысленно лопочет, выцарапывает когтями на земле какие-то значки, и ему только грезится, будто он живет в этом доме, в этой комнате, греется у этого огня?

Нет, едва ли. Уж очень все вокруг отчетливо и подробно. Воображение лишь бегло набрасывает неясный, расплывчатый фон. А тут слишком много подробностей и никакой расплывчатости, и он волен двигаться и думать, как хочет и о чем хочет; он вполне владеет собой.

Но если ничего не мерещится, если он в здравом уме, значит, и этот дом, и все, что происходит, — чистая правда. А если правда, значит, дом этот построен, образован или создан какими-

то силами извне, о которых человечество доныне даже не подозревало.

Зачем это им понадобилось? Чего ради?

Может быть, его взяли как образчик вида, хотят изучить, что это за существо такое — человек? Или рассчитывают как-то им воспользоваться?

А вдруг он не единственный? Может, есть и еще такие, как он? Получили нежданный подарок, но держат язык за зубами из страха, что люди вмешаются и все испортят?

Он медленно поднялся и вышел в прихожую. Взял телефонную книгу, вернулся в гостиную. Подбросил еще полено в камин и уселся в кресло с книгой на коленях.

Начнем с себя, подумал он; поглядим, числюсь ли я в списках. И без труда отыскал: ГРЕЙ, Фредерик, Гелиос III, СЮ 6-26-49.

Он бегло перелистал страницы, вернулся к началу и стал читать подряд, медленно ведя пальцем сверху вниз по столбцу имен. Книжка была не толстая, однако немало времени понадобилось, чтобы тщательно ее просмотреть, не пропустить другого землянина. Но другого не нашлось — ни с Земли, ни хотя бы из нашей Солнечной системы. Только он один.

Что же это, одиночество? А может быть, можно чуточку и гордиться? Один-единственный на всю Солнечную систему. Он отнес справочник в прихожую — на столике, на том самом месте, лежала еще одна книга.

Грей в недоумении уставился на нее — разве их было две? Было две с самого начала, а он не заметил?

Он наклонился, вгляделся. Нет, это не список телефонов, а что-то вроде папки с бумагами, и на обложке напечатаны его имя и фамилия.

Он положил справочник и взял папку, она оказалась толстая, тяжелая, в обложке — листы большого формата. Нет, конечно же, когда он брал телефонный справочник, этой папки здесь не было. Ее положили сюда, как ставили на стол еду, как полки уставили книгами, как повесили в стенной шкаф одежду, которая в точности пришлась ему впору. Это сделала некая непонятная сила, незримая или, уж во всяком случае, ненавязчивая.

Дистанционное управление? Возможно, где-то существует копия, двойник этого дома, там какие-то силы, вполне зримые и в тех условиях совершенно естественные и обычные, накрывают на стол или вешают одежду — и действия эти мгновенно и точно воспроизводятся здесь?

Если так, значит, покорено не только пространство, но и время. Ведь те, неведомые, не могли знать, какими книгами надо

заполнить кабинет, пока в доме не появился жилец. Не могли знать, что сюда забредет именно он, Фредерик Грей, чья специальность — право. Поставили ловушку (гм, ловушку?), но не могли знать заранее, какая попадется дичь.

Каким бы способом ни печатались те книги на полках, на это требовалось время. Надо было подыскать нужную литературу, перевести и подготовить к печати. Неужели возможно так управлять временем, чтобы все, вместе взятое, — поиски, перевод, подготовка, печать и доставка — уложилось всего-навсего в двадцать четыре земных часа? Неужели можно растянуть время или, напротив, сжать его ради удобства неведомых зодчих, которые возвели этот дом?

Он открыл папку, и ему бросились в глаза строки, крупно напечатанные на первой странице:

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ И ДОКУМЕНТАЦИЯ

Балматан против Мер Эл

ДЕЛО ПОДЛЕЖИТ РАССМОТРЕНИЮ
ПО ЗАКОНАМ МЕЖГАЛАКТИЧЕСКОГО ПРАВА

судейская коллегия:

Ванз КАМИС, Рас Альгете VI
Итэ НОНСКИК, Тубан XXVIII
Фредерик ГРЕЙ, Гелиос III

Он похолодел.

Задрожали руки, и он опустил папку на столик, опустил бережно, как нечто хрупкое: уронишь — разобьется вдребезги. Межгалактическое право. Три ученых законоведа, три знатока (?) из трех разных солнечных систем!

А само дело и закон, скорей всего, еще из какой-нибудь четвертой системы.

Немножко помочь, сказал тогда голос по телефону.

Немножко помочь. Вынести приговор согласно законам и судебной процедуре, о которых никогда и не слыхивал!

А другие двое? Они что-нибудь слышали?

Он порывисто наклонился и стал листать телефонный

справочник. Вот, нашел: Камис, Ванз. Старательно набрал номер.

— Ванза Камиса сейчас нет, — сказал приятный голос. — Что-нибудь передать?

Ошибся, подумал Грей. Не следовало звонить. Бессмысленный поступок.

— Алло, — сказал приятный голос. — Вы слушаете?

— Да, я слушаю.

— Ванза Камиса нет дома. Что-нибудь передать?

— Нет, — сказал Грей. — Нет, спасибо. Ничего не надо.

Звонить не следовало. Это слабость, малодушие. В такие минуты человек должен полагаться только на себя. И надо быть на высоте. Тут нельзя отмахнуться, не такое положение, чтобы прятаться в кусты.

Он взял куртку, кепку и вышел из дома.

Всходила луна, снизу ее золотой диск бы иззубрен темными силуэтами сосен, что росли высоко на другом берегу. В лесу глухо ухала сова, в реке звонко плеснула рыба.

Вот где можно поразмыслить, сказал себе Грей. Остановился и глубоко вдохнул ночную свежесть. Здесь под ногами родная земля. И думается лучше, чем в доме, который по сути своей продолжение других миров.

Он спустился по тропинке на берег, к своему каноэ. Оно было на месте, после вчерашней бури в нем застоялась вода. Грей повернул его набок и вылил воду.

Дело должно рассматриваться по законам межгалактического права, сказано на первой странице. А существует такая штука — межгалактическое право?..

К закону можно подойти по-разному. В нем можно видеть отвлеченную философию или политическую теорию, историю нравственности, общественную систему или свод правил. Но как бы его ни понимать, как бы ни изучать, какую бы сторону ни подчеркивать, его основная задача — установить какие-то рамки, помогающие разрешить любой возникший в обществе конфликт.

Закон не есть что-то мертвое, неподвижное, он непременно развивается. Каким бы медлительным он ни был, он следует за движением общества, которому служит.

Грей невесело усмехнулся, глядя в полутьме на вспененную реку; вспомнилось, как он годами на лекциях и семинарах вколачивал эту мысль в головы слушателей.

На какой-то одной планете, если налицо время, терпение и неспешный ход развития, закон можно привести в полное соответствие со всеми общепринятыми понятиями и со всей системой знаний общества в целом.

Но возможно ли сделать логику закона столь гибкой и всеобъемлющей, чтобы она охватила не одну, а множество планет? Существует ли где-нибудь основа для такого понимания законности, которое оказалось бы применимо ко всему обществу в самом широком, вселенском смысле слова?

Да, пожалуй. Если налицо мудрость и труд, проблеск надежды есть…

А если так, то он, Грей, может помочь, вернее — могут пригодиться земные законы. Нет, Земле незачем стыдиться того, чем она располагает. Человеческий разум всегда тяготел к закону. Более пяти тысячелетий человечество старалось опираться на закон, и это привело к развитию права — вернее, ко многим путям развития. Но найдутся в земном праве две-три статьи, которые смело можно включить во всеобщий, межгалактический свод законов.

Химия — одна для всей вселенной, и поэтому некоторые полагают, что биохимия тоже одна.

Те двое, жители двух других планет, названные вместе с ним как судьи, которым надлежит разобраться в спорном деле, скорее всего не люди и даже не похожи на людей. Но при общем обмене веществ они в главном должны быть сродни человеку. Наверно, это жизнь, возникшая из протоплазмы. Наверно, для дыхания им нужен кислород. Наверно, в их организме многое определяется нуклеиновыми кислотами. И разум их, как бы он ни отличался от человеческого, возник на той же основе, что и разум человека, и работает примерно так же.

А если химия и биохимия общие для всех, отчего бы не существовать мышлению, которое придет к общему понятию о правосудии?

Быть может, еще не сейчас. Но через десять тысяч лет. Пусть через миллион лет.

Он снова двинулся в гору, давно уже его походка не была такой легкой, а будущее не казалось таким светлым — не только его будущее, но будущее всего сущего.

Многие годы он именно этому учил и за это ратовал: за надежду, что настанет время, когда в законе и праве воплотится великая, непреложная истина.

Да, становится теплей на сердце, когда знаешь, что и другие чувствуют так же и работают ради той же цели.

Никакой здесь не дом престарелых, и это чудесно. Ведь дом престарелых — тупик, а это — великолепное начало.

Немного погодя зазвонит телефон и его спросят, согласен ли он помогать.

Но вовсе незачем ждать звонка. Надо работать, работы по

горло. Надо прочесть дело в папке, и основательно разобраться в сводах чужих законов, и разыскать по ссылкам все источники и прецеденты, и думать, думать.

Он вошел в дом, захлопнул дверь. Повесил куртку и кепку.

Взял папку, прошел в кабинет, положил ее на письменный стол.

Открыл ящик, достал блокнот, карандаши, удобно разложил все под рукой.

Сел и вплотную занялся межзвездным правом.

Испытание Фостера Адамса
The Questing of Foster Adams
Перевод: В. Ковальчук

Действие этого рассказа, как и многих других его коротких произведений, происходит в окрестностях места где родился Клиффорда Саймак, и, тем не менее, он не характерен для его творчества, о чем свидетельствует тот факт, что после написания он был впервые отправлен в издательство Weird Tales (в мае 1948 года), которое не было обычным рынком сбыта для рассказов Саймака. Но, несмотря на очевидный отказ, повесть была в конечном счете принята издательством Fantastic Universe и появилась в выпуске за август-сентябрь 1948 года.

— dww

Нет сомнений, увлечение Фостера Адамса было необычным. Однако не забывайте, что Фостер Адамс вообще был странным человеком. Считал ли Адамс свои исследования простым хобби или вполне профессиональным занятием — никому не ведомо. Может быть, они для него были досужим увлечением, а может быть — навязчивой идеей или всего лишь игрой блестящего ума.

Как он пришел к тому, чтоб взяться за свое исследование, что за таинственная причина подвигла его сделать последний роковой шаг на этом пути, я не представляю. Положа руку на сердце, я должен признать, что очень мало знаю о Фостере Адамсе. О нем вообще мало что известно.

Я не знаю ни где он родился, ни кто были его родители и живы ли они, хотя я всегда полагал, что они умерли много лет назад. Я ничего не знаю о его образовании, кроме того, что оно, по-видимому, было всесторонним. Я не представляю ни как, ни когда, ни зачем он приобрел старую ферму Смита. Остается для меня загадкой и то, почему он пытался найти ответ на вопрос, который в наше время не занимает ни одного человека его возраста иначе как мимоходом. Хотя, надо признать, много столетий назад этот вопрос, наверное, интересовал людей гораздо больше.

В том, что у Адамса были некие одному ему известные причины поступать так, а не иначе, не может быть сомнений. Однако ближе к концу, когда у него появились основания верить,

что найденное решение наверняка лежит за пределами его возможностей, он должен был осознать всю опасность своих изысканий.

Возможно, Фостер Адамс переоценил свои силы, а возможно, что даже в самых безудержных фантазиях не представлял, каким окажется ответ. Последнее было бы весьма и весьма странно, поскольку, прежде чем взяться за практические опыты, он долгие годы изучал эту тему.

В первый раз я услышал о Фостере Адамсе от некоего знакомого на историческом факультете университета штата.

— Фостер Адамс твой сосед, — сказал мне этот знакомый, — Он живет в той же части графства, что и ты. По-моему, он держит в голове больше никчемных исторических деталей, чем кто-либо из ныне живущих.

Я удивился и ответил в том духе, что даже профессор английской истории не сможет рассказать мне о том, какие блюда в пятнадцатом веке английский средний класс предпочитал кушать на обед. Но собеседник лишь потряс головой.

— В целом об этом могу рассказать тебе и я, — заявил он, — Но Фостер Адамс выложит их меню до мельчайших подробностей, до последней крошки ячменного хлеба.

Тогда я спросил, кто такой этот Фостер Адамс, но собеседник не смог ответить. Таинственный знаток не был связан с каким-либо университетом, не публиковался и не был авторитетом в ученой среде (во всяком случае — признанным авторитетом). Но он знал, что носили и ели люди, начиная с Древнего Египта и до наших дней: какие орудия труда они использовали, какие злаки сеяли, как путешествовали и множество иных мелких подробностей, которые наполняли обыденную жизнь людей в течение долгих тысячелетий.

— Это его хобби, — сказал мой знакомый.

И это было самое четкое описание занятий Фостера Адамса, какое мне доводилось слышать.

Ферма Смита — участок голой, потрепанной капризами природы земли, расположенный у иссеченного ветрами горного хребта. Земля эта не могла похвастаться ни красотами, ни какой-либо репутацией или историей. Даже после того, что произошло темной ноябрьской ночью, там не почувствуешь флера ужаса или мрачного величия. Словно никакой трагедии и не было вовсе.

Я до сих пор помню мое первое впечатление от этого места, уныние и меланхолию, которые охватили меня, пока я ехал по каменистой дороге, серпантином вьющейся по склонам холма.

Дом был серым, но это был не серый цвет потемневших от времени бревен, а несвежий, нездоровый цвет дерева, которое

некогда было покрыто слоем краски, но с тех пор она отслоилась, отлетела и растворилась в ветре и непогоде. Коньковый брус амбара просел в середине, и крыша теперь здорово напоминала лошадиную спину. Другое строение — должно быть, когда-то оно было свинарником — и вовсе рухнуло. При виде этой картины меня охватила тоска. Все выглядело так, словно однажды ферма устала стоять и сдалась на милость времени.

За домом в лучшие времена был разбит большой фруктовый сад, но теперь там остались лишь призраки деревьев — они скорчились и замерли под солнцем в нелепых позах, словно толпа упрямых стариков. Покосившийся ветряк склонил голову над умирающим садом, и ветер, беспрестанно дующий вдоль хребта, болтал его огромные металлические крылья из стороны в сторону, бессмысленно и удручающе однообразно.

Остановив машину, я заметил, что упадок и разруха, вызванные хозяйским небрежением, коснулись даже мелочей. Клумбы из последних сил сопротивлялись напору сорняков. Широкая наклонная дверь — внешний вход в подвал — наполовину сгнила, одна створка и вовсе упала с петель.

Ставни на одном из окон висели косо, на другом упали и валялись на земле, через прорези в них упрямо тянулись к свету травинки. Крыльцо просело, столбы навеса опасно накренились, настил скрипел и сильно прогибался под моими ногами, пока я шел к входной двери.

На мой стук дверь открыл старик, одетый в ливрею столь древнюю, что ее черная ткань вылиняла и стала зеленой. Пожалуй, никогда в жизни мне не доводилось видеть такого противоестественного сочетания: на пороге старого, совершенно обветшавшего фермерского дома в штате Висконсин стоял старик, будто сошедший со страниц Диккенса.

Я спросил, можно ли видеть Адамса, и слуга приоткрыл дверь чуть шире и пригласил меня войти. Его голос звучал резко, словно вороний грай, и отдавался эхом под высокими древними потолками.

Дом был почти лишен мебели. На кухне стояли дровяная печь, несколько старых кресел и стол, покрытый куском сальной клеенки. В комнате, которая, видимо, некогда была обшита дубом и считалась столовой, вдоль стены громоздились упаковочные ящики, и груды книг были навалены там и сям в совершеннейшем беспорядке. Окна пялились на мир пустыми глазами, поскольку хозяева не озаботились повесить ни одной занавески.

В передней гостиной плотные зеленые шторы были опущены, и комната тонула даже не в тени, а в настоящей темноте.

Фостер Адамс поднял свое громоздкое тело из кожаного

кресла, стоявшего в углу, и пересек комнату, чтобы пожать мне руку. Его пожатие оказалось холодным и вялым, оно выдавало равнодушие, а то и скуку.

— Немногие забираются в такую глушь, — сказал он, — Рад вас видеть.

Но он кривил душой, уж поверьте. Бьюсь об заклад, ему вовсе не понравилось, что я нарушил его уединение.

Мы сидели в сумраке гостиной за опущенными шторами и разговаривали тихо, поскольку комната обладала удивительным свойством: она будто шепотом велела вам не повышать голос. Фостер, тут ничего не скажешь, оказался обладателем прекрасных манер: педантичных, щепетильных, даже немного вычурных… и раздражающих.

В августовский полдень было странно слышать тонкий, высокий, холодный и враждебный вой ветра по сторонам и углам дома. В обстановке не чувствовалось ни дружелюбия, ни уюта. Стены дома не могли удержать тепло — все высасывали разруха в доме и запустение на земле, брошенной на потребу солнцу, дождю и ветру.

Да, сказал Адамс, он может рассказать мне многое из того, что я хочу знать. И рассказал, причем не сверяясь с записями или книгами. Он говорил так гладко, словно описывал события, которые видел собственными глазами, словно повествовал не о далеком прошлом, а о нынешнем времени, словно он сам жил в Англии пятнадцатого века.

— Меня всегда интересовали такие подробности, — сказал он, — Какие нижние юбки носили женщины, или какими травами они приправляли пищу. И даже более того, — Он снизил голос до полушепота, — Более того — как умирали люди.

Адамс замер в кресле, и казалось, будто он прислушивается к чему-то, к тихим шорохам, которые можно разобрать, только если знаешь о них, — шебуршанию крыс в подвале или, может быть, стрекотанию сверчков в складках портьер.

— Люди, — с апломбом заявил он, — умирают по-разному.

Он сказал это так, словно был первым человеком, кому пришла в голову подобная мысль. Или, по меньшей мере, первым, кто высказал ее.

В гостиной повисла тишина. Ее нарушал лишь скрип шагов старого слуги, который расхаживал в столовой, да еще из сада доносился приглушенный стенами металлический грохот терзаемой ветром мельницы.

Фостер Адамс внезапно поднялся с кресла.

— Я был очень рад видеть вас, — сказал он. — Надеюсь, вы придете еще.

В точности так это и выглядело. Меня буквально вышвырнули вон, велели мне идти, словно остолопу-школьнику, который засиделся в гостях.

И все же этот странный человек долго не выходил у меня из головы. Было в нем какое-то очарование, которое тянуло меня обратно к старому серому фермерскому дому на вершине черного недружелюбного холма. Так некоторых людей в зоопарке неодолимо манит какая-нибудь клетка, и они подходят к ней, чтобы стоять, смотреть и ужасаться зверю, который в ней заключен.

Я закончил книгу, щедро приукрасив ее сведениями и подробностями, которыми со мной поделился Адамс, и отправил издателю.

А потом, однажды, едва понимая, зачем это делаю, и ни на мгновение не сознаваясь самому себе, куда направляюсь, я обнаружил, что снова еду на машине сквозь лабиринт холмов нижнего Висконсина.

Старый фермерский дом ничуть не изменился.

А я-то надеялся, что Адамс просто-напросто недавно поселился на ферме и за прошедшее с моего первого визита время привел все в порядок. Даже обычная покраска уже во многом изменила бы облик дома. Небольшой камин сотворил бы чудо, привнеся тепло и немного уюта. Цветы, альпийские горки и несколько террасок придали бы саду ухоженный вид; тополь или два по углам дома развеяли бы уныние, которое источала ферма.

Но Адамс не сделал ничего. Дом выглядел так же, как в первый раз.

Он сказал, что рад видеть меня, но его рукопожатие было не более чем вялым жестом вежливости, и сам он оставался таким же педантичным и прямолинейным, как и во время нашей прошлой встречи.

Хозяин дома сидел в своем глубоком кожаном кресле и говорил, и я ничуть не сомневался, что если он и рад визиту, то лишь потому, что я дал ему возможность послушать его же собственный голос. Так что, признаться честно, он не беседовал со мной, он даже не смотрел на меня. Казалось, он разговаривает сам с собой, и временами я улавливал сварливые нотки в его голосе, словно он сам же с собой не соглашался.

— Жестокость красной нитью проходит через всю историю человеческой расы, — говорил он, — Она всюду, куда ни посмотри, на каждой странице официальных летописей. Человеку мало просто убить, он стремится привнести в этот процесс множество мучительных излишеств. Мальчик отрывает крылышки у мухи или привязывает банку к хвосту собаки. Ассирийцы

свежевали тысячи пленников, сдирая с них кожу заживо.

В доме витало ощущение затхлости — ощущение, не запах. Пыль веков, давно ушедших в прошлое.

— Ацтеки, — вещал Фостер Адамс, — вырезали сердца у живых жертв с помощью тупого каменного ножа. Саксы опускали людей в змеиные ямы или сдирали кожу с живых и натирали солью трепещущую плоть.

От той беседы у меня осталось тошнотворное впечатление — отвращение вызывала не столько суть сказанного Адамсом, сколько то, каким тоном он говорил. Это был спокойный профессиональный разговор человека, который знает предмет и рассматривает его объективно, как нечто, что необходимо исследовать, изучить опытным путем и подробно описать. Совсем как торговец, составляющий перечень товаров.

Но для Адамса, как я понимаю теперь, люди со снятой кожей, люди в змеиных ямах, люди, которых казнили на крестах вдоль римских дорог, не являлись созданиями из плоти и крови. Для него они были просто фактами, которые упорный исследователь рано или поздно выстроит в систему.

Нет, я не хочу сказать, что человеческие страдания совершенно не трогали душу Адамса. Его интерес к ним был совершенно искренним. И вряд ли можно усомниться, что в последние часы, когда этот человек еще был жив и сохранял способность трезво мыслить, его заинтересованность не стала еще более глубокой и личной.

Адамс, должно быть, заметил, что его монолог мне неприятен. Он сменил тему. Мы заговорили о деревне, об окрестных холмистых пейзажах, о приятной погоде — на дворе был конец октября — и о раздражающем любопытстве местных жителей касательно того, чего это Адамс вдруг поселился на ферме и чем он там занимается. Их назойливость, как я понял, сильно досаждала ему.

Прошло больше года, прежде чем я снова увидел Фостера Адамса, да и то лишь благодаря случайному стечению обстоятельств.

Я ехал домой после одной встречи в Чикаго, и, когда уже начинало темнеть, меня застала в дороге одна из лютых бурь, что случаются поздней осенью. Дождь превратился в град, град в снег. Непогода час от часу лишь усиливалась, машина едва ползла, и я понял, что так я далеко не уеду. Пора было искать убежище, и быстро. Тут я вспомнил о старой ферме Смита — до нее оставалось меньше двух миль.

Я нашел нужный поворот, съехал с шоссе и через полчаса был у подножия холма, который примыкал к горному хребту. В такую

непогоду моя машина не могла одолеть подъем, и я пошел пешком, увязая в мокром и тяжелом снеге, ведомый немощным пятном света в окне фермерского дома.

Даже днем здесь всегда дул ветер — резкий, колючий, рычащий сквозь зубы, как пес. Теперь же, подстегиваемый бурей, он с воем проносился над горами и обрушивал всю свою злобу на низину.

Остановившись передохнуть, я прислушался к голосу ветра, и мне почудились в нем завывания своры адских гончих, вопли преследуемых жертв и тихое, жалобное хныканье существа, безуспешно пытающегося выбраться из глубокого ущелья.

Я заторопился, подгоняемый безотчетным ужасом, и лишь когда оказался возле самого дома, понял, что бежал во весь дух, спасаясь от сонма воображаемых кошмаров, которые сгрудились на склоне холма.

Добравшись до крыльца, я вцепился в покосившуюся опору и попытался восстановить дыхание и отогнать прочь иррациональный страх, притаившийся в темноте у меня за спиной. К тому времени, когда я постучал в дверь, мне это почти удалось. Однако стучать пришлось снова и снова, потому что грохот бури заглушал все звуки.

Наконец старый слуга впустил меня. Мне показалось, что он стал двигаться медленнее и ноги у него заплетались больше, чем я помнил по прошлому разу, и разговаривал он невнятней, словно у него каша была во рту.

Адамс тоже изменился. Он по-прежнему держался чопорно, официально и очень сдержанно, однако от его педантизма не осталось и следа. Он не брился день или два, его глаза запали от усталости. Что-то явно не давало ему покоя, хоть он и пытался не подавать виду, и это насторожило меня.

Хозяин дома не удивился, увидев меня, и, когда я упомянул о буре, которая заставила меня просить у него убежища, он согласился, что ночь действительно ужасная. Словно я жил от него через улицу и заскочил на часок-другой попить чаю. Адамс и не подумал предложить мне поесть, ему будто и в голову не пришло, что я не прочь переночевать в его доме.

Мы повели вымученную — по крайней мере, с моей стороны — беседу о всяких пустяках. Адамс держался вполне непринужденно, однако его лицо и руки нервно подрагивали.

Вскоре разговор перешел на его занятия. Из его слов я понял, что Адамс, минуя промежуточные этапы исследования, сосредоточил внимание на проблеме наказаний и пыток, которым только подвергался человек со стороны своих собратьев в обозримом историческом прошлом.

Сутулясь в кресле, неотрывно глядя в стену, он описывал в красках кровавые издевательства, которые оставили страшный след в веках и роднили древнеегипетского правителя, чей гордый титул звучал как Раскалыватель Лбов, и чекиста, чей дымящийся револьвер прикончил так много людей, что расстрельные подвалы были завалены трупами по колено.

Адамс в подробностях знал, как укладывали людей на муравьиной тропе, как закапывали по шею в песках пустынь. Он совершенно серьезно убеждал меня, что американские индейцы были последними мастерами истязания огнем, а искуснейшие дознаватели из числа инквизиторов, по крайней мере в данном вопросе, были не более чем бестолковыми растяпами.

Он говорил о дыбах и четвертовании, о крючьях, вырывающих внутренности. Я слушал эти сухие холодные речи прекрасно эрудированного ученого, и мне мерещился запах дыма и крови, слышались вопли мучеников, скрип натягиваемых веревок, звон цепей.

Однако Адамс совершенно не замечал моего волнения.

Наконец он перешел к тому, зачем начал этот разговор. К проблеме, вытекающей из огромного массива накопленных им знаний. Ее решение ускользало с проворством капель ртути, дразня и не даваясь в руки, и она всецело захватила Адамса.

— Никто из них так и не смог достичь подлинного совершенства, — разглагольствовал он, — Не существует такой вещи, как совершенная пытка, поскольку рано или поздно жертва умирает или уступает, и пытка заканчивается. Не существует способа измерить границы человеческой выносливости. Стоит переусердствовать, и пытуемый умирает, а если позволить жертве избежать полной меры страданий из опасения за его жизнь, то может статься, что его выносливость еще не исчерпана.

— Совершенная пытка? — воскликнул я полувопросительно, поскольку до сих пор ничего не понимал.

Я все еще не мог взять в толк, как человек может интересоваться, пусть даже с чисто академической точки зрения, совершенной пыткой. От таких увлечений попахивает безумием.

Мне казалось, что я схожу с ума — я сидел в старом фермерском доме в Висконсине, за окном ярилась первая зимняя буря, а человек передо мной невозмутимо и со знанием дела рассуждал о технической проблематике эффективных пыток прошлого и настоящего.

— Возможно, в аду, — сказал Фостер Адамс. — Но, конечно, не на земле. Ибо люди по своей природе грубы, и то, что они делают, тоже весьма грубо.

— Ад? — спросил я его, — Вы верите в ад? Ад в

общепринятом смысле слова?

Он рассмеялся, и я так и не понял, верит он или нет.

Я посмотрел на часы — была уже полночь.

— Мне пора, — сказал я, — Кажется, буря стихает.

При этом я не сделал попытки подняться с кресла, поскольку пребывал в полной уверенности, что уж после такого прозрачного намека мне точно предложат остаться на ночь.

Но Адамс сказал только:

— Жаль, что вы уже уходите. Я надеялся, что побудете еще часок.

Я был так зол, пока плелся вниз по склону холма к машине, что не сразу услышал шаги за спиной. Теперь-то я понимаю, что за мной шли от самого дома, но тогда я ничего не заметил.

Буря слабела, ветер затихал, и сквозь прорехи в стремительно несущихся облаках тут и там проглядывали звезды.

Шаги я услышал, когда прошел полпути до подножия холма. Хотя, вполне возможно, я слышал их раньше, просто не придавал значения. Когда я наконец обратил на них внимание, то понял, что это шаги какого-то животного — я слышал стук копыт и скрип коленных суставов, когда преследователь поскальзывался на льду, скрытом под тонким слоем снега.

Я остановился и обернулся, но дорога, которую я оставил позади, была пуста. Шаги раздавались все ближе. Почти нагнав меня, они стихли и возобновились лишь тогда, когда я снова двинулся вперед. Шаги следовали за мной до подножия холма, позволяя мне задавать темп, но я по-прежнему ничего не видел.

Корова, подумал я, хотя в то, что Адамс держит скотину, совершенно не верилось. Кроме того, коровы обычно не разгуливают по дорогам в дождливую ночь. Да и цокот копыт как-то не очень походил на коровий.

Я останавливался несколько раз, однажды даже окликнул преследователя, и на четвертой остановке понял, что за мной больше никто не идет.

Каким-то образом мне удалось развернуть машину. Прежде чем я выехал на шоссе, мы с ней трижды увязали в снегу, но удача и порция отборных ругательств всякий раз выручали меня. На шоссе дело пошло веселее, и вскоре после рассвета я добрался до дому.

Тремя днями позже я получил от Адамса письмо с извинениями. Он писал, что накануне слишком много работал и потому во время нашей встречи не вполне владел собой. Он выражал надежду, что я не придам значения некоторой эксцентричности его поведения. Однако о недостатке гостеприимства в письме не было сказано ни слова. Мне

оставалось лишь гадать, что Адамс подразумевал под «эксцентричностью».

В следующий раз мы встретились без малого год спустя. Из третьих рук я узнал, что его старый слуга умер и теперь чудаковатый ученый живет один. Я часто с жалостью думал об Адамсе. Насколько мне было известно, старик в ливрее был единственным человеком, который разделял его одиночество. Должно быть, теперь Адамсу было не с кем и словом перекинуться. Однако я все еще таил обиду и потому не пытался повидать его вновь.

Потом я получил второе письмо, скорее даже записку. Адамс давал понять, что у него имеется кое-что интересное и он хотел бы показать это мне, и что он будет чувствовать себя обязанным, если я уделю ему немного времени, когда окажусь в его краях. Ни слова о смерти слуги, ни единой обмолвки о том, что Адамс истосковался по человеческому общению, ни намека на то, что жизнь его изменилась не в лучшую сторону. Краткая, деловая записка не содержала ни одного лишнего слова.

Прежде чем ехать, я выждал некоторое время, не выходящее, однако, за рамки приличий. Я сделал это, чтобы доказать себе и ему, что этот человек не имеет никакого влияния на меня и что я не примчусь на его зов очертя голову. Я чувствовал необходимость продемонстрировать холодность, возникшую в наших отношениях с тех пор, как он столь гнусно обошелся со мной той ноябрьской ночью.

Но я все же поехал к нему и обнаружил, что старый дом ничуть не изменился, разве что стал даже более запущенным. Подвальная дверь совершенно сгнила и рухнула, еще одна или две ставни упали с петель и валялись в траве.

Когда Адамс открыл на мой стук, я был потрясен переменой, произошедшей с ним. Он перестал бриться и оброс бородой, в которой виднелись седые пряди. Волосы тоже отросли и неопрятными прядями свисали на воротник, руки были немыты, под ногтями чернела траурная кайма. Его воротник и манжеты превратились в лохмотья, пиджак был изношен до предела. На подбородке и рубашке виднелись засохшие пятна яичного желтка. Разношенные шлепанцы шаркали по полу прихожей.

Хозяин дома поприветствовал меня с тем же равнодушным видом, что и всегда, и проводил в гостиную, которая показалась мне еще более темной и затхлой, чем раньше. Глаза Адамса все так же блестели, и говорил он по-прежнему твердо, но в его речи и манере держаться появилась какая-то вялость, неуверенность.

Он похвалил мой новый роман и одобрительно заметил, что я нашел прекрасное применение полученным от него сведениям.

Но по его оговоркам я понял, что он не читал книгу.

— И тогда я подумал, — сказал он, — что вы, возможно, не откажетесь взглянуть на то, что написал я.

Мне ничего не оставалось делать, кроме как выразить согласие.

Адамс перебрался за старый хромоногий секретер и достал из его недр толстую рукопись, перевязанную шнурком.

— Здесь факты, — сказал он. — Но у меня нет сноровки. Я плохо пишу. Надеюсь, вы…

Он умолк, ожидая, что я сам все скажу. И я сказал.

— Я посмотрю. С радостью помогу вам, если сумею.

Я был уже готов спросить его о теме рукописи, когда он осведомился, не слышал ли я о его слуге. Я сказал, что слышал, будто старик умер.

— Это все? — спросил он.

— Это все, — ответил я.

Адамс тяжело опустился в кресло.

— Его нашли мертвым, — сказал он. — И я понимаю, что среди соседей наверняка пошли недобрые пересуды.

Я уже готов был ответить, когда некий посторонний звук буквально вморозил меня в кресло. За входной дверью раздалось громкое сопение, будто кто-то принюхивался.

Адамс, должно быть, не слышал этих звуков — или, напротив, ему случалось и раньше слышать их, притом так часто, что он уже привык и перестал обращать внимание. Во всяком случае, он продолжал говорить как ни в чем не бывало:

— Его нашли на северном пастбище, у подножия горы. Он был весь изувечен.

— Изувечен, — прошептал я, не сумев подыскать другого слова.

Да если бы я даже и придумал, что сказать, я все равно не смог бы произнести это в полный голос, потому что тварь за дверью все сопела и фыркала. Мне казалось, что я вот-вот услышу скрежет когтей о доски.

— Должно быть, прежде чем его нашли, до трупа добралось какое-то животное, — сказал Адамс.

Я сидел, трясясь в ознобе, и слушал, как тварь за дверью обнюхивает притолоку снизу доверху. Раз или два она заскулила. Но Адамс по-прежнему ничего не слышал или не подавал виду, что слышит, и рассказывал мне о рукописи.

— Она не закончена. Должна быть еще последняя глава, скоро я получу нужную информацию и закончу ее. Еще одно небольшое исследование, совсем небольшое. Я уже очень, очень близок к завершению.

И тут я увидел то, что висело — неправильно висело! — на стене гостиной. Должно быть, я смотрел туда неотрывно с тех самых пор, как вошел в комнату, но увидел только теперь.

Только теперь я понял, что это такое. Перевернутое распятие. Перевернутое и приколоченное к стене.

Я вскочил, хотя ноги у меня подкашивались, и, стиснув рукопись в руках, стал бормотать, что должен идти, что совсем забыл и что я опаздываю…

Когда я выходил из комнаты, то слышал за спиной настойчивый скулеж и звук когтей, царапающих дверь в попытке прорваться в дом.

Волосы на моей голове стояли дыбом, и я знал, что должен бежать. Даже сейчас, вспоминая все это задним числом, я не стыжусь своего трусливого бегства. Звуки за дверью будили глубинный ужас, скрывающийся в самых темных уголках души. Корни его уходят в то время, когда человек, сжавшись в комок, прятался в пещере и, затаив дыхание, прислушивался к шагам мягких лап, сопению и вою в темноте снаружи.

Я добрался до машины и остановился, взявшись за ручку двери. Теперь, оказавшись в относительной безопасности, я внезапно приободрился. Я видел, что дом не более чем старая деревенская развалюха и что ни в нем, ни вокруг его нет решительно ничего такого, чего следовало бы бояться.

Открыв дверцу машины, я поставил ногу на подножку. При этом я машинально взглянул вниз — и увидел следы. Следы, похожие на коровьи, но по размерам подходящие скорее уж козе. Наверно, Адамс держит коз, на миг предположил я, но тут же отмел эту догадку. Хотя, в конце концов, это могла быть соседская скотина — вполне возможно, животные повалили ветхую изгородь и разгуливают по ферме.

Приглядевшись, я заметил, что бесплодная земля вокруг испещрена целой сетью отпечатков этих раздвоенных копыт, и припомнил ночь бури и цоканье, преследовавшее меня на дороге.

Я сел в машину и хлопнул дверью, как вдруг, словно хлопок был сигналом, из-за угла дома вышла собака. Это был огромный пес с гладкой черной шерстью, я видел, как при каждом шаге перекатываются мышцы под его сияющей шкурой. От него исходило ощущение силы и быстроты.

Пес повернул голову в мою сторону, и я увидел его глаза. Я не забуду их никогда. Из собачьих глазниц на меня смотрело абсолютное зло. У собак не бывает таких глаз.

Я нажал ногой на стартер и вдавил педаль газа в пол.[1] Лишь когда я проехал по дороге добрых десять миль, меня перестала трясти мелкая дрожь.

Добравшись до дому, я вскрыл бутылку и вышел на крыльцо, освещенное осенним солнышком. Я долго сидел там в одиночестве, то и дело прикладываясь к горлышку, — чего со мной раньше не случалось, но после того случая вошло в привычку.

Когда опустилась темнота, я ушел в дом и стал просматривать рукопись Адамса. Как я и ожидал, это оказалась история пыток и истязаний, обширное историческое исследование бесчеловечного обращения человека с человеком. Там были чертежи и рисунки, а также подробные описания устройства и принципа действия каждой адской машины, которая только существовала в истории. С великим тщанием и точностью автор отслеживал то, как со временем совершенствовались способы пыток, каждый метод был описан во множестве вариантов, до мельчайших подробностей, каждая процедура старательно откомментирована.

Кроме того, в рукописи приводился перечень пыток, о которых известно очень мало, так что и сказать о них практически нечего, не говоря уже о публикации.

Перелистывая страницы, я добрался до главы XLVIII и обнаружил, что рукопись там обрывается. Готово было лишь начало раздела.

Оно гласило:

«Но наивысшую пытку, пытку, которая длится и длится бесконечно, удерживая человека на волос от безумия и смерти, можно найти только в глубинах ада, и до сего дня ни одному смертному существу не довелось узнать пытки преисподней до ухода в мир иной…»

Я отложил бумаги и потянулся за бутылкой, но она оказалась пуста, и я швырнул ее через комнату. Бутылка ударилась о камин и разбилась вдребезги. Мелкие осколки весело сверкнули в свете лампы. Скорчившись в кресле, я чувствовал, как страшные руки ада тянутся ко мне. Пот катился градом, сердце билось чуть ли не в горле.

Адамс знал, о чем говорит, — либо знал точно, либо намеревался выяснить. Он сказал, что для завершения книги ему осталось лишь небольшое исследование, последнее небольшое уточнение, которое он должен получить. И я вспомнил следы во дворе и собаку с чудовищными глазами, и как какое-то существо, возможно та же собака, скреблось в дверь в течение всего моего визита.

Долгое время я просидел в оцепенении, но в конце концов поднялся на ноги и подошел к столу. Достав из ящика пистолет, долгое время пролежавший там без дела, я проверил, в порядке

ли он, и убедился, что оружие заряжено. Тогда я вывел из гаража машину и погнал по ночной дороге как сумасшедший.

Рваные облака то и дело скрывали умирающую луну, которая к тому времени, когда я достиг фермы Смита, уже опускалась за вершины гор на западе. Над холмами сгустилась предрассветная тишь, и в этом беззвучии мне чудилось, что старый дом дрожит от ярости, словно разгневанный призрак.

Все до единого окна были темны. Я не заметил никакого движения ни в доме, ни в округе. С реки дул свежий и холодный ветер, поля были покрыты инеем. Я поднялся по скрипучим ступеням и постучал в дверь, но ответа не последовало. Я постучал еще раз, потом еще, но тщетно, поэтому повернул ручку, и дверь медленно отворилась.

Стон был слишком слабый и тихий, чтоб услышать его через дверь, но он звучал, ждал меня, когда я вошел в дверь и вступил в кухню.

Это был даже не стон, а бессвязное лепетание. Казалось, эти звуки издает бессловесная тварь, а не человеческое существо. И мне подумалось, что еще совсем недавно они были громче, но теперь тот, кто стонал в доме, совершенно изнемог и не мог повысить голос.

Я нашарил в кармане пистолет и дрожащей рукой извлек его на свет. До смерти хотелось броситься наутек. Но я не мог этого сделать, мне нужно было убедиться. Я должен был удостовериться, что происходящее не так кошмарно, как я вообразил себе.

Я прошел из кухни в столовую, а стон то затихал, то возвышался до жалких потуг на крик — у существа, которое их издавало, не было сил вопить в голос.

В гостиной я увидел на полу тело и осторожно подошел. Тело у моих ног корчилось, извивалось и стонало. Наконец существо на полу осознало, что я здесь, и попыталось подползти ко мне. И хотя с губ его не сорвалось ни одного членораздельного слова, я отчетливо слышал мольбу в душераздирающих стонах, которые исторгала его глотка.

Я попятился в ужасе, но оно доползло до меня и обхватило мои колени руками с когтистыми пальцами. И когда оно запрокинуло голову, чтобы посмотреть на меня, я узнал Фостера Адамса. В гостиной царил мрак, поскольку шторы, как всегда, были опущены, но за окнами столовой небо начинало сереть в предчувствии рассвета.

В полумраке я не мог толком разглядеть лица Адамса, и до сих пор благодарен за это судьбе. Его рот был сведен судорогой ужаса, глаза распахнуты неимоверно широко, так что казались

почти белыми. На бороде пузырились клочья пены.

— Адамс! — воскликнул я, — Адамс, что случилось?

Однако мне не было нужды спрашивать. Я уже все понял. Нет, конечно, мучительное, сводящее с ума знание, которое теперь открылось Адамсу, оставалось для меня недоступным. Но я понял, что произошло, — он нашел то, что искал. С помощью перевернутого распятия, когтей, скребущих в дверь, козлиных следов во дворе он нашел ответ.

Но мне он ответа не дал. Его руки соскользнули с моих колен, он распластался на полу и больше не шевелился. Стало ясно, что он уже никому ничего не скажет.

И только тут я почувствовал чужое присутствие. В самом темном углу притаилось нечто чернее тьмы.

Я замер над распростертым телом Фостера Адамса, безуспешно вглядываясь в пятно мрака и чувствуя ответный взгляд, устремленный на меня. В потемках мне так и не удалось ничего толком рассмотреть. Ни слова не говоря, я спрятал пистолет в карман, повернулся и вышел из комнаты.

За спиной у меня раздались шаги. Копыта постукивали, щелкали суставы, и ритм этих звуков сказал мне, что тот, кто ходит по комнате, передвигается не на четырех, а на двух конечностях.

Марсианский отшельник
Hermit of Mars
Перевод: А. Кузнецова

Клиффорд Д. Саймак получил за этот рассказ 125 долларов, и он был опубликован в июньском номере журнала Astounding Science Fiction за 1939 год. В нем есть черты, которые наводят на мысль об «Однажды на Меркурии» и «Безумии с Марса», но я всегда буду задаваться вопросом, было ли это простым совпадением, заставившим Клиффа использовать имена Кента Кларка и Говарда Картера в этом рассказе…

— dww

Солнце пропало за западной кромкой канала Скелетов, и мгновенно наступила ночь. Сумерек не было. Сумерки в разреженной атмосфере Марса — вещь совершенно невозможная. Марсианская ночь стремительно сковывала все вокруг ледяным дыханием, а мерцающие звезды отплясывали в почти черном небе жутковатый ригодон.

Несмотря на пять лет, проведенные в диких районах красной планеты, Кента Кларка по-прежнему завораживала эта внезапная смена дня и ночи. Только что светило солнце — а в следующее мгновение уже сияют звезды. Словно кто-то щелкнул выключателем и зажег в космосе гирлянды ярких электрических лампочек. Если смотреть с поверхности планеты Земля, они не выглядят такими большими, блестят не так ослепительно и дают гораздо меньше света.

Звезды дрожали и колыхались в остывающем воздухе. К полуночи, когда температура упадет до предела, их танец закончится. Они обретут более ясные очертания, уподобившись россыпи граненых алмазов на черном бархате, и каждая засияет своим собственным оттенком — белым, синим или красным.

Сквозь стены крохотного кварцевого иглу доносилось завывание ночного ветра, гулявшего среди изъеденных выветриванием шпилей и контрфорсов. В его стоны гармонично вплеталась далекая и такая же тоскливая охотничья песня Гончих. Эти здоровенные сухопарые лохматые зверюги во множестве обитали в глубоких каналах, охотясь на все подававшее хоть какие-нибудь признаки жизни. За исключением, конечно, Едоков.

Чарли Уоллес, пристроившись на корточках посреди иглу,

выскребал шкурку марсианского бобра. Кент наблюдал за ловкими движениями его рук, за игравшими на лезвии ножа отблесками единственной радиевой лампочки, освещавшей их жилище.

Чарли — старожил. Мгновенные переходы марсианского дня в ночь давным-давно перестали казаться ему чудом. Двадцать марсианских лет он шел вслед за марсианским бобром, дальше и дальше забираясь в дикую местность, все глубже и глубже проникая в лабиринты малоизученных каналов, сетью раскинувшихся по поверхности планеты.

Его загорелое морщинистое лицо темнело в обрамлении торчавшей веником белой бороды. Тело Чарли казалось сделанным из стали — прочным каркасом, обтянутым коричневой дубленой кожей. Он знал все приемы и уловки, все дорожки и тропинки. Его по праву считали одним из самых старых обитателей каналов.

Спирали рефлектора отсвечивали красным. Энергия, накопленная за день в селеновых ячейках при помощи огромных солнечных зеркал, установленных на наружной стороне иглу, теперь расходовалась на обогрев жилища. Атмосферные конденсаторы негромко похрюкивали, а электролизер, используемый для получения воды, помалкивал в своем углу.

— Шесть штук. — Чарли тщательно расправил шкурку на коленях и погладил густой бурый мех морщинистой рукой. Его глаза, синие, похожие на осколок льда, довольно блеснули, — На сей раз мы недурно поживились, парень. Лучшая охота на моей памяти за последние лет пять.

— И не говори, — согласился Кент.

Охота действительно выдалась на славу. Всего месяц в каналах, а у них уже целых шесть шкурок. Большинство трапперов и охотников не всегда способны добыть столько и за год. В фактории у Красной Скалы шкурки можно получить по тысяче за каждую. А то и больше. Самый ценный мех во всей Солнечной системе. На меховых биржах Лондона или Нью-Йорка их продадут втридорога. Палантин из таких стоит добрых сто тысяч. Густой, блестящий, плотный мех.

При мысли о нем Кента передернуло. Этому меху нельзя не быть плотным. В противном случае бобр не мог бы существовать. По ночам температура падает до минус сорока-пятидесяти по Цельсию и редко заползает выше минус двадцати в полдень. На Марсе холодно! Здесь, на экваторе, температура колеблется мало — в отличие от полюсов, где она поднимается до плюс двадцати летом, когда солнце висит над головой в течение долгих двадцати месяцев, и ныряет до минус ста и ниже зимой, во время

столь же долгой полярной ночи.

Он откинулся на спинку кресла и сквозь кварцевые стены иглу уставился вдаль. Далеко внизу, на самой кромке «берега» канала, мерцали огоньки Призраков — неясных, словно сотканных из тумана фигур, чье происхождение, истинная природа и цель существования до сих пор оставались предметом ожесточенных научных споров.

В свете ярких звезд на искореженный ландшафт канала пало замысловатое кружево теней и светлых пятен. И без того причудливые поверхностные образования превратились теперь в видения из ночных кошмаров. Внушающие ужас формы, казалось, сошли со страниц, вырванных из альбома безумного художника.

Черная фигура пересекла освещенную ложбину и нырнула в тень.

— Гончая, — заметил Кент.

Чарли ругнулся в усы.

— Если эти бегуны не перестанут тут околачиваться, — недобро пообещал он, — нам придется отвезти несколько их шкур в Красную Скалу.

— Они очень боятся выстрелов, — заметил Кент, — С ружьем к ним не подобраться.

— Ага, — отозвался Чарли. — Да только попробуй выйти без ружья — и увидишь, что произойдет. Они не лучше Едоков. Единственная разница, что Гончие с удовольствием съедят и человека, а Едоки — именно человека. Они до людей сами не свои.

Вторая черная тень, крадучись на полусогнутых лапах, едва не цепляя брюхом землю, пересекла ложбину.

— Еще одна, — прокомментировал Кент.

Третье существо двигалось по ложбине, поблескивая в свете звезд.

Кент, проглотив собственный вскрик, подался вперед. В следующий миг он оказался на ногах.

— Человек! Там, снаружи, человек!

Кресло Чарли с грохотом опрокинулось, когда тот вскочил и так же уставился сквозь кварц.

Фигура в скафандре с трудом взбиралась вверх по склону, направляясь к иглу. В одной руке человек нес короткий огнемет. В тот момент, когда двое трапперов разглядывали его из своего жилища, он резко обернулся с оружием на изготовку, и, замерев на месте, стал вглядываться в тень, где всего секунду назад исчезли Гончие.

Внимание Кента привлекло едва заметное движение сзади и слева от незнакомца. Молодой траппер среагировал мгновенно.

Одним прыжком он пересек иглу, сдернул с вешалки скафандр с кварцевым напылением и принялся в него втискиваться.

— В чем дело? — обернулся к нему Чарли, — Какого черта ты затеял?

— Там Едок! Я его только что видел.

Пока Уоллес откручивал внутренний люк воздушного шлюза, Кент защелкнул шлем и подхватил ружье. Нырнув в шлюз, он услышал, как за спиной захлопнулся внутренний люк, и стремительно распахнул наружный.

Холод марсианской ночи вгрызся в кости прямо сквозь скафандр. Щелчком включив химические обогревательные элементы, траппер почувствовал, как его окатило сияющей волной тепла.

Незнакомец продирался вверх по тропе.

— Вперед! — закричал Кент, — Как можно быстрее!

Человек остановился, посмотрел вверх,

— Да вперед же!

Фигура в скафандре возобновила движение.

Из темноты выползала огромная тварь в силикатном панцире, но гость по-прежнему не замечал надвигающейся опасности.

Кент помчался навстречу ему вниз по ложбине.

Ружье траппера вскинулось к плечу. В перекрестье прицела возникла уродливая морда. Палец надавил на спусковой механизм, и оружие выплюнуло плотную струю разрушительного синего пламени. Удар настиг Едока на середине броска, сбив с шага и повалив набок. Но не убил. Его несуразное тело сияло в звездном свете красноватым зеркалом. Цепляясь когтями за камни, Едок поднялся на ноги и стоял, поводя туда-сюда огромной головой.

Пронзительный крик звенел у Кента в наушниках шлема, однако он, слишком занятый наведением прицельной системы, не мог позволить себе отвлечься.

Ружье вновь заурчало и плюнуло. Сноп синего пламени вошел точно в покрытую силикатным панцирем голову. Яркие искры брызнули от нее во все стороны, и она вдруг словно растворилась, растаяла, превратившись в ком почерневшей материи, местами отсвечивавший красным. Едок медленно завалился на бок и, тяжеловесно съехав вниз по склону, врезался в малиновую глыбу.

— Давай! — замахал гостю Кент, — Шевелись! Поблизости могут быть еще!

Человек в скафандре шустро проделал оставшийся путь по склону.

— Спасибо, — произнес он, поравнявшись с Кентом.

— Шевелись, приятель, — раздраженно отозвался тот, — Здесь по ночам небезопасно.

Кент двинулся следом за незнакомцем. Оба спешили к открытому люку воздушного шлюза.

Пришелец снял шлем, положил его на стол, и в слабом свете радиевой лампочки хозяева иглу узрели лицо молодой женщины.

Кент молча уставился на гостью. Посещение их стоящего на отшибе жилья мужчиной и то не входило в число обычных явлений, ночной же визит женщины казался просто нереальным.

— Женщина! — воскликнул Чарли, — Лопни мои глаза — женщина!

— Да, я женщина, — согласилась она.

Ее голос, хоть и содержал намек на вежливость, прозвучал резко, как удар бича. Он напомнил порыв ветра там, снаружи. Брови незнакомки, от природы изогнутые высокой дугой, придавали лицу их обладательницы постоянное выражение снисходительного недоумения, и теперь она адресовала этот вопросительный взгляд старому трапперу.

— Вы Чарли Уоллес, не так ли?

Чарли, почувствовав себя весьма неуютно, переступил с ноги на ногу.

— Это я, — признал он, — но вы в лучшем положении, мэм.

Девушка на секунду заколебалась, словно не понимая, что

имеет в виду Уоллес, но затем рассмеялась. Смех, казалось, исходил из глубины ее горла, сочный и музыкальный.

— Я Энн Смит.

Она воззрилась на хозяев, переводя взгляд с одного на другого, однако не обнаружила на их лицах ни малейшего намека на узнавание, ни зародыша удивления при звуке ее имени.

— У Красной Скалы, — наконец произнесла гостья, — мне сказали, что я смогу найти вас где-то в канале Скелетов.

— Вы нас разыскивали? — изумленно переспросил Чарли.

Девушка кивнула.

— Мне сказали, что вы знаете каждую пядь этой земли.

Старый траппер расправил плечи, пригладил бороду. Глаза

его ярко загорелись. Вот такой разговор он понимал!

— Я знаю ее не хуже других.

Энн Смит повела плечами, позволяя скафандру соскользнуть на пол, и переступила через него. Кент, убрав на вешалку собственный, поднял с пола скафандр гостьи и поместил его рядом со своим.

— Да, мэм, — продолжал Чарли, — я странствую по этим каналам больше двадцати марсианских лет и знаю их не хуже

других. Заблудиться не боюсь.

Кент тем временем разглядывал девушку. На ней был элегантный спортивный костюм, безупречно стильный, — похоже, из дорогого магазина. Светло-русые, почти белокурые волосы коротко подстрижены и уложены по последней моде.

— Но почему вы нас искали? — спросил Чарли.

— Надеялась, что вы окажете мне одну услугу.

— Что ж, — отозвался Уоллес, — буду рад. Все, что в моих силах.

Кенту, наблюдавшему за гостьей, показалось, что по лицу Энн Смит промелькнула тень тревоги. Но нет, девушка не колебалась.

— Вы знаете дорогу к каналу Безумцев?

Отвесь она Чарли пощечину своей затянутой в перчатку ладошкой, выражение его лица не сделалось бы более ошарашенным и исполненным благоговейного ужаса.

Он разинул было рот, но не проронил ни звука.

— Надеюсь, — как можно мягче заметил Кент, — что вы не предлагаете нам отправиться в канал Безумцев?

Гостья развернулась к нему с таким видом, словно встретила своего злейшего врага. Готовая нападать или защищаться до последнего.

— Именно это я и собиралась вам предложить. — В голосе девушки снова послышался свист ветра, — Но мне не надо, чтобы вы отправились туда одни. Я пойду с вами.

Она медленно проследовала к одному из двух имевшихся в иглу кресел, плюхнулась в него и положила ногу на ногу, нетерпеливо покачивая обутой в ботинок ступней.

В воцарившейся тишине слышалось лишь похрюкивание атмосферных конденсаторов, да еле уловимое жужжание спиралей рефлектора.

— Мэм, — Чарли сумел справиться голосом, — вы наверняка шутите. Вы что же, и впрямь намерены сунуться в канал Безумцев?

— Намерена, — спокойно отозвалась гостья, — В жизни не была так серьезна. Мне там надо кое-кого повидать.

— Леди, — взмолился старый траппер, — вас кто-то разыграл. Там, у Безумцев, нет никогошеньки. Среди канальщиков вы не найдете ни одного, кто бы в здравом уме и близко туда подошел.

— Есть, — отрезала она. — Наверное, вы и над этим посмеетесь, но я случайно знаю, что это правда. Мне нужно повидать Гарри Отшельника.

Кент негромко хихикнул. Всего лишь крохотный смешок про себя, однако девушка услышала его и взвилась из кресла.

— Ну вот, вы смеетесь, — произнесла она обвинительным тоном.

— Сядьте, — попросил Кент, — и позвольте мне кое-что вам рассказать. Кое-что, чего не признает ни один каналыцик, но такое, что каждому из них известно абсолютно точно.

Энн Смит медленно опустилась в кресло, а молодой траппер небрежно уселся на край стола.

— Никакого Гарри Отшельника не существует, — начал он, — Это всего лишь миф. Одна из баек, какие во множестве распространились в среде канальщиков. Нелепые фантазии, рожденные в процессе одиночного сидения в безлюдной марсианской глуши. Обыкновенные сказки, которые трапперы и охотники стряпают, чтобы скоротать время. А затем, когда наступает пора сбывать меха, они являются в фактории и, сидя за выпивкой, рассказывают их своим приятелям. А те передают другим. Байки передаются из уст в уста и постепенно обрастают новыми подробностями. Каждый рассказчик добавляет что-то свое — и через год-два возникает полноценная легенда. Из тех, в которые канальщики сами почти верят, но при этом всегда помнят, что это одна из их же собственных незатейливых сказок, сложенных среди каналов.

— Но я знаю, — упрямо нахмурилась Энн, — Я точно знаю, что такой человек существует. Мне нужно его повидать. Мне известно, что он живет в канале Безумцев.

— Послушайте, — рявкнул Кент. Тон его утратил спокойную небрежность, — Гарри Отшельник повсюду. Отойдите на несколько сотен миль отсюда — и люди расскажут вам, что он живет здесь, в канале Скелетов. Или что он обитает в пещерах Большого Едока или дальше к северу, в Ледяных холмах. Говорю вам, это выдуманный персонаж. Как Пол Баньян древних лесорубов на Земле. Как Пекос Пит древнего юго-запада Америки. Как эльфы в старинных ирландских легендах. Какой-то траппер придумал его однажды тоскливой ночью, другой траппер подправил его, а потом парень, сдавая в покер где-то в маленьком городке, еще немного приукрасил… И в конце концов Гарри Отшельник сделался почти реальной фигурой. Может, он и реален — как символ определенной группы людей, — но для каких бы то ни было практических целей непригоден. Гарри Отшельник — сказка, плод воображения.

Девушка, он видел, рассердилась. Сунув руку в карман куртки, Энн извлекла плоский футляр. Заметно дрожащими пальцами гостья раскрыла его, вынула сигарету и постучала ею о ноготь большого пальца. Вспыхнул извлеченный из футляра металлический карандашик.

— Не здесь. — Кент с извиняющейся улыбкой аккуратно вынул сигарету из губ девушки.

— Это почему еще? — Энн, казалось, была готова испепелить его взглядом.

— Атмосфера, — пояснил он, — Ни я, ни Чарли не курим. Не можем себе позволить. Конденсаторы слабые. У нас не слишком много электричества, чтоб их гонять. Вместимость иглу два человека. В нашем деле все приходится просчитывать до мелочей. Нам нужен весь воздух, который мы получаем. Чистый, не отравленный табачным дымом.

Кент протянул ей сигарету.

Она молча убрала ее в портсигар, а портсигар — в карман.

— Извините. Я не знала.

— И вы извините, что пришлось вас остановить.

Энн встала.

— Наверное, я пойду.

У Чарли отвисла челюсть.

— Куда пойдете? — не понял он.

— К себе в вездеход. Я оставила его примерно в миле отсюда. Проехала мимо вас прежде, чем заметила свет.

— Но вы не можете провести ночь в машине, — возразил Кент. — Боюсь, вам придется остаться здесь.

— Точно, — поддакнул Чарли, — мы не можем вас отпустить. Ночевка в машине небезопасна. Это вам не пикник.

— Мы безвредны, — заверил Кент.

— Я и не думала об этом, — Энн покраснела, — Просто вы говорили, что иглу рассчитано на двух человек.

— Это так, — согласился Кент, — но мы справимся. Урежем немного подачу на обогреватель, прибавим на конденсаторы. Может стать немного зябко, но воздуха хватит. — Как насчет кофейника? — обернулся он к Чарли.

Тот расплылся в улыбке и затряс бородой, уподобившись игривому козлу.

— Я и сам только что хотел это предложить.

— Понимаете, это не моя личная прихоть, — Энн поставила кофейную чашку на столик и подняла лицо к хозяевам иглу. — Не глупый каприз. Я должна это сделать и тем самым помочь другому человеку — человеку, который мне очень дорог. Я не смогу ни спать, ни есть, ни жить, если хотя бы не попытаюсь. Поймите, я просто обязана отправиться в канал Безумцев и попробовать отыскать Гарри Отшельника.

— Но никакого Гарри Отшельника не существует, — вздохнул Чарли, утирая кофе с бороды, — Видит бог, мне бы хотелось, чтоб он существовал, раз уж вы так решительно настроены его

отыскать.

— Но даже если его нет, мне надо как минимум убедиться в этом. Я не смогу жить дальше, гадая, не ошиблись ли вы. Сомневаясь, стоило ли так легко сдаваться. Если я пойду его искать и потерплю неудачу — что ж, значит, я сделала все, что было в моих силах. Но если я остановлюсь, то всегда буду думать, что… В общем, сомнения будут всегда мучить меня.

Энн переводила взгляд с одного лица на другое.

— Ну поймите же! — взмолилась она.

Чарли пристально рассматривал ее. Голубые глаза старого траппера сияли.

— Эта история типа много для тебя значит, не так ли?

Она кивнула.

— Ты не знаешь, что делаешь, — Голос Кента бесцеремонно разрушил чары, — Ты вылетела из Лэндинг-Сити к Красной Скале в красивом удобном ракетном корабле, а теперь, проскочив на вездеходе сотню миль, уже считаешь себя крутой канальщицей?

Девушка метнула на него уязвленный взгляд.

— Так вот, ты ею не являешься!

— Ну, мальчик, — подал голос Чарли, — не так грубо.

— Грубо?! А кто грубит? Я просто рассказываю ей кое-что, что ей полезно бы знать. Она проехалась по ровной пустыне и теперь думает, что по каналам путешествовать так же легко.

— Нет, не думаю.

Энн начала сердиться, однако Кент безжалостно продолжал:

— В каналах опасно. Здесь имеются все возможные шансы для аварий. Все виды опасностей. Все неудобства, какие только можно вообразить. Наткнись твоя машина на булыжник — и кварц облупится. Тогда приступит к работе озон. Он проест металл. Малейшая трещинка на скафандре — и произойдет то же самое. Эта атмосфера ядовита для металла. Настолько полна озона, что, если вдохнуть слишком много, он начнет разрушать легочную ткань. На плато не так опасно: там воздух более разреженный, но здесь, внизу, где атмосфера гуще, озона больше и он работает гораздо быстрее.

Девушка попыталась вставить слово, но он взмахом руки велел ей молчать и продолжал:

— Здесь водятся Едоки. Сотнями. И все сами не свои до человеческих костей. Они обожают фосфат. Каждый из них прикидывает, как бы распотрошить вездеход или скафандр и добраться до еды внутри. Ты никогда не видела больше чем пару Едоков одновременно. А мы с Чарли наблюдали этих тварей тысячами: огромные стада во время их периодических миграций вверх и вниз по каналам. Они держали нас в иглу как

привязанных по нескольку дней, а сами шарились вокруг, пытаясь до нас добраться. И Гончие тоже, хотя эти не так опасны. А в более глубоких местах обнаруживаешь рои Призраков. Забавные они твари, эти Призраки. Никакого физического вреда от них нет. Может, они даже и не существуют вовсе. Никто не знает, что они такое. Но с ума свести способны. Просто глядишь на них и понимаешь, что они все время наблюдают за тобой.

Повисла выразительная пауза.

Чарли помотал бородой.

— Не место это для женщины, — произнес он. — Канал, в смысле.

— Мне все равно, — ответила Энн, — Вы пытаетесь запугать меня, а я не хочу быть запуганной. Я должна отправиться в канал Безумцев.

— Послушайте, дамочка, — заговорил Чарли, — выберите любое другое место — вообще любое, — и я доставлю вас туда. Но не просите меня отправиться в канал Безумцев.

— Но почему?! — выкрикнула она, — Почему вы его так боитесь?

Энн попыталась прочесть ответ в их лицах, но не смогла.

Чарли заговорил медленно, как можно тщательнее стараясь выбирать слова.

— Потому что Безумный — самый глубокий канал во всем нашем краю. Насколько я знаю, еще никому не удалось побывать на его дне и вернуться живым. Некоторые спускались неглубоко и вернулись — совершенно ошалелые, с пеной изо рта, с оловянными глазами. Они несли полную ахинею. Вот почему канал называется Безумным.

— А теперь послушайте меня, — сказала Энн, — Я проделала весь этот путь не для того, чтобы повернуть назад. Если вы не пойдете со мной, я отправлюсь туда одна. Как-нибудь обойдусь без вашей помощи. Однако вы могли бы значительно облегчить мне задачу и доставить на место гораздо быстрее — ведь вам известны все тропы. Я заплачу. Хорошо заплачу.

— Дамочка, — медленно проговорил Чарли, — мы не проводники. И всех ваших денег не хватит, чтобы заставить нас идти туда, куда мы идти не хотим.

Она стукнула по столу маленьким кулачком.

— Но я хочу вам заплатить. Я настаиваю на этом.

Чарли жестом отмел ее слова.

— Ни единого цента, — заявил он. — Вы не можете купить наши услуги. Но мы готовы рискнуть ради вас, чего бы нам это ни стоило. Просто потому, что мне нравится ваша смелость.

Энн ахнула.

— Так вы пойдете?

Ни один из них не отозвался.

— Просто проводите меня до Безумного, — взмолилась она. — Я не прошу спускаться со мной вниз. Покажите мне самый лучший путь и подождите. Я сделаю все сама. Мне важно только знать, как туда добраться.

Чарли взял кофейник и снова наполнил чашки.

— Мэм, — сказал он, — сдается мне, мы в состоянии отправиться туда, куда способны добраться вы. И не думаю, что мы позволим вам спуститься в Безумный в гордом одиночестве.

Над краем канала с ревом взметнулась заря, затопила землю внезапным светом и наполнила жизнью. Покровные растения развернули широкие мохнатые листья, подставляя их солнцу. Плющи-странники, цепляясь за валуны или выходы скальных пород, судорожно мельтешили в стремлении занять самое освещенное место. Их зеленые полчища сползли с восточного склона, куда забрались накануне, впитывая в себя лучи заходящего солнца, и сломя голову ринулись на западный. Окружающая среда сделала из растений настоящих путешественников, научив их черпать жизненные силы в передвижении. Все пространство канала превратилось в безумную мешанину растительной жизни.

Кент, сжимая в руке ружье, неуклюже выбрался из вездехода. Он поморгал на бледное Солнце, повисшее над кромкой канала, затем прочесал глазами смыкавшийся вокруг них зубчатый горизонт. Старый знакомый пейзаж, типичный для марсианских каналов.

Канал собрал в себе все оттенки красного — от нежно-розового под прямыми лучами восходящего солнца до лиловых теней раннего утра, все еще обнимавших восточную кромку. Буйство красного — ржавые кости мертвой планеты. Тонны кислорода заперты в этих бастионах из камня цвета крови. Неимоверное количество кислорода, достаточное, чтобы сделать Марс пригодным для жизни, навек заковано в оксиде железа.

Похожие на трубы и купола образования поднимались вперемешку с исхлестанными ветром пирамидами и тонкими иглами. Дикий пейзаж. Дикий, безлюдный и неприветливый.

Он окинул взглядом западный горизонт. От края канала, где плато обрывалось и безумные завихрения скальной породы, замороженные в красном камне, сбегали вниз, прямо к ногам Кента, его отделяло миль тридцать, но в разреженной атмосфере молодой траппер мог без всякого увеличительного прибора разглядеть там даже самые мелкие камушки.

Ниже восточной кромки, где лиловые тени еще не успели

растаять в утреннем свете, сторожевыми огоньками маячили Призраки. С такого расстояния их формы угадывались лишь смутно. Кент показал им кулак. Проклятые Призраки!

В низинке материализовалось струящееся тело. Гончая прокралась мимо и исчезла. Проскакав по извилистой тропе, нырнул в свою нору марсианский бобер.

Восходящее солнце выдавливало из земли ночной холод. Температура будет теперь подниматься до середины дня и застынет на отметке минус пятнадцать-двадцать градусов по Цельсию.

Из мешанины красных валунов выскочил закованный в силикатную броню Едок. Карающей ракетой он устремился вниз, на человека. Почти устало траппер вскинул ружье, снес зверя одним яростным залпом голубой энергии и вполголоса выругался.

— Нельзя тратить энергию, — пробормотал он. — Ее почти не осталось.

Сунув ружье под мышку, Кент сердито уставился на подстреленного Едока. Выстрел настиг чудовище на середине прыжка, и, падая, оно пропахало в твердой красной почве глубокую борозду.

Траппер обогнул корпус вездехода. Поблизости, намертво заклинившись между двумя валунами, лежала на боку вторая машина.

Из ее открытого воздушного люка выбрался Чарли.

— Ничего хорошего. — Белая борода качнулась внутри шлема из стороны в сторону, — Больше не поедет.

Кент хранил молчание, и старый траппер, подойдя к нему, продолжил:

— Вмятина во весь бок. Весь кварц посшибало. Озон уже приступил к работе. Панели становятся мягкими.

— Полагаю, механизм тоже сдох?

— Вдребезги.

Они стояли бок о бок, печально взирая на разбитую машину.

— Хороший был вездеход, — печально вздохнул Чарли.

— Вот, — заметил Кент язвительно, — что проистекает из намерения сопровождать по всей стране чокнутую дамочку.

Чарли проигнорировал замечание.

— Я собираюсь немного прогуляться по каналу. Погляжу, что тут творится.

— Будь осторожен, — предупредил его молодой траппер, — Тут кругом Едоки. Только что одного пристрелил.

Старик торопливо зашагал по дну канала, пробираясь между разбросанными в беспорядке валунами и зазубренными

скальными выходами. Через несколько секунд он исчез из виду. Кент вернулся к неповрежденной машине и увидел Энн Смит. Та как раз выбиралась из шлюза.

— Доброе утро, — крикнула девушка.

Траппер на приветствие не ответил.

— Наш вездеход сломан, — сказал он. — С этого момента нам придется пользоваться вашим. Будет немного тесно.

— Совсем сломан?

— Совсем. Та авария прошлой ночью. Когда под гусеницами земля осела. Кварц треснул, и озон попал в панели.

Девушка нахмурилась.

— Мне очень жаль, что так вышло. Разумеется, это моя вина. Если бы не я, вы бы тут не оказались.

— Надеюсь, — вздохнул Кент без всякого намека на сочувствие, — это докажет вам, что путешествие по каналам не увеселительная прогулка.

Энн огляделась и поежилась при виде полного запустения.

— Хуже всего Призраки, — пожаловалась она, — Смотрят, все время смотрят…

Мерцающая фигура возникла не более чем в ста футах от них. Некто явно писал что-то на груде сваленных в кучу камней. Призрак выворачивался и отступал вверх, бледный, неузнаваемый, то и дело меняющий облик. То он казался ласковым старым дедушкой с длинной окладистой бородой, то вдруг превращался во что-то крайне и неизъяснимо похабное. Затем так же внезапно, как и появился, Призрак исчез.

Энн вздрогнула.

— Всегда смотрят, — повторила она, — Поджидают за углом. Готовые выскочить и посмеяться над тобой.

— Они действуют на нервы, — согласился Кент, — но их нечего бояться. Они не могут прикоснуться к человеку. Может, они вообще не более чем мираж — игра воображения. Вроде вашего Гарри Отшельника.

Девушка резко обернулась к нему и хмуро спросила:

— Далеко еще до Безумного?

— Не знаю. — Траппер пожал плечами. — Может, несколько миль, а может, сотня. Однако мы должны быть уже рядом.

— Безумный! — донесся из канала крик Чарли. — Безумный! Идите сюда и взгляните на него!

Канал Безумцев был продолжением канала, по которому троица путешествовала до сих пор. Однако теперь их взорам предстало нечто совершенно иное.

Дно канала, внезапно обрываясь, исчезало в провале синих теней. Огромный каньон вытянулся на многие мили, и на всей его

протяженности окрестные скалы, слившись в сплошную, почти отвесную стену, подножием своим уходили в казавшиеся бездонными глубины.

— Чарли, что это?

— Не могу сказать, парень, — Белая борода мотнулась за стеклом скафандра, — Но вид, безусловно, впечатляющий. Двадцать лет я топтал эти каналы и никогда не видел ничего подобного.

— Вулканический кратер? — подала голос Энн.

— Возможно, — согласился Чарли, — но, честно говоря, не совсем на него похоже. И все-таки что-то здесь произошло. То ли кусок дна обвалился, то ли еще что.

— Дна не видно, — заметила Энн, — Как будто там внизу голубая дымка. Не совсем как тени. Скорее как туман или вода.

— Не вода, — отрезал старый траппер, — На это можно поставить последний доллар. Если кто-нибудь когда-нибудь найдет на Марсе столько воды в одном месте, он застолбит участок и сколотит состояние.

— Чарли, — поинтересовался Кент, — тебе доводилось встречать кого-нибудь, кто туда спускался? Ты разговаривал с кем-нибудь, кому удалось это сделать?

— Нет, парень. Ни разу. Но я слышал рассказы о некоторых, кто попробовал. Они так и не стали прежними. Что-то случилось с ними там, внизу. Что-то, что прокрутило им мозги.

Кент почувствовал, как ледяные пальцы коснулись его спины. Молодой траппер уставился в синие глубины Безумного и, напрягая зрение, попытался взглядом проникнуть сквозь завесу, скрывавшую дно. Бесполезно. Чтобы выяснить, что там, внизу, оставалось лишь, собрав волю в кулак, уподобиться тем, кто в своих стараниях лишился разума, и попробовать совершить спуск по этим крутым стенам.

— На вездеходе не проехать.

Он сам удивился собственным словам и отступил от края бездны. Что с ними происходит? Дальше идти нельзя. Еще не поздно отступить и вернуться. При наличии одной машины и многих миль пути им придется двигаться медленно и очень аккуратно. Но справиться можно. Это разумно, а безрассудную храбрость пусть проявляют другие.

И словно из неимоверного далека до него долетели слова Уоллеса:

— Ясное дело, придется идти пешком. Но у нас должно получиться. Будем надеяться, внизу обнаружится воздух — достаточно плотный, чтобы дышать и не наглотаться озона. Может, там и вода отыщется.

— Чарли! — воскликнул Кент. — Ты не знаешь, что говоришь! Мы не сможем…

Молодой траппер осекся на середине фразы и прислушался. Еще сквозь звук собственного голоса он различил эту первую странную вибрирующую ноту, прилетевшую откуда-то из верховий канала. Ему и раньше доводилось слышать нечто подобное — далекий рокот бегущих ног, скрежет одного камнеподобного тела о другое.

— Едоки! — заорал Кент. — Едоки мигрируют!

Он быстро огляделся. Бежать некуда. Возле пропасти канал сужался, и его склоны переходили в отвесные стены. О попытке отбиться от мчащегося на них грохочущего стада не стоило даже помышлять. Кроме того, в ружьях осталось слишком мало энергии, в узком проходе придется вести непрерывный огонь, и аккумуляторы разрядятся мгновенно.

— Давайте вернемся к машине! — завопила Энн, ударяясь в бегство.

— Не успеем! — Кент, догнав девушку, сгреб ее в охапку и развернул. — Слышите этот грохот? Они несутся во весь опор! Будут здесь через минуту!

Чарли что-то кричал им, тыча пальцем в Безумный. Молодой траппер кивнул, соглашаясь. Да, только этот путь оставался для них открытым. Негде спрятаться, негде встать и принять бой. Бегство — единственный выход. Но он вел их прямо в пасть канала Безумцев.

— Может, это наш шанс! — орал Чарли. Его ярко-голубые глаза горели от возбуждения, — Если успеем добраться до тени.

Стараясь не потерять равновесия, они начали лихорадочный спуск. Мягкие камни крошились, разъезжаясь из-под стальных подошв ботинок. Душ из булыжников сопровождал их, стуча и шурша вниз по склону. Солнце, моргнув, пропало из вида, когда беглецы достигли края густой тени и, постепенно замедляя темп спуска, остановились.

Кент оглянулся. Наверху царила полная неразбериха. Огромные твари, закованные в силикатный панцирь, сбившись в единое суетливое месиво, толкались и дрались между собой, лишь бы не свалиться в канал Безумцев. Передние вставали на дыбы, брыкались и упирались. Задние давили. Некоторые, не сумев удержаться на краю, кувыркались вниз, скользили, отчаянно цепляясь когтями, и лихорадочно ползли обратно. Другие упрямо карабкались вверх по отвесным стенам.

Три человека следили из глубины за борьбой в поднебесье.

— Даже проклятые Едоки боятся Безумного, — изрек Чарли.

Их окружали Призраки. Сотни Призраков колыхались, плыли,

возникали и пропадали. В синих тенях нижнего мира они казались язычками пламени на слабом ветру. Призраки раскачивались туда-сюда, мерцали, вспыхивали и оплывали. Бесплотные существа то и дело принимали всевозможные формы: прекрасные в своей сложности, угловато-плоские, уродливые, чудовищные, непристойные и ужасные.

А еще на всех троих навалилось жуткое ощущение непрестанного наблюдения. Казалось, чуждые глаза следили за людьми, ждали, что те предпримут дальше, и было непонятно, имеется в том скрытая насмешка или отвратительный умысел.

— Черт подери! — Кент, споткнувшись, ушиб большой палец на ноге. — Черт подери! — повторил он, выравнивая шаг.

Воздух сделался плотнее, и концентрация озона значительно уменьшилась. Полчаса назад беглецы отключили подачу кислорода и отщелкнули стеклянные забрала шлемов. Воздух, разреженный и убогий по земным стандартам, тем не менее годился для дыхания, а скудные запасы кислорода в баллонах следовало экономить.

Энн, споткнувшись, повалилась на Кента. Он подхватил ее, помог подняться на ноги и обнаружил, что девушка заметно дрожит.

— Если бы только они на нас не смотрели, — шепнула Энн. — С ума можно сойти! Наблюдают! Ни единого намека на дружелюбие или враждебность. Вообще никаких эмоций. Хоть бы они ушли… Сделайте что-нибудь! — Ее шепот оборвался на истерической ноте.

Кент промолчал. Что тут скажешь? Он лишь почувствовал прилив дикого гнева на Призраков. Если бы только человек мог что-либо с ними поделать! Едока и Гончую можно убить выстрелом. Но ружья и кулаки бессильны против этих светящихся форм, этих танцующих, мерцающих тварей, которые, судя по всему, не имеют даже осязаемой плоти.

Чарли брел впереди. Внезапно он остановился.

— Там что-то есть. Совсем близко. Я заметил движение.

Кент встал рядом с ним и взял ружье на изготовку. Оба застыли в ожидании, всматриваясь в синие тени.

— Как оно выглядело?

— Не могу сказать, парень. Я видел его лишь мельком. Но, по-моему, забавный экземпляр, — прокомментировал Чарли.

Камень выскочил у них из-под ног и со стуком ускакал вниз по склону.

Существо, издавая скрежещущий звук, двигалось вверх по склону. Человеческие ноздри уловили едва заметный запах, слабый намек на вонь, от которого у Кента зашевелились волосы

на загривке.

Тварь возникла из сумрака, и люди в ужасе застыли при ее появлении. Кошмарным обликом создание превосходило любое ящерообразное чудовище, когда-либо выползавшее из первобытного болота на новорожденной Земле. Казалось, оно вобрало в себя всю ненависть и злобу, какие в течение долгих тысячелетий находили пристанище на древней планете Марс, и придало им материальную форму. Слюна капала с его отвисшей челюсти, жуткий череп криво ухмылялся незваным гостям, обнажая клыки, сочащиеся какой-то мерзостью.

Под звеневший в ушах крик Энн Кент вскинул было ружье, но Чарли, протянув руку, выхватил у него оружие.

— Погоди стрелять, парень, — раздался его негромкий и спокойный голос. — Вон там, ровно справа от нас, еще один, и вроде бы я видел еще парочку сразу за ними.

— Отдай ружье! — заорал Кент, однако, метнувшись к Чарли, он краем глаза заметил еще с дюжину тварей, сгрудившихся в темноте.

— Лучше не дразнить их, сынок, — все так же негромко произнес старый траппер, — Они дьявольские отродья, это точно.

Он вернул винтовку враз успокоившемуся Кенту и начал медленно, шаг за шагом пятиться вверх по склону.

Троица дружно, но медленно отступала с ружьями на изготовку, когда между ними и припавшими к земле чудовищами неожиданно материализовался одинокий Призрак. Он не колебался, не менял форму, а держался прямо и четко, словно пламя свечи в безветренную ночь. Рядом с ним возник еще один, и внезапно их стало несколько. Призраки медленно поплыли вниз по склону прямо на тварей с мертвыми головами, по мере приближения обретая четкость и все более насыщенный цвет, пока не заполыхали плотными колоннами синего пламени на фоне более светлой синевы вечных теней.

Упыри с разинутыми пастями развернулись и проворно ушуршали назад, обратно в тайны нижних горизонтов канала Безумцев. Люди глядели им вслед, едва веря своим широко раскрытым глазам.

— Спасенные Призраком! — нервно рассмеялся Кент.

— Что ж, может, они не так уж и плохи, в конце концов, — еле слышно пробормотала Энн. — Не пойму, зачем они это сделали.

— И как они это сделали, — добавил Кент.

— Главное, — сказал Чарли, — зачем. Я никогда не слышал ни об одном Призраке, который принял бы участие в судьбе человека, а топчу эти каналы уже двадцать марсианских лет.

Кент перевел дух.

— А теперь, — предложил он, — ради бога, давайте повернем назад. Мы не найдем здесь никакого отшельника. Ни один человек не прожил бы здесь и недели, не имея при себе нескольких специально обученных Призраков, чтобы все время его охранять. Нет никакого смысла продолжать и нарываться на неприятности.

Чарли взглянул на Энн.

— Это ваша экспедиция, мэм.

Она переводила взгляд с одного на другого. На лице девушки читался испуг.

— Полагаю, вы правы, — произнесла она. — Никто не может жить здесь. Мы никого здесь не найдем. Наверное, это действительно просто миф, — Ее плечи обреченно поникли.

— Скажите только слово — и мы пойдем дальше, — произнес Чарли.

— Да, черт подери, — согласился Кент, — но с нашей стороны это безумие. Теперь я понимаю, почему люди вылезали отсюда с напрочь съехавшими мозгами. Еще несколько таких тварей — и я сам свихнусь.

— Смотрите! — вскрикнула Энн, — Смотрите на Призраков. Они пытаются нам что-то сказать!

Она не ошиблась. Призраки, по-прежнему пылая насыщенно-синим светом, образовали перед людьми полукруг. Один из них выплыл вперед. Цвет его тек и менялся, пока не принял форму, по очертаниям схожую с человеческой. Правая рука, сперва указав на пришельцев, махнула вниз по склону. Те не поверили своим глазам, когда движение повторилось.

— Что ж, — пробормотала Энн, — мне определенно кажется, что он хочет, чтобы мы двигались дальше.

— Лопни моя селезенка, именно это тварь и пытается нам сказать! — воскликнул Чарли.

Прочие Призраки рассредоточились и окружили людей кольцом. Принявший форму человека поплыл вперед, указывая дорогу. Другие приблизились, словно желая подтолкнуть.

— Полагаю, — заметил Кент, — мы идем. Хотим мы того или нет.

Охраняемые кольцом призраков, все трое двинулись вниз по склону. Доносившиеся снаружи непонятные и ужасные звуки, завывание, шипение и прочие шумы недвусмысленно напоминали о присутствии кошмарных тварей. Странные и жуткие создания неуклюже передвигались в темноте, боролись за существование и погибали здесь, у самого дна канала Безумцев.

Тени сгустились почти до полной непроницаемости. Воздух

сделался плотнее. Температура быстро поднималась.

Казалось, они идут по ровной земле.

— Мы случайно не достигли дна? — поинтересовался Кент.

Кольцо Призраков расступилось, оставив людей одних. Кусок скалы перед ними резко ушел вверх, и из пещеры за ним хлынул свет, исходящий от полудюжины радиевых колб. Невдалеке виднелся припавший к грунту темный силуэт.

— Ракетный корабль! — ахнул Кент.

На фоне освещенного пещерного проема возникла фигура человека.

— Отшельник! — воскликнул Чарли, — Гарри Отшельник. Лопни моя селезенка, если это не старина Гарри собственной персоной!

Рядом с собой молодой траппер услышал девичий голос.

— Я не ошиблась! Я не ошиблась! Я знала, что он должен быть где-нибудь здесь!

Человек направился к ним. Лицо огромного дядьки с широченными плечами обрамляла золотистая борода. Жизнерадостный голос громыхнул приветствие.

При звуках этого голоса Энн вскрикнула, причем крик ее выражал наполовину радость, наполовину неверие. Она неуверенно шагнула вперед и вдруг помчалась прямо к отшельнику.

И бросилась к нему на шею.

— Дядя Говард! — верещала она, — Дядя Говард!

Незнакомец обхватил своими мускулистыми руками облаченную в скафандр девушку, поднял ее и поставил обратно на землю.

Энн повернулась к спутникам.

— Это мой дядя, Говард Картер, — представила она отшельника. — Вы о нем слышали. Лучшие друзья называют его Безумным Картером, из-за того, что он делает. Но ведь ты на самом деле не сумасшедший, правда?

— Только временами, — пророкотал Картер.

— Он то и дело уезжает в экспедиции, — рассказывала девушка, — И всегда объявляется в неожиданных местах. Но он при всем при том ученый, действительно хороший ученый.

— Я слышал о вас, доктор Картер, — заверил Кент, — Рад обнаружить вас здесь, внизу.

— Могли найти и что похуже, — заметил великан.

— Лопни моя селезенка, — сказал Чарли, — Человеческое существо живет на дне Безумного!

— Проходите, — пригласил Картер, — Сейчас всем будет по чашке горячего кофе.

Кент, радуясь возможности побыть без скафандра, вытянул ноги и оглядел помещение. Оно казалось огромным и более всего походило на обширную карстовую пещеру. Видимо, скалы, окаймлявшие Безумный, оказались источены пещерами и лабиринтами — идеальное место для базового лагеря.

Однако их занесло не просто в лагерь. Обстановка в помещении отличалась разнообразием и несколько озадачивала. Столы, стулья и обогреватели торчали вперемешку с лабораторным оборудованием и подозрительного вида механизмами. Одна из таких машин, стоявшая в углу, издавала непрерывное бормотание и пощелкивание. В другом углу прямо в воздухе между полом и потолком висел громадный шар, а исходившее из его глубин сияние было таким ярким, что на него невозможно было смотреть. Повсюду высились кучи тюков и штабеля коробок с материалами и инструментами.

— Похоже, вы планируете задержаться здесь на некоторое время, доктор Картер. — Кент обвел рукой пещеру.

Человек с золотистой бородой, сняв с плиты кофейник, коротко хохотнул. Его смешок эхом отдался во всем помещении.

— Может, останусь и надолго. Хотя вряд ли. Моя работа здесь почти завершена. — Картер разлил дымящийся кофе по чашкам, — Давайте все сюда.

Он занял место во главе маленького стола.

— Утомительная работа спускаться в Безумный. Почти пять миль.

Чарли поднес чашку ко рту, сделал большой глоток, тщательно вытер усы и бороду.

— Да, признаться, ничего себе прогулочка, — согласился он, — Двадцать марсианских лет я ставлю ловушки по каналам и никогда не видел ничего подобного. Что сотворило его, док?

Доктор Картер выглядел озадаченным.

— А, — сообразил он, — вы имеете в виду Безумный?

Чарли кивнул.

— На самом деле не знаю, — пожал плечами гигант, — С тех пор как прибыл сюда, я был слишком занят другими вещами, чтобы попытаться это выяснить. Уникальная впадина в поверхности планеты, но почему или как она возникла, понятия не имею. Хотя могу выяснить для вас за минуту, если хотите. Забавно, мне самому никогда не приходило в голову поинтересоваться.

Он оглядел стол, и глаза его остановились на Энн.

— Но есть кое-что, что мне хотелось бы знать! Каким образом моей драгоценной племяннице удалось меня выследить?

— Но я тебя не выслеживала, дядя Говард, — заверила

девушка, — Я вообще тебя не искала. Даже не думала, что ты где-либо поблизости. Я полагала, что ты снова отправился в одну из своих безумных экспедиций.

Чарли подавился едой.

— Что? — переспросил он. — Вы охотились не за ним? — Старый траппер указал большим пальцем в сторону Картера.

— Нет, — покачала головой Энн. — Я искала Гарри Отшельника.

— Вот черт! — взорвался Чарли. — А я-то думал, мы его нашли. Решил, что ваш дядя и есть отшельник и что вы знали это с самого начала.

— Минуточку, — Вилка доктора Говарда Картера лязгнула по тарелке, — Что это за разговоры об отшельниках?

Он сурово посмотрел на Энн.

— Ты ведь не наговорила этим людям, что я отшельник?

— Черт, — подал голос Кент, — ну давайте же наконец признаем, что такого персонажа, как Гарри Отшельник, не существует. Он просто миф. Я вам твердил это всю дорогу.

Энн тем временем пустилась в разъяснения:

— Дело было так. Я искала Гарри Отшельника. Джим Брэдли, знаменитый исследователь, сказал мне, что если Гарри Отшельник действительно существует, то искать его нужно в Безумном. Он сказал, что канал Безумцев — единственное место, где человек может прожить какое-либо время с каким бы то ни было комфортом. И еще он сказал, что у него имеются причины полагать, что здесь кто-то живет. Поэтому я отправилась на поиски.

— Но, — перебил ее дядя, — зачем тебе понадобилось искать этого отшельника? Просто из любопытства?

— Нет, — девушка покачала головой, — не из любопытства. Видишь ли, дядя, это все из-за папы. Он опять попал в беду…

— В беду?! — рявкнул Картер. — Очередной эксперимент, полагаю? Что на этот раз? Вечный двигатель?

— Нет, не вечный двигатель. На этот раз он преуспел. Даже слишком. Он построил машину, как-то связанную с пространством-временем, с промежуточными измерениями, и попытался перебраться в иное измерение. Это было месяц назад.

— И он все еще не вернулся, — предположил великан.

— Откуда ты знаешь? — Энн подняла на него глаза.

— Потому что я предупреждал его, что так и будет, если он не прекратит баловаться с другими измерениями.

— Но какое отношение имел ко всему этому отшельник? — спросил Кент.

— Брэдли сказал мне, что, по его мнению, Отшельник на

самом деле профессор Бельмонт. Ну, знаете, великий психиатр. Он пропал пару лет назад, и с тех пор от него не было вестей. Брэдли допускал, что он, возможно, проводит какие-то эксперименты здесь, внизу. Может, отсюда и пошла легенда об Отшельнике.

Чарли хихикнул.

— Первые истории о Гарри Отшельнике я слышал еще лет десять назад. Судя по вашим словам, мэм, они начали проникать в цивилизованное общество. Никто не взращивал их намеренно, они росли сами по себе.

Картер отодвинул тарелку.

— Бельмонт здесь появлялся, — Гигант подался вперед, положив локти на стол, — Но он мертв. Твари снаружи убили его.

— Убили! — Лицо у Энн побелело. — Ты в этом уверен?

Дядя кивнул.

— Он был единственным человеком, кто мог бы помочь папе, — напряженно произнесла девушка, — Он был единственным, кто мог бы понять…

— Мне Призраки сказали, — пояснил Картер, — Ошибки быть не может. Бельмонт мертв.

Чарли поставил кофейную чашку и уставился на Картера.

— Вы говорили с Призраками, мистер?

Великан кивнул.

— Лопни моя селезенка, — пробормотал старый траппер. — Кто бы мог подумать, что эти твари способны говорить.

Картер оставил без внимания его реплику.

— Энн, — обратился он к девушке, — возможно, я смогу что-нибудь для тебя сделать. Вернее, не сам. Призраки.

— Призраки? — переспросила Энн.

— Конечно Призраки. Что еще изучать здесь, как не Призраков? В Безумном их тысячи. Именно за этим шел сюда

Бельмонт. Когда он не вернулся и никто не смог его отыскать, я тайно отправился в это место. Я полагал, что он нашел нечто такое, о чем не хотел поведать остальному миру, поэтому и сам постарался не оставить следов, чтобы никто не пошел за мной.

— Но как Призраки могут кому-либо помочь? — спросил Кент. — Они явно существа совершенно иного порядка. Они не имеют ничего общего с человечеством. Никакого взаимопонимания.

Борода у Картера воинственно встопорщилась.

— Призраки, — произнес он, — существа свободные. Вместо протоплазмы они состоят из определенных силовых полей. Они существуют независимо от всего, что для нас жизненно необходимо. И все же это жизнь. Разумная жизнь. Они являются

истинно господствующей расой Марса. Некогда они были не такими, как сейчас. Их нынешняя форма — продукт эволюции. Едоки эволюционировали, нарастив силикатные латы. Гончие и бобры противостояли среде, научившись обходиться минимумом еды и воды и отрастив густой мех, чтобы защититься от холода. Все это результат эволюции.

Призраки могли бы решить многие проблемы человечества, могли бы за одну ночь сделать нашу расу богоравной. Если бы захотели, конечно. Но они не захотят. У них нет ни способности жалеть или ненавидеть, ни стремления сделаться благодетелями. Им просто все равно. Они совершенно бесстрастно наблюдают за жалкой борьбой людей здесь, на Марсе, и если вообще что-то чувствуют, то разве что только некую разновидность самодовольной иронии.

— Но ты все-таки подружился с ними, — заметила Энн.

— Не подружился. Мы просто пришли к пониманию, заключили соглашение. Призракам недостает чувства сотрудничества и ответственности. У них отсутствует понятие лидерства. Призраки — истинные индивидуалисты, но они понимают, что именно эти недостатки встали на пути прогресса. Их знание при всем его величии тысячи лет пролежало в спячке. Они сознают, что при разумном руководстве могут пойти вперед и увеличить это знание, сделаться расой чисто интеллектуальных существ, ровней чему угодно в Солнечной системе, а то и во всей Галактике.

Картер задумался на мгновение, барабаня пальцами по столу.

— Я обеспечил им это руководство, — заявил он.

— Но как насчет папы? — напомнила Энн, — Вы с ним никогда не ладили, ненавидели друг друга, я знаю, но ты можешь помочь ему. Ты ведь поможешь ему, правда?

Ученый молча поднялся из-за стола и проследовал к той самой загадочной машине, что бормотала и щелкала в дальнем конце зала.

— Мой коммуникатор, — пояснил он. — Устройство, которое позволяет говорить с Призраками. Создано по принципу радио. Настраивается на частоты мысленных волн Призраков. Через эту машину проходит каждый клочок информации, которую Призраки желают мне передать. Мысли записываются на бобины тонкой проволоки. Чтобы узнать, что было передано на коммуникатор, мне остается лишь надеть мыслепередающий шлем, прокрутить через него бобины с проволокой, и их мысли соприкасаются с моим мозгом. Я ничего не слышу, ничего не чувствую — но я знаю. Мысли призраков отпечатываются у меня в мозгу, становясь моими собственными.

Чарли в изумлении затряс бородой.

— Тогда вам известно все, что происходит на Марсе, — восторженно произнес он, — Призраки повсюду, они все видят.

— Я знаю лишь то, что они считают необходимым мне сообщить, — поправил Картер, — А они в свою очередь имеют возможность выяснить все, что мне захочется знать.

— А как вы сами разговариваете с ними? — спросил Кент.

— Процесс один и тот же, — ответил ученый, — Шлем передает мои мысли им.

Картер взял шлем и водрузил на голову.

— Сейчас узнаю про твоего отца, — обратился он к Энн.

— Но он не в этом пространстве времени, — запротестовала девушка, — Он где-то еще.

Великан улыбнулся.

— Призраки все про него знают. Несколько недель назад они рассказывали мне о человеке, затерянном вне нашей пространственно-временной структуры. Должно быть, речь шла о твоем отце. А я и не подозревал.

Он посмотрел прямо на племянницу.

— Пожалуйста, поверь мне. Если бы я знал, кто это, я бы непременно что-нибудь предпринял.

Та кивнула, глаза у нее горели.

В пещере повисла долгая тишина. Наконец Картер снял с головы шлем и поставил его на металлическую подставку.

— Ну? Ты знаешь… Призраки знают что-нибудь о нем? — раздался нетерпеливый девичий голос.

Дядя кивнул.

— Энн, — сказал он, — твоего отца вернут. Ни один смертный не в силах вернуть его обратно в нормальное измерение, но Призраки могут. Они владеют способностью взаимодействовать с материальными предметами, искривлять мировые линии и перекручивать межизмеренческие координаты.

— Ты говоришь правду? — взволнованно спросила девушка. — Это не просто твой очередной розыгрыш?

Лицо в обрамлении золотой бороды широко ухмыльнулось, а затем помрачнело.

— Дитя, я не шучу с такими вещами. Это слишком серьезно.

Великан оглядел помещение, словно ожидая какого-то события.

— Твой отец будет здесь с минуты на минуту, — заявил он.

— Здесь?! — воскликнула Энн, — Здесь, в этой пещере?..

Ее голос внезапно прервался. Зал вдруг наполнился Призраками, и в самой их гуще материализовался человек — мужчина с морщинами изумления поперек лба, с сутулыми

плечами, в очках с толстыми линзами. Словно от дуновения ветра Призраки исчезли, оставив человека в одиночестве.

— Папа! — подлетела к нему Энн, — Ты вернулся, папа!

Она бросилась к нему в объятия, а мужчина, глядя через ее плечо, вдруг заметил гиганта с бородой.

— Да, Энн, — произнес он, — я вернулся.

Лицо его напряглось, когда Картер сделал шаг в их сторону.

— Ты здесь, — рявкнул доставленный Призраками незнакомец, — Так я и знал. Где что-то затевается, ты всегда поблизости.

У бородатого гиганта в горле клокотал смех.

— Стало быть, ты отважился сунуться в измерения, не так ли? — насмешливо поинтересовался он. — Ты же всегда мечтал это сделать. Великий Джон Смит, единственный человек, когда-либо выбиравшийся за пределы четырехмерного континуума.

Смех его, казалось, сотряс пещеру.

— Полагаю, ты меня вытащил, — процедил Смит сквозь зубы, — Поэтому можешь насмехаться надо мной.

Мужчины стояли, меряясь взглядами, и Кент кожей ощутил существующее между ними непримиримое противоречие, не поддающееся доводам разума.

— Я не стану благодарить тебя за это!

— Что ж, Джон, я и не рассчитывал, — хохотнул Картер, — Я знал, что ты меня за это еще больше возненавидишь, а старался вовсе не ради тебя. Я сделал это для твоей девочки. Ради твоего спасения она примчалась сюда из Лэндинг-Сити, преодолев сотни миль пустыни и каналов. Она спустилась в Безумный. Для нее я это сделал. Для нее и для двух храбрых парней, которые ей помогли.

Смит явно впервые заметил Кента и Чарли.

— Благодарю вас, — кивнул он, — за все, что вы сделали.

— Ерунда, — отозвался Чарли, — Ничего особенного. Мне всегда хотелось проведать Безумный. Никто еще не выбирался отсюда в своем уме. Большинство вообще не выбирались.

— Если бы не мои Призраки, вы бы тоже не выбрались, — напомнил ему Картер.

— Отец, — взмолилась Энн, — ты не должен вести себя так. Дядя Говард вернул тебя назад. Он единственный человек, который оказался на это способен. Если бы не он, ты бы до сих пор пребывал в другом измерении.

— Каково это, Джон? — поинтересовался Картер, — Темно и ничего не видно?

— Между прочим, — отозвался Смит, — именно так и было.

— Это ты так думал, — хихикнул великан, — Потому что у

тебя не было нужных ощущений и способности к восприятию, чтобы видеть, слышать или установить какие-либо связи или ассоциации в том мире. Неужели ты на самом деле думал, что твои жалкие человеческие чувства буду служить тебе в подобном месте?

— Что ты об этом знаешь? — прорычал Смит.

— Призраки, — ответил Картер, — Не забывай, Призраки рассказывают мне все.

Великан обвел взглядом пещеру.

— А теперь, боюсь, вам пора. — Золотобородый гигант посмотрел на Энн, — Я сделал, что от меня требовалось, не так ли?

Она кивнула и поинтересовалась:

— Ты нас выгоняешь?

— Называй это так, если хочешь, — пожал плечами Картер. — Мне нужно работать. Дел непочатый край. Одна из причин, по которым я забрался в самую глубину канала Безумцев, — необходимость побыть одному.

— Эй, послушайте, мистер, — резко произнес Чарли, — подъем из Безумного долог. Еще дольше добираться до нашего иглу. Вы же не выставите нас, не дав отдохнуть?

— Не обращайте внимания на этого безумца, — заметил Смит. — Он всегда был таким. Разум просыпается в нем лишь изредка.

Картер, словно не слыша слов брата, обратился к Чарли:

— Вам не придется идти назад пешком. Там, снаружи, мой ракетный корабль. Возьмите его. — Великан хихикнул, — Можете не возвращать. Это мой подарок.

— Но дядя! — воскликнула Энн, — А как же ты?

— Не беспокойся. Мне он не понадобится. Призраки в мгновение ока могут доставить меня куда угодно — стоит только передать им мое пожелание. Я перерос ваши глупые ракетные корабли. Как и множество других вещей.

Он обвел рукой пещеру и указал на сияющий шар, что висел между полом и потолком.

— Чистая энергия. Внутри этой сферы из силовых волн генерируется колоссальная мощь. Постоянный, эффективный и очень надежный источник энергии. Это единственная оболочка, способная выдержать невероятное давление и любую температуру.

Великан умолк, огляделся.

— Одна из вещей, которым я научился, — продолжил он, — Только одна из многих. Призраки — мои учителя, но со временем я стану их повелителем.

В его глазах зажегся безумный огонек фанатизма.

— Эй, парень, — подал голос Кент, — да ты прославишься как величайший ученый, какого знал мир.

Глаза Картера, казалось, вспыхнули.

— Нет, не прославлюсь! Потому что не собираюсь никому ничего рассказывать. Почему я должен что-то кому-то рассказывать? Что такого сделало для меня человечество? — Его смех гремел и отдавался эхом под сводами, — Сами ищите! — выкрикнул он, — Идите и ищите сами! Вы потратите на это миллион лет!

Голос его сделался спокойнее.

— Призраки практически бессмертны. Не абсолютно, но близко к тому. Прежде чем покончить с исследованиями, я сам стану бессмертным. Есть способ. Еще немного — и я им овладею. Я стану Призраком! Сверх-Призраком — существом чистой силы. И когда это произойдет, мы с остальными Призраками покинем изношенный мир. Мы выйдем в бездну и построим новый мир, совершенный. Мы будем жить целую вечность, будем наблюдать и смеяться над глупыми трепыханиями мелких людишек.

Четыре пары глаз, не мигая, следили за ним.

— Ты говоришь это не всерьез, Говард, — запротестовал Смит. — Ты не можешь так думать.

Безумный огонь исчез из глаз Картера.

— Почему, Джон? — поинтересовался он гулким от готового прорваться наружу смеха голосом.

Сунув руку за пазуху, Картер извлек маленький предмет, блеснувший в свете радиевых колб. Все увидели висевший на цепочке ключ. Гигант через голову снял с шеи цепочку и протянул ключ Кенту.

— От ракетного корабля, — пояснил он, — Топливные баки почти полные. Поднимете его под углом градусов в тридцать, чтобы миновать скалы.

Молодой траппер взял ключ и неловко повертел в руках.

— Надеюсь, ваше путешествие будет приятным, — не без ехидства произнес Картер и церемонно поклонился.

Двое трапперов, девушка и профессор, медленно повернулись и направились к двери.

— И скажите всем, кого встретите, — крикнул им вслед великан, — чтобы не пытались спускаться в Безумный. Передайте им, что у них могут быть неприятности.

Чарли обернулся:

— Мистер, по-моему, у вас не все дома.

— Вы не первый, кто мне это говорит, — успокоил его Картер, — И может быть… Что ж, порой мне кажется, что они

правы.

Крепкий и надежный ракетный корабль несся над красными пустынями. Далеко внизу беспорядочное пересечение каналов, имевших более глубокий оттенок, казалось вытравленным огненными линиями.

— Вот тебе, парень, и еще одна история, чтобы рассказывать мальчишкам, — обратился Чарли к Кенту, — Очередная байка про Гарри Отшельника.

— Не поверят, — отмахнулся молодой траппер. — Выслушают, а потом немного подправят и перескажут еще кому-нибудь. А кто-то другой добавит что-то свое. Все, что мы можем, Чарли, это дать жизнь другому, еще более великому, Гарри Отшельнику.

Сидящая рядом с отцом Энн улыбнулась.

— Ну просто парочка мифотворцев.

Чарли, почесывая бороду, изучал проплывающий внизу пейзаж.

— Знаете, — произнес он, — я по-прежнему думаю, что тот парень не в своем уме. Он попытается превратиться в Призрака — и сделается самым что ни на есть обычным земным привидением. Тем, которых просто не существует…

Призрак материализовался внезапно, слегка мерцая в кабине…

И впервые за известное человеку время — возможно, впервые за всю историю — призрак заговорил. Голосом, который все мгновенно узнали. Громкий и насмешливый, он принадлежал великану из канала Безумцев:

— Вы действительно так считаете?

В следующее мгновение Призрак потускнел и пропал из глаз.

Миры без конца
Worlds Without End
Перевод: А. Бурцев

«Миры без конца» впервые был опубликован в зимнем номере журнала Future Science Fiction за 1956–1957 годы. В то время журнал редактировал Роберт У. Лаундс, который со времен Второй мировой войны покупал рассказы у Клиффорда Д. Саймака. Однако Лаундес не был любимым редактором Клиффа; до войны его предпочтением пользовались Джон У. Кэмпбелл-младший, выпускавший журнал Astounding Science Fiction, а затем Гораций Голд, создавший журнал Galaxy. Но именно Лаундс первым услышал эту историю о коррупции в давно существующей организации.

— dww

I

Было непохоже, что она из тех, кто хочет уйти в Сон. Однако, подумал Норман Блэйн, кто может это сказать? Он записал имя, которое она нацарапала в блокноте вместо того, чтобы проставить в бланке заявления.

Он записал его медленно, тщательно, чтобы дать себе время подумать, так как здесь было что-то непонятное.

Люсинда Сайлон.

Странное имя, подумал он. Не похоже на настоящее. Больше напоминает сценический псевдоним, взятый, чтобы прикрыть обычную Сюзанну Браун или Бетту Стил, или любое другое из общеупотребительного набора имен.

Он записал его медленно, чтобы подумать, но не мог думать очень хорошо. В его голове беспорядочно роилось слишком много другого: странные слухи, которые уже несколько дней передавали шепотом в Центре, его собственную связь с этими слухами и данный ему совет. Это было нечто забавное о работе. Совет был таков: не доверяйте Феррису (как будто он нуждался в таком совете!), хорошенько проверьте то, что он предложит. Это был доброжелательный совет, но не очень полезный.

И был хватающийся за лацканы Болтун, поймавший его

нынче утром на стоянке и вцепившийся, когда Блэйн попытался отодвинуть его. И Гарриет Марш, с которой у него было свидание прошлой ночью.

И вот, наконец, эта женщина по другую сторону стола.

Хотя это глупо, сказал себе Блэйн, думать так, привязывать ее ко всему остальному; все столкнулось, как плывущие по воде щепки, в его голове. Здесь не может быть никакой связи — просто не может быть.

Я Люсинда Сайлон, сказала она. Было нечто в этом имени и в том, как она его произнесла — слабая ритмика тона, явно предназначенная, чтобы придать имени изящество и блеск, — включившее крошечный звоночек тревоги в его мозгу.

— Вы из «Развлечений»? — небрежно сказал он. Это был хитрый вопрос из тех, что следовало задавать правильно.

— Ну, нет, — ответила она. — Нет.

Прислушиваясь к тому, как она произносит это, Блэйн не нашел ничего подозрительного. В ее голосе слышался отголосок трепещущего счастья, заставившего его предположить, что она, должно быть, из «Развлечений». И это было так, как должно. Это была реакция, которую проявляло большинство людей — польщение от предположения, что они принадлежать к баснословной гильдии «Развлечения».

Он сделал ей комплимент.

— Я бы предположил, что вы оттуда.

Он прямо взглянул на Люсинду Сайлон, наблюдая за выражением ее лица, но искал и другие признаки.

— Мы здесь умеем судить о людях, — сказал он. — И редко ошибаемся.

Она не сморгнула. Никакой реакции — ни вздрагивания от вины, ни малейшего смущения.

Ее волосы были цвета меда, глаза синие, как у китаянки, а кожа такая молочно-белая, что приходилось взглянуть во второй раз, чтобы убедиться, что она настоящая.

Не много у нас бывает таких, как она, подумал Блэйн. Обычно приходят старые, больные и разочаровавшиеся. Отчаявшиеся и потерпевшие крушение.

— Вы ошиблись, мистер Блэйн, — сказала она. — Я из «Образования».

Он записал в блокноте «Образование» и сказал:

— У вас очень хорошее имя. Легкое для произношения. Оно хорошо бы пошло на сцене. — Он оторвал взгляд от блокнота и продолжал, улыбаясь — заставляя себя улыбаться вопреки растущему в нем необъяснимому напряжению: — Однако, это не просто имя, я уверен в этом.

Она не улыбнулась, и он мельком подумал, не сказал ли неловкость. Он быстро пропустил в уме слова, которые только что сказал, и решил, что не был бестактным. Вы знаете, как управлять людьми, вы должны знать, как управлять ими. И вы отлично знаете, как управлять собой — как заставить свое лицо выражать одно, в то время как вы думаете совсем другое.

Нет, слова его были комплиментом, и не из самых плохих. То, что она не стала улыбаться, может что-то значить — или не значить ничего, не считая того, что она умна. Норман Блэйн не обрадовался, что Люсинда Сайлон умный и самый невозмутимый клиент, какого он когда-либо видел.

Хотя невозмутимость сама по себе не слишком необычна. Сюда приходят невозмутимые люди — невозмутимые и расчетливые, рассчитавшие все наперед и знающие, что им нужно. Приходят также и другие, отрезавшие себе все пути к отступлению.

— Вы хотите выбрать Сон, — сказал он.

Она кивнула.

— И Сновидение…

— И Сновидение, — подтвердила она.

— Я полагаю, вы это хорошо обдумали. Вы не пришли бы, конечно, если бы у вас были какие-то сомнения.

— Я хорошо все обдумала, — сказала она ему, — и не сомневаюсь.

— У вас еще есть время. У вас будет время изменить свое решение до самого последнего момента. Мы очень стремимся, чтобы это твердо запечатлелось в вашем сознании.

— Я не изменю решения, — сказала она.

— Мы всегда стремимся дать вам возможность подумать. Мы не пытаемся изменить ваше решение, но настаиваем на полном понимании, что ваш выбор — единственно возможный. Вы ничем не обязаны нам. Неважно, как далеко мы зашли, это ни к чему не обязывает. Может быть сфабриковано Сновидение, вы можете произвести оплату, вы уже можете войти в хранилище — и все же решение можно изменить. Тогда Сновидение может быть уничтожено, деньги возвращены и контракт аннулирован.

— Я все поняла, — сказала она.

Он спокойно кивнул.

— Мы все основываем на понимании.

Он взял ручку и записал ее имя и гильдию на бланке заявления.

— Возраст?

— Двадцать девять.

— Замужем?

— Нет.

— Дети?

— Нет.

— Ближайшие родственники?

— Тетя.

— Ее имя?

Она сказала ему имя, и он записал его вместе с адресом, возрастом и гильдией.

— Еще?

— Больше никого.

— Ваши родители?

Родители умерли много лет назад, сказала она. Она — единственный ребенок. Она сообщила имена родителей, их гильдии, возраст в момент смерти, их последнее место жительства, место захоронения.

— Вы будете проверять все это? — спросила она.

— Мы проверяем все.

Это был момент, когда большинство клиентов — даже те, которым нечего было скрывать — начинали нервничать, неистово рыться в памяти в поисках какого-нибудь давно забытого инцидента, который могла бы обнаружить проверка.

Люсинда Сайлон не нервничала. Она спокойно сидела, ожидая дальнейших вопросов.

Норман Блэйн задал их: ее номер в гильдии, членская карточка, ее нынешний начальник, последний медосмотр, психические и физические отклонения и болезни — и все другие тривиальные вопросы о подробностях повседневной жизни.

Наконец, он замолчал и положил ручку.

— По-прежнему нет сомнений?

Она покачала головой.

— Повторяю еще раз, — сказал Блэйн, — мы хотим быть совершенно уверенными, что получили добровольного клиента. Иначе у нас не могло бы быть законного положения. Но, кроме того, существует еще вопрос этики…

— Я так понимаю, — сказала она, — что мы очень этичны.

Это могло быть насмешкой, и если так, то это очень умная насмешка. Он попытался решить, так ли это, и не смог.

— Мы должны быть этичными, — сказал он. — Такое учреждение, чтобы выжить, должно основываться на высшем кодексе этики. Вы отдаете свое тело в наши руки для безопасного хранения на определенное число лет. Кроме того, вы отдаете нам свое сознание, хотя и в меньшей степени. Во время работы с вами мы получаем множество сведений о вашей интимной жизни. Чтобы вести такую работу, мы должны иметь полное доверие не

только наших клиентов, но и широкой общественности. Малейший скандал…

— У вас никогда не бывало скандалов?

— В прежние времена было несколько. Теперь они забыты, и мы надеемся, что таковыми они и останутся. Эти скандалы заставили нашу гильдию понять, как важно, чтобы мы сохраняли свою свободу от любого профессионального давления. Скандал в любых других гильдиях не больше, чем юридическое дело, которое может быть решено в суде, а затем прощено и забыто. Но нас не простят и не забудут. Мы это не переживем.

Сидя здесь, Норман Блэйн думал, что гордится своей работой. Яркая и блестящая, уютная и довольная гордость хорошо выполненной работой. И это чувство не принадлежало ему одному, его испытывал любой служащий Центра. Они могли быть непочтительными, когда болтали среди своих, но гордость была, скрытая под непочтительностью и проявляющаяся в работе.

— Вы говорите почти как посвященный, — сказала она.

Снова насмешка? — подумал он. Или это лесть под стать его собственной? Он слегка улыбнулся своим мыслям.

— Не посвященный, — сказал он. — По крайней мере, мы никогда не думаем о себе так.

И это не совсем правда, подумал он. Наступало время, когда каждый из них начинал думать о себе, как о посвященном. Об этом, конечно, никто не мог сказать вслух — но думали все именно так.

Это странное положение, подумал он, гордясь работой, свирепая лояльность самой гильдии и затем рвущая глотки конкуренция и политика Центра, находящаяся между гордостью и лояльностью.

Взять, например, Реймера. Реймера, который после стольких лет работы был близок к увольнению. На днях был разговор — известный всем секрет, шепотом передававшийся по Центру. К этому, якобы, приложил руку Феррис, каким-то образом в это был замешан Лев Гизи; и были другие, о которых упоминали. Например, сам Блэйн, упоминавшийся как один из тех, кто мог заменить Реймера. Слава Богу, все эти годы он держался в стороне. В политике Центра слишком много интриг. А Норману Блэйну достаточно и своей работы.

Хотя было бы прекрасно, подумал он, если бы я взял место Реймера. Оно было на ступеньку выше, прекрасно оплачивалось и может, если бы он получал больше, то сумел бы уговорить Гарриет бросить работу в газете и…

Он заставил себя вернуться к делу.

— Есть определенные соображения, которые вы должны

принять во внимание, — сказал он женщине по другую сторону стола. — Вы должны понять все, что влечет за собой ваше решение, прежде чем двигаться дальше. Вы должны понять, что когда погрузитесь в Сон, то проснетесь в цивилизации, отличающейся от вашей собственной. Планеты не будут стоять на месте, пока вы спите, они будут развиваться — по крайней мере, мы надеемся на это. Они станут очень отличаться от нынешних. Изменится мода в одежде, манеры. Мысли, речь и перспективы — все будет иным. Вы проснетесь чужой в мире, который оставит вас далеко позади, вы будете старомодной. Появятся издания, на которые сейчас нет ни малейшего намека. Могут развиться правительства и станут другими обычаи. То, что незаконно сегодня, может стать совершенно приемлемым завтра. То, что приемлемо и законно сегодня, может стать оскорбительным и незаконным потом. Все ваши друзья будут мертвы…

— У меня нет друзей, — сказала Люсинда Сайлон.

Не обращая на нее внимания, он продолжал:

— Я пытаюсь внушить вам, что, проснувшись, вы уже не сможете вернуться в этот мир, вашего мира больше не будет существовать. Ваш мир давно будет мертв, вы должны будете приспосабливаться, должны будете взять курс на переориентацию. В конечном счете, в зависимости от степени осознания личности, изменения в культуре могут быть велики, и переориентация должна будет произойти как можно быстрее. Мы должны будем дать вам не только факты перемен, которые произойдут, пока вы спите, мы должны достигнуть принятия вами этих перемен. Пока вы не приспособите не только ваши знания, но и культуру, мы не сможем позволить вам уйти. Чтобы жить нормальной жизнью в том мире, в котором вы проснетесь, вы должны будете принять его так, словно родились в нем — вы должны будете, фактически, стать его частью. А это частенько бывает длительным и неприятным процессом.

— Я все поняла, — сказала она. — Я готова принять все условия, которые вы предложите.

Она совершенно не колебалась. Люсинда Сайлон не выказывала ни сожаления, ни нервозности. Она была так же холодна и спокойна, как и тогда, когда входила в кабинет.

— Теперь, — сказал Блэйн, — причина.

— Причина?

— Причина, почему вы хотите уйти в Сон. Мы должны ее знать.

— Ее вы тоже проверите?

— Да. Видите ли, мы должны быть уверены. Есть много причин… гораздо больше, чем вы думаете.

Он продолжал говорить, давая ей возможность успокоиться и изложить причину. Очень часто это было не самым трудным из всего, с чем сталкивался клиент.

— Есть такие, — сказал он, — кто уходит в Сон, потому что болен неизлечимой в настоящий момент болезнью. Эти люди заключают контракт не на определенный срок, а лишь до того дня, когда будет открыто средство. Затем некоторые хотят протянуть время до возвращения любимого со звезд — выждать по субъективному времени Земли, поскольку время полетов при скорости света быстрее. И есть люди, которые хотят проспать до того момента, пока сделанный ими вклад не вырастет настолько, чтобы превратить их в богачей. Обычно мы пытаемся отговорить их от этого. Мы вызываем экономистов, которые пробуют доказать им…

Она прервала его.

— Может быть, скука будет достаточной причиной? — просила она. — Просто скука.

Он написал в графе причины «скука» и пододвинул к ней заявление.

— Можете подписать его позже.

— Я могу подписать его сейчас.

— Мы предпочитаем, чтобы вы немного подождали.

Блэйн повертел в руках ручку, пытаясь обдумать все еще раз интересно, почему эта клиентка так беспокоит его? В Люсинде Сайлон было что-то не то, и он не мог определить, что именно. Да, он знал, что умеет разбираться в людях, он встречался с разными клиентами…

— Если хотите, — сказал он, — мы можем обсудить Сновидение. Обычно мы этого не делаем, но…

— Давайте обсудим, — сказала она.

— В Сновидении нет необходимости, — начал он. — Некоторые уходят в Сон без Сновидений. Я не хочу выставлять аргументы за простой Сон без Сновидений, но по многим причинам для меня простой Сон предпочтительнее. Вы не почувствуете времени — час или столетие покажутся вам не дольше секунды. Вы уснете и словно сразу же проснетесь…

— Я хочу Сновидение, — сказала она.

— В таком случае мы рады обслужить вас. Какого рода Сновидение?

— Дружелюбное. Спокойное и дружелюбное.

— Никакого возбуждения? Никаких приключений?

— Ну, может быть, иначе получится слишком монотонно. Но, будьте так добры, элегантные.

— Возможно, воспитанное общество? — предложил Блэйн. —

Мужчина, который заботится о своих манерах.

— И никакой конкуренции, никакой спешки за чем бы то ни было.

— Старый, солидный дом, — продолжал Блэйн. — Хорошее положение в обществе, высокие семейные традиции, достаточный доход, устраняющий заботу о деньгах.

— Это звучит несколько старомодно.

— Такое Сновидение вы заказали.

— Конечно, — сказала она. — Что я подумала? Это может быть мило. Такое… такое… — Она рассмеялась. — Такое, о чем можно только мечтать.

Он рассмеялся вместе с ней.

— Вам нравится это? Мы можем его изменить, приблизить к современности.

— Не вздумайте, это то, что я хочу.

— Вы хотите быть молодой, я полагаю, моложе, чем сейчас… шестнадцати-семнадцати лет.

Она кивнула.

— И хорошенькой. Конечно, вы будете красавицей, что бы мы ни сделали.

Она не ответила.

— Много поклонников, — продолжал он. — Мы можем создать массу поклонников.

Она кивнула.

— Сексуальные приключения?

— Немного, однако не переборщите.

— Мы удержимся в рамках достоинства, — пообещал он. — Вы не пожалеете, мы дадим вам Сновидение, за которое вам не будет стыдно. У вас останутся счастливые воспоминания о нем. Затем, естественно, будет несколько разочарований — счастье не может длиться вечно, не теряя новизны. Даже в Сновидении должно быть что-то, на чем вы можете основать сравнительные ценности.

— Я во всем полагаюсь на вас.

— Отлично, тогда мы поработаем над этим. Вы можете прийти, скажем, через три дня? Тогда у нас будет черновой набросок, и мы сможем откорректировать его вместе. Может понадобиться с полдюжины… ну, назовем их заготовками, прежде чем мы получим то, что вы хотите.

Люсинда Сайлон встала и протянула ему руку. Пожатие ее было твердым и дружественным.

— Я зайду в кассу и внесу плату, — сказала она. — И спасибо, большое спасибо.

— Не стоит платить так рано.

— Я буду чувствовать себя лучше, если заплачу.

Норман Блэйн посмотрел, как она уходит, затем снова сел. Зажужжал селектор.

— Да, Ирма?

— Звонила Гарриет, — сказала секретарша. — Вы были с клиентом и вас нельзя было отрывать. Она оставила сообщение.

— Что она хочет?

— Только чтобы вы знали, что она не будет ужинать с вами сегодня вечером. Она сказала что-то о задании и о большом жуке с Центавра.

— Ирма, — сказал он, — разреши мне дать тебе совет. Никогда не заводи любовь с журналистами. На них нельзя полагаться.

— Вы забыли, мистер Блэйн, я замужем за транспортником.

— Я так и думал, — сказал Блэйн.

— Здесь ждут Джордж и Герб. Они лупят друг друга по спинам и катаются по полу. Заберите их у меня, пока я не сошла с ума.

— Пошлите их сюда, — сказал он.

— Они нормальны?

— Джордж и Герб?

— Кто же еще?

— Конечно, Ирма, это их единственный метод работать.

— Приятно узнать это, — сказала она. — Я гоню их к вам.

Он уселся и посмотрел на двух вошедших. Они мигом развалились на стульях.

Джордж бросил ему папку.

— Сновидение Дженкинса. Мы разработали его.

— Это сопляк, который жаждет участвовать в большой охоте, — сказал Герб. — Мы послали его в джунгли и заполнили их болотами, насекомыми и жарой. Мы напичкали их кошмарными прожорливыми чудовищами. Они подстерегают его за каждым кустом.

— Это не охота, — сказал Джордж, — а битва на бегу. Не может быть, чтобы он не испугался. Будь я проклят, если смогу представить себе такого парня.

— Нужно применить все способы, — сказал Блэйн.

— Конечно же, мы применили их все.

— В один прекрасный день, — сухо сказал им Блэйн, — вы так растолстеете, что вас придется уволить по Условиям.

— Это невозможно, — сказал Герб. — Для этого нужно иметь медицинскую степень, а ваши парни не могут даже палец перевязать.

Джордж пожал плечами.

— Нам нечего об этом беспокоиться, об этом заботится Мирт. Когда мы доходим до свинского веса, она быстро его сгоняет.

Блэйн отложил папку.

— Просмотрю сегодня перед сном. — Он раскрыл блокнот. — Здесь у меня нечто другое. Причешитесь и ведите себя хорошо, прежде чем я введу вас в курс дела.

— Это которая только что вышла?

Блэйн кивнул.

— Я состряпаю для нее Сновидение, — сказал Герб.

— Ей нужен покой и благородство, — сообщил им Блэйн. — Воспитанное общество. Современную версию старых плантаторских времен середины девятнадцатого века. Ничего грубого, только магнолии и белые колонны, лошади на васильковом поле.

— Ликер, — сказал Герб, — океаны ликера. «Бурбон» и листья мяты, и…

— Коктейли, — сказал Блэйн, — но не слишком много.

— Цыплята фри, — вступил в действие Джордж. — Арбуз. Лодки на реке. Любовник.

— Не так быстро, у тебя неправильный подход. Медленно и легко. Смягченно. Медленная воображаемая музыка. Нечто вроде вечного вальса.

— Мы можем ввести войну, — сказал Герб. — В те времена сражались вежливо. Сабли и красивые формы.

— Она не хочет войны.

— Но должно же быть хоть какое-то действие!

— Никаких действий… или очень немножко. Ни спешки, ни конкуренции. Покой…

— А мы-то, — пожаловался Джордж, — все плескались в болотистых джунглях.

Зажужжал селектор.

— Вас хочет видеть босс, — сказала Ирма.

— Ну, скажи ему…

— Он хочет видеть вас немедленно.

— Охо-хо, — сказал Джордж.

— Вы мне всегда нравились, Норм, — сказал Герб.

— Ладно, — сказал Блэйн в селектор, скажи ему, что я сейчас буду.

— После стольких лет… — с печальным видом произнес Герб. — Резать глотки и втыкать в спины ножи, чтобы продвигаться вперед и теперь прийти к этому…

Джордж провел указательным пальцем по горлу и причмокнул, как лезвие, вонзающееся в плоть.

Они всегда были шутниками.

II

Лев Гизи был деловым агентом гильдии «Сны». Много лет он управлял ей железной рукой и обезоруживающей улыбкой. Он был лояльным и требовал лояльности, он раздавал резкие, решительные наказания столь же быстро, как и похвалы.

Работал он в разукрашенном кабинете, но за обшарпанным столом, за который упорно цеплялся вопреки всем усилиям снабдить его новым. Для него стол, должно быть, был символом — или воспоминанием — жестокой борьбы за достижение нынешнего положения. Он начинал за этим столом, и стол следовал за ним из кабинета в кабинет, пока он кулаками расчищал себе путь вперед, с фундамента организации до самой вершины. Стол был старый и обшарпанный, непохожий на него самого. Казалось, что стол в течение всех этих лет принимал на себя удары и помогал ему продвигаться.

Но этот удар стол не смог принять за него. Лев Гизи сидел на стуле за своим столом и был совершенно мертв. Голова упала на грудь, локти покоились на подлокотниках и руки еще стискивали их.

Комната была совершенно спокойная, как и человек за столом. И спокойствие в комнате казалось передышкой за все годы борьбы и планирования. Спокойствие было каким-то настоятельным, словно знало, что передышка не может продлиться долго. В любую секунду сюда мог войти другой человек и сесть за стол — скорее всего, за другой стол, потому что никто, кроме Гизи, не захочет сидеть за таким обшарпанным столом — и снова начать борьбу и суматоху.

Норман Блэйн остановился на полпути между дверью и столом. Тишина в кабинете, так же, как и упавшая на грудь голова, подсказали ему, что случилось.

Он остановился и услышал тиканье часов на стене, звук вполне обычный до сего момента в этом месте. Он услышал почти неслышное стрекотание пишущей машинки в приемной, далекое шуршание колес по асфальту на шоссе, идущем мимо Центра.

Краешком сознания он подумал: смерть, спокойствие и тишина, все вместе, рука об руку. Затем его мысли рванулись тугой пружиной освободившегося ужаса.

Блэйн сделал медленный шаг вперед, затем еще один, идя по ковру, поглощавшему звуки шагов. Он еще не осознал всех последствий происшедшего: что за несколько минут до этого деловой агент попросил его зайти, что он нашел Гизи мертвым, что из-за этого на него может пасть подозрение.

Он подошел к столу, на краю которого, прямо перед ним,

стоял телефон. Он взял трубку и, когда раздался голос с коммутатора, сказал:

— Охрану, пожалуйста.

Он услышал щелчок, а затем:

— Охрана.

— Пожалуйста, Ферриса.

И тут Блэйна затрясло — пальцы задрожали, лицо исказилось, сдавило грудь, стиснуло горло, во рту внезапно пересохло. Он сжал зубы и подавил дрожь.

— Феррис слушает.

— Это Блэйн. «Фабрикации».

— О, да, Блэйн. Чем вам обязан?

— Гизи вызвал меня к себе. Когда я вошел, он был мертв.

Наступила пауза — не очень длинная — затем:

— Вы уверены, что он мертв?

— Я не прикасался к нему. Он сидит в кресле и кажется мне мертвым.

— Еще кто-нибудь знает об этом?

— Никто. Даррел нет в приемной, но…

— Вы никому не кричали, что он мертв?

— Ни слова. Я подошел к телефону и вызвал вас.

— Вы славный парень! Вы умеете работать головой. Оставайтесь там, ни с кем не разговаривайте, никого не впускайте и ни до чего не дотрагивайтесь. Мы выезжаем.

Связь прервалась, и Норман Блэйн положил трубку на место.

Кабинет все еще отдыхал, но это продлится недолго. Скоро сюда ворвется Пауль Феррис со своими головорезами.

Блэйн неуверенно стоял возле угла стола и ждал. И теперь у него, наконец, было время поразмыслить, теперь, когда шок прошел и факт начал доходить до сознания, у него появились новые мысли.

Он нашел Гизи мертвым, но поверят ли они, что Блэйн нашел его мертвым? Блэйна спросят, как он сможет доказать, что нашел Льва Гизи мертвым?

Зачем Гизи вызвал его? — будет вопрос. Часто ли Гизи вызывал вас раньше? Некоторое отклонение в вашей работе… Как ваша частная жизнь? Не совершили ли вы некую неосмотрительность?

Он покрылся потом, размышляя над этими вопросами.

Феррис был совершенным. Нужно быть совершенным и безжалостным, чтобы возглавлять «Охрану». Его ненавидели с первого взгляда, и страх был необходимым фактором, чтобы противодействовать ненависти.

«Охрана» была необходима. Гильдия — громоздкая

организация, и ее нужно было держать в руках. Интриги должны вырываться с корнем. Уклонизм — сделки с другими гильдиями — должен быть уничтожен раз и навсегда. В лояльности любого ее члена не должно быть никаких сомнений, и для эффективности всего этого нужна железная рука.

Блэйн хотел опереться на стол, но вспомнил, что Феррис велел ему ни до чего не дотрагиваться.

Он отдернул руку и опустил ее, что показалось неуклюжим и неестественным. Он заложил руки за спину и стал покачиваться взад и вперед.

Он нервничал.

Он резко обернулся посмотреть на Гизи, опущена ли его голова на грудь, стискивают ли руки подлокотники. На секунду Блэйн представил себе, что Гизи вовсе не мертв, что он поднял голову и глядит на него. И если бы это было так, то Блэйн удивился бы.

Но удивляться не пришлось. Гизи по-прежнему был мертв.

И теперь, впервые за все время, Норман Блэйн начал смотреть на него в связи с кабинетом — не как на единственно интересное, но как на человека, который сидит в кресле, которое стоит на ковре, который лежит на полу.

Раскрытая ручка Гизи валялась на столе перед ним, словно прокатившись по листу бумаги. Очки Гизи лежали возле ручки, с другой стороны стоял стакан с остатками воды на дне, возле него лежала пробка от графина, из которого Гизи совсем недавно налил в стакан.

А на полу возле ноги Льва Гизи лежал единственный листочек бумаги.

Блэйн стоял, глядя на него, и думал, что это такое. Это какой-то бланк, решил он, и на нем что-то написано. Он обогнул стол, чтобы лучше его разглядеть, движимый нелогичным любопытством.

Он наклонился, чтобы прочесть написанное, и в глаза бросилось имя: НОРМАН БЛЭЙН!

Он наклонился еще ниже и поднял листок с ковра. Это был приемный бланк, датированный позавчерашним днем, и он указывал Нормана Блэйна как начальника отдела «Записей Снов». Приказ вступал в силу с полуночи сегодняшнего дня. На нем стояли должная подпись и печать.

Дело Джона Реймера, подумал Блэйн, то, о чем несколько недель шептались по всему Центру.

На секунду он почувствовал торжество. Выбрали его. Он был подходящим для этой работы! Но это было больше, чем торжество. У него была не только работа, у него были ответы на

вопросы, которые ему зададут.

Почему вас вызвали? — спросят его. Теперь он может ответить. С этим документом в кармане он может ответить.

Но у него мало времени. Он положил листок на стол и свернул его на треть, заставив себя потратить время, чтобы сделать это тщательно. Затем так же тщательно он свернул на треть другой листок и положил его в карман. Потом повернулся к двери и стал ждать.

В следующую секунду в кабинет вошли Пауль Феррис и с полдюжины его головорезов.

III

Феррис был ловким чиновником. Он был первоклассным полицейским и обладал преимуществом, выглядя, как преподаватель колледжа. Некрупный. Волосы гладкие, а глаза утомленно смотрят из-под очков.

Он удобно развалился в кресле за своим столом и сложил руки на животе.

— Я должен задать вам несколько вопросов, — сказал он Блэйну. — Естественно, только для протокола. Причиной смерти послужило вроде бы самоубийство. Яд. Мы не знаем, какой именно, пока Док не проведет вскрытие.

— Я понимаю, — сказал Блэйн.

И подумал: конечно же, я понимаю. Только я знаю, как вы работаете. Убаюкиваете человека, затем бьете его по животу.

— Мы с вами долго работали вместе, — продолжал Феррис. — Не совсем вместе, но под одной крышей и для одной цели. Я знаю, что мы будем продолжать тот же курс.

— Ну, конечно, — сказал Блэйн.

— Насчет встречи, — продолжал Феррис. — Вы сказали, что получили назначение в учрежденческом конверте.

Блэйн кивнул.

— Сегодня утром он был в моей мусорной корзине, я полагаю. Я, кажется, больше ничего туда не выкидывал.

Это было достаточно верно: он ничего не выкидывал в корзину за последний час. И еще одно — внутриведомственная корреспонденция не регистрировалась.

И еще одно: уборщицы опустошали корзины с мусором ровно в 11.30, а сейчас была четверть первого, и все, что было в его корзине, уже сгорело.

— Вы положили бланк в карман и забыли о нем?

— Я о нем не забыл, но в это время у меня был посетитель.

Затем, когда посетитель ушел, пришли два фабрикатора. Я проработал с ними парочку пунктов, когда позвонил Гизи и попросил меня зайти.

Феррис кивнул.

— Вы думаете, он хотел поговорить с вами о вашей новой должности?

— Да, я так и подумал.

— Говорил ли он об этом прежде? Вы знали о надвигающемся повышении?

Норман Блэйн покачал головой.

— Это было настоящим сюрпризом.

— Конечно, счастливым?

— Естественно. Это лучшая работа. Более высокий оклад. Всякий хочет продвигаться.

Феррис принял задумчивый вид.

— Вас не удивляет довольно странная процедура назначения — в особенности на ключевую должность — пришедшая во внутриведомственном конверте?

— Конечно. Я думал об этом все время.

— И ничего не сделали?

— Я уже говорил вам, — повторил Блэйн, — что был занят. И что, по-вашему, я должен был сделать?

— Ничего, — сказал ему Феррис.

— Я так и думал, — сказал Блэйн. И подумал: сделай что-нибудь с этим, если сможешь.

Он почувствовал радостный подъем и подавил его. Еще слишком рано.

В этот момент не было ничего, что мог бы сделать Феррис — совершенно ничего. Назначение было подписано и оформлено по всем правилам. С будущей полуночи он, Норман Блэйн, становится начальником отдела «Записей», приняв эту должность от Реймера. Только доставка назначения была произведена не по форме, но никаким способом в мире Феррис не мог доказать, что Блэйн не получил ее по внутриведомственной почте.

Он коротко подумал, что бы случилось, если бы Гизи не умер. Пришло бы тогда назначение или было бы аннулировано где-то на линии? Или какое-то давление могло бы заставить его передать назначение кому-то другому?

Феррис продолжал:

— Я знаю, замена должна произойти. У Реймера возникли… ну, небольшие трудности. Это не прошло мимо моего внимания, и я говорил об этом Гизи. Было еще несколько кандидатур. Мы говорили об этом, он упомянул вас среди нескольких человек, которым можно доверять, но больше ничего не сказал.

— Вы не знаете, что он решил?

Феррис покачал головой.

— Нет, но я рад, что он выбрал на этот пост именно вас. Вы тот человек, с которым мне хотелось работать. Мы еще встретимся. Нам нужно поговорить об этом.

— В любое время, — сказал Блэйн.

— Если у вас есть время, как насчет того, чтобы зайти ко мне сегодня вечером? Когда хотите, я буду дома весь вечер. Вы знаете, где я живу?

Блэйн кивнул и поднялся.

— Не волнуйтесь об этом деле, — сказал Феррис. — Лев Гизи был хорошим человеком, ни есть и другие хорошие люди. Мы все думаем о нем. Я знаю, может показаться шокирующим говорить о нем так… Он на секунду заколебался, потом продолжал: — Не беспокойтесь ни о каких изменениях в вашем назначении. Я поговорю с тем, кто заменит Гизи.

— Как вы думаете, кто это будет?

Феррис моргнул несколько раз, затем его взгляд стал твердым и неподвижным.

— Понятия не имею, — резко сказал он. — Я понятия не имею, кого они выдвинут.

Чтобы ты да не имел! — подумал Блэйн.

— Вы уверены, что произошло самоубийство?

— Абсолютно, — сказал Феррис. — У Гизи была любовная история, а он женат. — Он встал и взял фуражку. — Мне нравятся люди, которые улавливают все с ходу. Продолжайте в том же духе, Блэйн. Нам вместе работать.

— Я в этом уверен.

— Не забудьте о вечере.

— Мы с вами встретимся, — сказал ему Блэйн.

IV

Болтун захватил Нормана Блэйна, когда тот поставил машину на стоянку этим утром и покинул площадку. Блэйн не мог представить себе, как он проник сюда, ни он был здесь и поджидал свою жертву.

— Секундочку, сэр, — сказал он.

Блэйн повернулся к нему. Тот сделал шаг вперед и схватил Блэйна за отворот пиджака. Блэйн дернулся, ни пальцы этого типа вцепились намертво.

— Пропустите меня, — сказал Блэйн. Но тот ответил:

— Сначала поговорите со мной. Вы работаете в Центре и вы

тот человек, с которым я хочу поговорить. Потому что если я смогу заставить вас понять… ну, тогда, сэр, у меня появится надежда. Надежда, — повторил он, брызгая слюной, — надежда, что мы сможем заставить людей понять порочность «Снов». Потому что они порочны, сэр, они являются минами под моральную ткань человечества. Они способствуют легкому бегству от тревог и проблем, которые развивают характер. Благодаря «Снам» человеку не нужно встречаться лицом к лицу с тревогами — он сможет избежать их, он сможет забыться в «Снах». Я говорю вам, сэр, это проклятие нашей цивилизации.

Вспоминая это сейчас, Норман Блэйн еще чувствовал холодную, спокойную белизну заполнившего его гнева.

— Отпустите меня, — сказал он.

Должно быть, что-то было в его тоне, предостерегающее Болтуна, потому что тот разжал руку и отпустил. И Блэйн, поднимая руку, чтобы вытереть рукавом пальто забрызганное лицо, глядел, как тот отступает, затем поворачивается и убегает.

Впервые он был уловлен Болтуном, и его охватил ужас, так как он получил физическое доказательство, что в мире есть люди, сомневающиеся в искренности и цели «Снов».

Он оторвался от воспоминаний. Были более важные вещи, на которых следовало сосредоточиться. Смерть Гизи и документ, который он поднял с пола… странное поведение Ферриса. Почти так, подумал он, словно я вовлечен в какой-то гигантский заговор, идущий теперь к осуществлению.

Он неподвижно сидел за столом и пытался думать над этим.

То он был уверен, что и не подумал бы поднять документ с пола теперь, то считал, что, поглядев, что в нем, бросил бы его обратно на пол. Но времени на раздумья не было. Феррис со своими головорезами уже был в пути, и Блэйн стоял беззащитный в кабинете с мертвецом, без достаточного объяснения, почему находится здесь, без достаточно удовлетворительного ответа на любой из вопросов, которые ему наверняка задали бы.

Документ давал ему причину для прихода в кабинет, давал ответ на вопросы, предупреждал другие вопросы, которые были бы заданы, если бы он не ответил на первые.

Феррис сказал, что это было самоубийство.

Было ли бы это самоубийством или убийством, подумал Блэйн, если бы у него в кармане не было документа? Если бы он оставался беззащитным, не использовали ли бы его, чтобы объяснить смерть Гизи?

Феррис сказал, что ему нравится человек, который умеет быстро думать. И в этом не было сомнения. Сам Феррис был человеком, который быстро думал, который был способен

импровизировать и проводить свой курс в соответствие с любой ситуацией.

И он не был человеком, которому можно было доверять.

Блэйн подумал, последовало бы назначение, если бы он не подобрал документ с ковра? Конечно, он был не тем человеком, которого мог выбрать Пауль Феррис на место Реймера. И, может, Феррис, найдя документ на полу, порвал бы его и забыл, и на этот пост был бы назначен кто-то другой?

И еще вопрос: что важного в этой работе? Чем она важна, чем важно, кто на нее назначен? Никто, конечно, не говорил, что она важная, но Феррис заинтересован в ней, а Пауль Феррис никогда не интересуется не важными вещами.

Может, назначение каким-то образом связано со смертью Льва Гизи? Блэйн покачал головой. На это не было ответа.

Важно то, что назначили его, — и смерть Гизи не отменила это назначение и, по крайней мере, в настоящий момент Пауль Феррис не собирается этому противодействовать.

Но, предостерег себя Норман Блэйн, он не может позволить себе считать Ферриса нарицательной величиной. Как слуга гильдии, Пауль Феррис был полицейским чиновником с отрядом верных людей, с широкой свободой действий при выполнении своих обязанностей, политически мыслящим и неразборчивым в средствах, занимающимся устройством достаточно просторной ниши, чтобы удовлетворить свои амбиции.

Более чем правдоподобно, что смерть Гизи годится для этих амбиций. Не исключено, что Феррис мог — тихо и тайно способствовать ей… если, фактически, не сам состряпал ее.

Он сказал, самоубийство. Яд. Беспокойство. Любовная история… Легко говорить. Наблюдать за каждым твоим шагом, сказал себе Блэйн. Сделать это легко. Не делать внезапных движений. И быть готовым уклониться от удара.

Он сидел неподвижно, позволив бежать суматошным мыслям. Бесполезно думать об этом, сказал он себе. Сейчас все бесполезно. Позже, когда и если у него будут какие-нибудь факты — тогда будет время подумать.

Он взглянул на часы — три пятнадцать. Идти домой еще слишком рано.

И его ждала работа. Завтра он перейдет в другой кабинет, но сегодня нужно работать здесь.

Он взял папку Дженкинса и уставился на нее. Большая охота, как сказали два сумасшедших фабрикатора. Мы зададим ему жару, сказали они.

Он раскрыл папку и пробежал глазами несколько первых страниц, слегка вздрагивая.

Для непритязательного вкуса, подумал он.

Он вспомнил Дженкинса — огромный, массивный брюнет, ревевший так, что трясся кабинет.

Ну, может, он примет это, подумал Блэйн. Во всяком случае, это то, что он просил.

Он сунул папку под мышку и прошел в приемную.

— Мы только что прослушали слово, — сказала Ирма.

— Вы имеете в виду о Гизи?

— Нет, о Гизи мы слышали до этого. Нам всем тяжело, я полагаю, все любили его. Но я имею в виду слово о вас. Это сейчас повсюду. Почему бы вам не сказать нам сразу? Мы думаем, это прекрасно.

— Ну, спасибо, Ирма.

— Мы поцелуем вас.

— Ты очень добра.

— Почему вы держали это в секрете? Почему вы не сказали нам?

— Я и сам не знал до сегодняшнего утра. Вероятно, я был слишком занят. Затем меня вызвал Гизи…

— Эти головорезы все здесь перерыли, перетряхнули все мусорные корзинки. Я думаю, они покопались и в вашем столе. Что им было нужно?

— Просто любопытство. — Блэйн вышел в холл, и с каждым шагом по спине полз холодок страха.

Он знал это, конечно, и прежде, когда Феррис сухо сказал об умении быстро думать, но теперь это утвердилось окончательно. Не оставалось никаких сомнений в том, что Феррис знал, что он лжет.

Хотя, может быть, в этом даже было какое-то достоинство. Он лгал и блефовал моментально, в своей классической манере, поскольку Блэйн был хорошим руководителем, способным понимать, поскольку с ним можно было вести дела.

Но может ли он блефовать и дальше? Может ли он, Блэйн, быть достаточно стойким?

Спокойно, сказал себе Блэйн, не дергайся. Будь готов уклониться от ударов, но не показывай виду. Сделай выражение игрока в покер, сказал он себе, выражение, с которым ты обычно встречаешь клиентов.

Он тяжело ступал, но холодок страха прошел.

Пока он спускался по лестнице в помещение Мирт, старая магия вновь охватила его.

Она стояла там — огромная машина Сновидений, последнее слово в фабрикации воображения человека с самой буйной фантазией.

Он молча стоял и чувствовал величественность и умиротворение, почти нежность, которую испытывал всегда — словно Мирт была какой-то Богоматерью, к которой можно прийти для понимания и защиты, не нуждающейся ни в каких вопросах.

Он стиснул папку под мышкой и пошел медленно, опасаясь нарушить царившую здесь тишину неуклюжим движением или громкими шагами.

Он поднялся по ступенькам к огромному распределительному пульту и сел на сидение, передвигающееся от малейшего прикосновения к любому краю кодирующих панелей. Он положил раскрытую папку на зажимный щиток перед собой и потянулся к рычажку вопроса, нажал его, и замигал зеленый индикатор готовности. Машина была чистой, он мог кормить ее своими фактами.

Он пробил свою идентификацию и продолжал сидеть молча — как часто сидел здесь до этого.

Это ошибка, подумал Блэйн, что я перехожу на другую работу. Здесь он был подобен жрецу, связанному с силой, перед которой благоговел, но которую не понимал… не совсем понимал. Не было человека, который полностью знал бы схему машины Сновидений. Это был слишком огромный и сложный механизм, чтобы держать его в чьей-то одной памяти.

Это был компьютер со встроенной магией, свободный от абсолютной, прямолинейной логики других, менее потрясающих компьютеров. Он имел дело больше с фантазией, нежели с фактами, он воплощал гигантский замысел машины, оперирующей символами и уравнениями странных историй множества человеческих жизней. Он принимал кодировку и уравнения и выдавал Сновидения!

Блэйн начал переносить в нее данные со страниц папки, быстро передвигаясь в кресле вдоль пульта управления. Пульт замигал множеством маленьких огоньков, из глубины машины послышались первые слабые звуки, гул пробуждающихся механизмов, щелканье контрольных счетчиков, отдаленный треск регистраторов, проводящих зондаж, и последовательное мурлыканье каналов, начинающих работать.

Он работал напряженно, сосредоточенно, перенося знаки со страниц на перфокарты. Время остановилось, и не было другого мира, кроме пульта с мириадами клавиш, кнопок и переключателей и множеством загорающихся лампочек.

Наконец, он закончил, и последняя страница слетела на пол с опустевшей подставки. Время снова пошло, и мир вокруг ожил. Норман Блэйн сидел опустошенный, в мокрой от пота рубашке, со

спутавшимися на лбу волосами, уронив руки на колени.

Машина теперь гремела, лампочки горели тысячами, одни мигали, другие светили ярко и ровно. Звук мощными волнами бился в помещении, заполняя его до отказа, и сквозь этот гул пробивались деловитые щелчки и экстазный, безумный треск мчавшихся во весь опор механизмов.

Усталый Блэйн поднялся с сидения, собрал с пола упавшие листы, сложил их и убрал в папку.

Он прошел к дальнему концу машины и постоял, глядя на защищенный стеклом корпус, где наматывалась на катушку лента. Он смотрел на наматывающуюся ленту, зачарованный, как всегда, мыслью, что на ленте запечатлена кажущаяся жизнь Сновидений, которая может просуществовать столетие или тысячелетие — Сновидений, построенных таким образом, что они никогда не надоедят, а будут плотью и реальностью до самого конца.

Он повернулся и пошел к лестнице, прошел полпути, остановился и обернулся.

Это мое последнее Сновидение, понял он вдруг, завтра я перехожу на другую работу. Он поднял руку в прощальном жесте.

— Бывай, Мирт, — сказал он.

Мирт ответила ему громом.

V

Ирма ушла на обед, и кабинет был пуст, но было письмо, адресованное Блэйну, прислоненное к пепельнице на столе. Конверт был объемистым и измятым. Когда Блэйн взял конверт, в нем что-то звякнуло. Норман Блэйн разорвал конверт, из него выпала и ударилась о стол связка ключей. Наполовину высунулся листок бумаги.

Он отодвинул ключи, вытащил листок и развернул. Приветствия не было. Записка была короткой: «Я звонил, чтобы передать ключи, но вас не было, и секретарша не знала, когда вы вернетесь. Но это не повод оставаться. Если вы захотите встретиться со мной, я к вашим услугам. Реймер.»

Записка выпала у него из руки и спланировала на стол. Он взял ключи, подбросил, слушая, как они звенят, и поймал их на ладонь.

Что теперь будет с Джоном Реймером? — подумал он. Найдется ли для него место, или Гизи не собирался назначать его на другой пост? Или Гизи намеревался совсем выкинуть этого человека? Это выглядело неправдоподобно, так как гильдия

заботится о своих членах и не в ее правилах, не считая крайних обстоятельств, выбрасывать человека из своих рядов.

И, кстати, кто станет начальником «Фабрикаций»? Или Лев Гизи умер, не назначив никого на это место? Джордж или Герб — любой из них — были на очереди, но они не сказали ни слова. Блэйн был уверен, что они бы что-нибудь сказали, если бы были уведомлены.

Он поднял записку и прочел ее снова. Она была уклончивая, совершенно бесстрастная, из нее ничего нельзя было почерпнуть.

Он подумал, что может чувствовать Реймер при такой быстрой замене, но понять это было нельзя: записка совершенно не давала ключа к разгадке. А почему он был заменен? Ходили слухи, самые разные слухи, о чистке в Центре, но слухи не говорили ни о каких причинах для такой чистки.

Это казалось немного странным — оставить ключи, символизируя таким образом передачу власти. Это выглядело так, словно Реймер бросил их Блэйну на стол и сказал: «Держи, парень, теперь они твои», и ушел, больше ничего не говоря.

Возможно, только слегка возбужденный. Только слегка задетый.

Но он пришел лично. Почему? Блэйн знал, что при обычных обстоятельствах Реймер никогда не стал бы вторгаться к человеку, ставшему его преемником. Но Реймер оставался бы до тех пор, пока его преемник не взял бы него все нити.

Значит, здесь были не обычные обстоятельства. Приходится думать, что они, кажется, и вовсе экстраординарные.

Это какое-то недоразумение, сказал себе Норман Блэйн. Проходи это по надлежащим каналам, все было бы правильно — обычная операция, перемещение производится без разрывов. Но назначение пришло не по обычным каналам, и если бы Блэйн не нашел Льва Гизи мертвым, если бы не поднял с пола документ, назначения могло бы вообще не быть.

Но теперь это место его — он рискнул головой, чтобы получить его, и оно принадлежит ему. Это шаг вверх по лестнице, это успех. Эта должность лучше оплачивалась, была более престижной и поднимала его ближе к вершине — фактически он становился третьим человеком в Центре: деловой агент, «Охрана» и затем «Записи».

Вечером он расскажет Гарриет… нет, он совсем забыл, что вечером они с Гарриет не увидятся.

Он положил ключи в карман и снова взял записку. «Если вы захотите встретиться со мной, я к вашим услугам».

Протокол? — подумал он. Или что-то, что ему необходимо знать? Что-то, о чем нужно побеседовать?

Может быть, Реймер пришел о чем-то поговорить и затем разнервничался?

Блэйн смял записку и швырнул на пол. Ему захотелось уйти, уйти из Центра, уйти туда, где он сможет все обдумать и составить план действий. Нужно все убрать из стола, подумал он, но это позже, на это еще будет время. И его ждет свидание с Гарриет… нет, проклятие, он все время забывает! Гарриет позвонила и сказала, что не сможет прийти.

Завтра будет время забрать все из стола. Он взял шляпу и пальто и вышел на стоянку. У входа на стоянку обычного служащего заменил вооруженный охранник. Блэйн показал свое удостоверение.

— Все в порядке, сэр, — сказал охранник. — Приходится смотреть в оба. Разбуженный сбежал.

— Сбежал?

— Да, его разбудили недели две назад.

— Он не может далеко уйти, — сказал Блэйн. — Все изменилось, он выдаст себя. Сколько он пробыл во Сне?

— Кажется, пятьсот лет.

— За пятьсот лет много чего изменилось. У него нет шансов.

Охранник покачал головой.

— Мне его жаль. Должно быть, жестоко будить таких, как он.

— Верно, жестоко. Мы пытаемся объяснить им это, но они не слушают.

— Скажите, — спросил охранник, — это вы нашли Гизи?

Блэйн кивнул.

— Правильно говорят, он был мертв, когда вы вошли?

— Мертв.

— Убийство?

— Не знаю.

— Это дьявольский удар. Вы поднимаетесь на самый верх, затем бац!..

— Дьявольский удар, — согласился Блэйн.

— Кто бы знал…

— Да, кто бы знал. — Блэйн поспешил уйти.

Он выехал со стоянки и свернул на шоссе. Сумерки только начинались, и дорога была пустынна.

Норман Блэйн ехал медленно, глядя на скользящий мимо осенний пейзаж. Зажигались первые лампочки в окнах вилл на холмах, откуда доносился запах горящих листьев и медленная грусть умирающего года.

Мысли слетались к нему, словно птицы на дерево для ночлега, но он гнал их прочь — Болтуна, который заловил его… что Феррис может подозревать или знать, и что он намеревается

делать… Почему Джон Реймер позвонил лично, чтобы вручить ключи, а затем решил не ждать… почему сбежал разбуженный?

И последнее было странным делом, это было чистым безумием, если призадуматься. Чего можно достичь таким бегством, таким побегом в чужой мир, для которого он не подготовлен? Это словно уйти на чужую планету без надлежащих инструкций. Это словно выйти на работу, с которой совершенно незнаком, и попытаться делать вид, что работаешь.

Интересно, почему, подумал он, почему он сделал это?

Он отогнал эту мысль, потому что надо было слишком многое обдумать. Он должен привести мысли в порядок, прежде чем думать. Он не может позволить себе думать над болтовней каждого.

Блэйн протянул руку и включил радио.

Комментатор говорил: «… кто знает, что их политическая история может распознавать критические моменты, которые теперь становятся ясно определенными. Более чем пятьсот лет подряд правительство действительно держало в руках Центральную Рабочую Гильдию. Это говорит о том, что правительство является правящим комитетом, состоящим из представителей всех гильдий центральной группы. То, что такая группа будет способна править еще целый пять столетий — а последние шестьдесят лет допущено открытое правление — заслуга не столь мудрости, сдержанности или терпимости, сколь прекрасного баланса сил, который существовал в государстве во все времена. Взаимное недоверие и страх ни разу не позволили никакой гильдии или их союзу стать доминирующими. Как только одна из группировок угрожает стать таковой, личные амбиции других группировок подрывают ее влияние. Но это, как должен понять каждый, положение, которое сохраняется дольше, чем можно было бы ожидать. Много лет крепкие гильдии накапливали свои силы — и не пытались использовать их. Вы можете быть уверены, что никто из них не попытается использовать свои силы, пока не будет абсолютно уверен в себе. Только где это будет, невозможно сказать, для этого нет хорошей стратегии, потому что любая гильдия будет держать свои силы в секрете. Но недалек тот день, когда эти силы должны столкнуться. Положение, как оно есть, должно казаться нестерпимым некоторым сильным гильдиям с амбицией лидеров…»

Блэйн выключил радио и был заворожен торжественным спокойствием осеннего вечера. Услышанное было старой жвачкой. Насколько он помнил, комментаторы всегда говорили это. Это были вечные слухи, которые сегодня могли утверждать,

что верх возьмет «Транспорт», завтра — что это будет «Журналистика», а через неделю настаивать так же авторитетно — что «Продовольствие».

«Сны», самодовольно сказал он себе, всегда были выше этой политики. Гильдия — его гильдия — стояла на службе обществу. Она имела своих представителей в Центральном правительстве по праву и долгу, но никогда не играла в политику.

Это «Журналистика» всегда суетилась с крикливыми статьями и комментариями. Если я не ошибаюсь, сказал себе Блэйн, «Журналистика» была хуже всех — она каждую минуту ловила свой шанс. «Образование» тоже. «Образование» всегда занималось грязными делишками!

Он покачал головой, думая, как удачно, что он в «Снах» — не приходится испытывать чувство вины от ползающих вокруг слухов. Можете быть уверены, что о «Снах» никогда не упомянут, из всех гильдий только «Сны» могли стоять прямо и гордо.

Он спорил с Гарриет о «Журналистике», и иногда они ссорились. Казалось, она имела упорное мнение, что «Журналистика» единственная гильдия, бескорыстно служившая обществу и имеющая безупречную репутацию.

Конечно, естественно, признал Блэйн, каждый думает, будто его гильдия всегда права. Члены гильдии всегда ей верны. Когда-то, очень давно, существовали нации, и любовь к своей нации называлась патриотизмом. Теперь их место заняли гильдии.

Он ехал по долине, рассекающей холмы, и, наконец, свернул с шоссе и поехал по извилистой дороге, взбиравшейся на холмы.

Ужин готов, и Энсил будет сердиться (Энсил был чудаковатым роботом). Фило ждет его у ворот.

Он миновал дом Гарриет и мельком взглянул на него, стоящий среди деревьев, с темными окнами. Гарриет не было дома. Задание, сказала она, интервью с кем-то.

Он повернул в свои ворота, и там был Фило, лающий от всего сердца. Норман Блэйн притормозил, и собака прыгнула в машину, ткнулась носом хозяину в грудь и печально уселась на сиденье, пока они ехали по дорожке, ведущей к дому.

Фило быстро выпрыгнул из машины, а Блэйн вылез медленней. Утомительный был день, сказал он себе. Теперь, оказавшись дома, он почувствовал, как устал.

Он постоял несколько секунд, глядя на дом. Хороший дом, подумал он, хорошее место для семьи — если он сумеет отговорить Гарриет отказаться от своей карьеры журналистки.

Чей-то голос сказал:

— Отлично. Теперь можете повернуться. Только спокойно, не пытайтесь сделать глупости.

Блэйн медленно повернулся. У машины в сгущавшихся сумерках стоял человек. Он держал в руке что-то блестящее и продолжал:

— Бояться нечего, я не собираюсь причинить вам никакого вреда. Только не веселитесь по этому поводу.

На человеке была странная одежда, она выглядела какой-то формой. И произношение его тоже было странным. Склонения лишены окраски, сжатые и сухие, отсутствовали характеризующие язык переходы между словами. И фразы: не делайте глупостей, не веселитесь по этому поводу…

— У меня револьвер. Я не валяю дурака.

Валять дурака?

— Вы человек, который сбежал, — сказал Блэйн.

— Да.

— Но как…

— Я проделал весь путь с вами. Подвесился под машиной, а эти глупые копы и не подумали там посмотреть. — Он пожал плечами. Пару раз я уже начинал раскаиваться — вы ехали быстрее, чем я надеялся. Несколько раз я чуть было не свалился.

— Но выбрать меня?.. Почему вы?..

— Не вас, мистер, вообще никого. Была возможность спрятаться а значит, и убраться подальше.

— Я не понимаю вас, — сказал Блэйн. — Вы могли остаться незамеченным, могли отцепиться перед воротами — там машина шла медленно. Вы могли ускользнуть незамеченным отсюда. Я бы вас не увидел.

— Чтобы вскоре быть пойманным, когда выдам себя? Меня выдает одежда, а также и речь. А также мои манеры есть и, может быть, даже ходить. Все это связывает меня.

— Понятно, — сказал Блэйн. — Ладно, опустите револьвер. Вы, наверное, голодны. Пойдемте, поедим.

Человек опустил револьвер и спрятал его в карман.

— Не забудьте, револьвер у меня, и я могу достать его быстро. Не пытайтесь меня облапошить.

— О'кей, — сказал Блэйн, — не буду пытаться вас облапошить. — И подумал: облапошить. Никогда не слышал такого слова. Но оно имеет значение, в этом нет никаких сомнений.

— Интересно, где вы раздобыли револьвер?

— Где-то, — ответил человек. — Этого я вам не скажу.

VI

Его зовут, сказал беглец, Спенсер Коллинз. Он был погружен в Сон на пятьсот лет и проснулся только месяц назад. Физически, говорил он, он чувствует себя так же хорошо, как и любой человек пятидесяти пяти лет, хорошо сохранившийся. Всю жизнь он внимательно относился к себе — питался правильно, спал регулярно, упражнял разум и тело, знал кое-что о психосоматике.

— Я говорю это для вашего сведения, — сказал он Блэйну, — вы знаете, как позаботиться о теле спящего. Когда я проснулся, то был слегка похудевшим, немного утомленным, но ничуть не испортившимся.

Норман Блэйн откашлялся.

— Мы постоянно работаем над этим, — сказал он. — Я в этом, конечно, не разбираюсь, но биологи занимаются этим все время — это для них постоянная проблема. Практическая задача. Во время вашего пятисотлетнего сна вас, вероятно, перемещали дюжину раз — каждый раз в лучшие вместилища, с действующими усовершенствованиями. Вы получали выгоду от новых усовершенствований, как только мы их разрабатывали.

Он был профессором социологии, сказал Коллинз, и разработал одну теорию.

— Прошу извинить, но я не буду вдаваться в подробности.

— Ну, конечно, — сказал Блэйн.

— В основном, она предназначена для академического мышления. Я полагаю, у вас не академическое мышление?

— Я тоже.

— Она включает в себя долгосрочное социальное планирование, — продолжал Коллинз. — Я высчитал, что пятьсот лет могут служить показателем, прав я или не прав. Я был любопытен. Грубо говоря, я не мог умереть, не узнав, верна моя теория или нет.

— Я понимаю вас.

— Если вы сомневаетесь в моем рассказе, можете проверить записи.

— Я не сомневаюсь ни в едином вашем слове, — сказал Блэйн.

— Вы привыкли к сумасбродным случаям.

— Сумасбродным?

— Безумным. Сумасшедшим.

— Я встречал много сумасбродных случаев, — заверил его Блэйн.

Но не таких сумасбродных, как этот, подумал он. Ничего настолько безумного, как сидеть на веранде под осенними звездами, в своем собственном доме и беседовать с человеком, жившим пятьсот лет назад. Если бы он работал в отделе

адаптации, он бы привык к этому, это вообще не казалось бы ему странным. Работники отдела адаптации постоянно работают с такими случаями.

Коллинз зачаровывал. Его выдавал язык и постоянно проскальзывающие слэнговые словечки — идиомы прошлого, давным-давно забытые и не имеющие места в современном языке, хотя многие другие сохранились.

За обедом одни блюда он брал с сомнением, другие съедал с отвращением на лице, но был слишком вежлив, чтобы прямо отказаться от них — возможно, это было стремление получше приспособиться к культуре, в которой он оказался.

Была определенная слабая манерность и притворство, казавшиеся безуказательными, повторяющиеся слишком часто, они становились отчетливо раздражающими. Это были такие действия, как потирание подбородка, когда он думал, или похрустывание суставами пальцев. Последнее, сказал себе Блэйн, было нервирующим и неприличным. Возможно, в прошлом не было неприличным забавляться своим телом. Я должен объяснить это ему или, может быть, попросить кого-нибудь объяснить. Парни из «Адаптации» знают, как к этому подойти, — они знают много такого.

— Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали об этой вашей теории, — попросил Блэйн. — Она оказалась такой, как вы думали?

— Не знаю. Согласитесь, я вряд ли был в состоянии обнаружить это.

— Думаю, это так. Но я решил, что вы хотите спросить…

— Я не спрашиваю, — сказал Коллинз.

Они сидели в вечерней тишине, глядя на дорожку.

— Мы проделали из прошлого путь длиной в пятьсот лет, — сказал, наконец, Коллинз. — Когда я ушел в Сон, мы размышляли о звездах, и все говорили, что эти маленькие точечки света когда-нибудь покорятся нам. Но сегодня…

— Понимаю, — сказал Блэйн. — Еще пятьсот лет…

— Можно идти дальше и дальше. Проспать тысячу лет и посмотреть, что произошло. Затем еще…

— Это не будет стоящим.

— Это вы говорите мне, — сказал Коллинз.

Ночной хищник пронесся над деревьями и дергающими, порхающими движениями взмыл в небо, занятый охотой на насекомых.

— Это не изменилось, — сказал Коллинз. — Я помню летучих мышей… — Он замолчал, затем спросил: — Что вы собираетесь сделать со мной?

— Вы мой гость.

— Пока не пришли санитары.

— Поговорим об этом позже. Этой ночью вы в безопасности.

— Вы что-то хотите узнать. Я вижу, это грызет вас.

— Почему вы убежали?

— Вот оно, — сказал Коллинз.

— Ну и?..

— Я выбрал Сновидение, — сказал Коллинз. — Такое, как вы и должны ожидать. Я запросил профессорское убежище — некий идеализированный монастырь, где я мог проводить время в науке, где я мог жить с людьми, говорящими на одном языке со мной. Я хотел покоя — прогулки по берегу тихой речки, красивые закаты, простая еда, время, чтобы читать и размышлять…

Блэйн с уважением кивнул.

— Хороший выбор, Коллинз. Это было самое приятное.

— Я тоже так думал, — сказал Коллинз. — Это было то, чего я хотел.

— Оно доказало свою восхитительность?

— Не знаю.

— Не знаете?

— Я не получил его.

— Но Сновидение было сфабриковано…

— Я получил другое Сновидение.

— Здесь какая-то ошибка.

— Не ошибка, — сказал Коллинз. — Я совершенно уверен, что это была не ошибка.

— Когда вы заказываете определенное Сновидение, — твердо начал Блэйн, но Коллинз перебил его.

— Говорю вам, здесь не было ошибки. Сновидение было подменено.

— Откуда вы знаете это?

— Потому что Сновидение, которое мне дали, не было заказано никем. Никто не мог бы даже представить себе такое. Сновидение было тщательно скроено для чего-то, что я и вообразить не могу. Это был другой мир.

— Чужой мир?

— Не чужой. Это была Земля — но с иной культурой. Я пятьсот лет прожил в этом мире, ни минутой меньше. Сновидение не было сокращено, как, насколько я понимаю, часто делается, чтобы втиснуть тысячу лет Сна в интервал нормальной жизни. Я работал полных пятьсот лет Я знаю это, потому что делал отметки. Говорю вам, это было тщательно созданное Сновидение — никакой ошибки, — но созданное для какой-то цели.

— Не спешите, — возразил Блэйн. — Давайте разберемся.

Мир имел иную культуру?

— Это был мир, — сказал Коллинз, — из которого изъяли понятие выгоды, в котором концепция выгоды никому не пришла в голову. Это был тот самый мир, в котором мы живем, но в котором отсутствовали все факторы и силы, вытекающие в нашем мире из мотивации выгоды. Для меня, конечно, это было совершенно фантастичным, но для уроженцев этого места — если можно назвать их так — это казалось нормальным. — Он пристально посмотрел на Блэйна. — Мне кажется, вы согласитесь, — сказал он, — что никто не захочет жить в таком мире. Никто не закажет подобное Сновидение.

— Возможно, какой-нибудь экономист…

— Экономисты разбираются в этом лучше. И, кроме того, это было ужасно последовательно для Сновидения; никто без предварительного знания не смог бы рассчитать все мельчайшие подробности.

— Наши машины…

— Ваши машины не могут иметь больше предварительных знаний, чем вы сами. По крайней мере, не больше, чем ваши лучшие экономисты. С другой стороны, машина нелогична, и в этом ее прелесть. Ей не нужно думать логично. Она не будет думать логично, потому что это испортит Сновидение. Сновидение должно быть нелогичным.

— А ваше было логичным?

— Очень логичным, — сказал Коллинз. — Вы можете вычислить все факторы ада и не сможете сказать, что случится, пока не увидите его в действии. Это ваша логика. — Он встал и прошелся по веранде, затем вернулся и остановился перед Блэйном. — Вот почему я сбежал. Происходит что-то грязное. Я не могу доверять вашей банде.

— Не знаю, — сказал Блэйн. — Я просто не знаю.

— Я могу уйти, если хотите, не стоит вам зарабатывать неприятности в таком деле. Вы приняли меня и накормили, дали мне одежду и выслушали. Не знаю, как далеко я смогу зайти, но…

— Нет, — сказал Блэйн, — вы останетесь здесь. Это необходимо расследовать, и вы можете понадобиться мне позже. Здесь вы укрыты от посторонних глаз. Не обращайте внимания на роботов. Мы можем им доверять, они ничего не расскажут.

— Если меня выследят, — сказал Коллинз, — я постараюсь покинуть ваши владения, прежде чем меня схватят. Попавшись, я буду держать язык за зубами.

Норман Блэйн медленно поднялся и протянул руку. Коллинз пожал ее сильно, уверенно.

— Договорились.

— Договорились, — повторил Блэйн.

VII

По ночам Центр становился обиталищем призраков, его безлюдные коридоры звенели своей пустотой. Блэйн знал, что в здании работают люди — отдел «Адаптации», специалисты по Условиям, группа «Хранилища», но не было даже признака их.

Робот охраны вышагнул из своей ниши.

— Кто идет?

— Блэйн. Норман Блэйн.

Робот секунду постоял, тихонько посвистывая, пропуская банк памяти в поисках имени Блэйна.

— Удостоверение, — сказал он.

Блэйн протянул ему идентификационный диск.

— Проходите, Блэйн, — сказал робот и сделал попытку быть приятным. — Ночная работа?

— Кое-что забыл, — сказал ему Блэйн.

Он прошел по коридору, вошел в лифт и поднялся на шестой этаж.

Навстречу ему шагнул еще один робот. Блэйн представился.

— Вы не на том этаже, Блэйн.

— Новый отдел. — Он показал роботу документ о назначении.

— Все в порядке, Блэйн, — сказал робот.

Блэйн прошел по коридору и нашел дверь отдела «Записей». Он испробовал шесть ключей, прежде чем отыскал нужный и дверь открылась.

Он закрыл за собой дверь и немного подождал, пока привыкнут глаза, чтобы найти выключатель.

Здесь был передний кабинет, дальше дверь вела на склад записей. Это, должно быть, где-то здесь, сказал себе Блэйн. Мирт должна была закончить его несколько часов назад — Сновидение Дженкинса, большую охоту в туманных джунглях.

Оно еще не должно быть зарегистрировано, поскольку Дженкинс обратился к нам всего пару дней назад. Возможно, оно где-то на полке, где Сновидения ждали своей очереди.

Он обошел стол и оглядел помещение. Шкафчики картотек, много столов, кабины испытателей, машина для выпивки и ленча и полка, на которой лежало с полдюжины катушек.

Он быстро подошел к полке и взял первую катушку. Сновидение Дженкинса он нашел на пятой и постоял, держа ее в

руке, размышляя, насколько безумен должен быть человек, заказавший такое.

Коллинз, должно быть, ошибся, или кто-то ошибся… или все это была ложь, о цели которой он понятия не имел. Просто не может быть, сказал себе Блэйн, чтобы Сновидение было намеренно подменено.

Но он уже зашел слишком далеко. Он сделал из себя дурака…

Блэйн пожал плечами. Раз уж он здесь, то должен теперь пройти до конца.

С катушкой в руке Норман Блэйн прошел в испытательную кабину и закрыл за собой дверь. Он вставил катушку и установив время на тридцать минут, затем снял шляпу и лег на кушетку. Протянув руку, включил аппарат.

Раздалось слабое шипение механизмов. Что-то подуло ему в лицо, и шипение смолкло. Кабина исчезла. Блэйн стоял в пустыне или в чем-то, похожем на пустыню.

Местность была красной и желтой. Солнце стояло высоко, струившийся от песка и камней жар бил прямо в лицо. Он поднял голову, чтобы оглядеть горизонт; тот был очень далек, местность была плоской. Из тени одной скалы в тень другой с писком пробежала ящерица. Высоко в горячем, шелково-голубом небе кружила птица.

Он увидел, что стоит на какой-то дороге. Она тянулась по пустыне и терялась в волнах жара, поднимавшегося от сожженной земли. И вдалеке по дороге медленно ползла черная точка.

Он огляделся в поисках тени и не увидел ее, никакой тени, достаточно большой, чтобы спрятаться существу крупнее ящерицы, здесь не было.

Блэйн поднял руки и поглядел на них. Они были настолько загорелыми, что в первую секунду он подумал, что они черные. На нем были оборванные брюки, изжеванные от колен до лодыжек, и рваная рубаха, прилипшая к спине от пота. Обуви не было, и он удивился, когда поднял ногу и увидел роговидные мозоли, защищающие кожу от жара и камней.

Смутно подумав, что он может здесь делать, что он делал секунду назад, что предполагает делать дальше, Норман Блэйн стоял и смотрел на пустыню. Смотреть было не на что — только красное и желтое, песок и жара.

Он переступил на песке с ноги на ногу, выкопав пятками ямки, затем заровнял их мозолистой подошвой. Затем память о том, кто он и что намеревался сделать, медленно вернулась к нему. Она пришла к нему вместе с изумлением, и большая ее часть, казалось, не имела смысла.

Он вышел утром из дому и поехал в город. Была какая-то важная причина для поездки, хотя всю свою жизнь он не мог и думать о такой поездке. Он помнил лишь оттуда и досюда, он очень хотел бы вспомнить хотя бы название своего дома. Это было трудно. Если бы он встретил кого-то, кто спросил бы его, откуда он родом, он не смог бы ответить. Он также хотел бы вспомнить название города, откуда уехал, но тоже не смог. Может, спустя какое-то время он вспомнит название.

Он пошел по дороге и подумал, что идти, вроде, еще далеко. Как-то и где-то он заплутал и потерял много времени. Нужно поспешить, если он рассчитывает попасть в город до наступления ночи.

Он посмотрел на черную точку на дороге и она, казалось, приблизилась.

Он не испытывал страха перед черной точкой, и это подбадривало. Но когда он попытался понять, почему это так подбадривает, то просто не мог сказать.

Так как он потерял массу времени, а путь предстоял еще долгий, он пустился бежать. Он бежал по дороге как можно быстрее, несмотря на грубое покрытие и жаркое солнце. На бегу он похлопал по карманам и обнаружил, что в одном из них носит определенные предметы. Он немедленно понял, что эти предметы больше обычной ценности, в долю секунды понял, что это за предметы.

Черная точка становилась все ближе и, наконец, приблизилась настолько, что Блэйн смог разглядеть ее и увидел, что это большая телега с деревянными колесами. Ее тянул сине-коричневый верблюд, на сидении телеги под изорванным зонтом, когда-то, наверное, цветным, а теперь выгоревшим на солнце и серым, сидел человек.

Телега нагнала бегущего Блэйна, и Блэйн побежал рядом с ней. Человек что-то крикнул верблюду, и тот остановился.

— Опаздываешь, — сказал человек. — Лезь сюда, поедем.

— Меня задержали, — сказал Блэйн.

— Тебя задержали, — фыркнул человек и бросил вожжи запрыгнувшему в телегу Блэйну.

Блэйн закричал на верблюда и ударил его вожжами…

Он еще успел подумать, что за дьявольщина происходит, и тут же снова очутился в кабине. Рубашка прилипла к спине от пота. Он еще чувствовал обжигающий лицо жар солнца пустыни.

Он полежал, собираясь с мыслями, заново ориентируясь. Возле него медленно вертелась катушка, протягивая ленту через щель шлема. Блэйн протянул руку и остановил ее, медленно смотал назад.

В нем пробудился ужас, и секунду он боялся, что может закричать, но крик застрял в горле, и он лежал неподвижно, застыв от осознания того, что произошло.

Он поднялся с кушетки, выдернул катушку из аппарата и прочитал ее номер и имя. Имя стояло — Дженкинс — и номер совпадал с кодом, который он занес в машину Сновидений только сегодня днем. Здесь не может быть ошибки. Катушка содержала Сновидение Дженкинса. Это была катушка, которую он послал бы вниз через день-другой, когда Дженкис придет погрузиться в Сон.

И Дженкинс, который заказывал большую охотничью экспедицию, который хотел провести следующие двести лет в оргии выстрелов, очутится в красно-желтой пустыне на колее, которая лишь из вежливости может быть названа дорогой; вдалеке он увидит движущуюся точку, которая чуть позже станет волокущим телегу верблюдом.

Он очутится в пустыне в рваных штанах и рубахе и с чем-то в кармане, что стоит весьма немало — но не было ни джунглей, ни вельда, не было ни ружей, ни сафари. Это была вовсе не охотничья экспедиция.

Сколько еще других? — спросил себя Блэйн. — Сколько других, получивших не тот Сон, что они заказывали? — И еще: — Почему они получают не те Сны, которые заказывали?

Зачем подменяют Сновидения?

Или подменяют ли их? Мирт…

Блэйн тут же покачал головой. Огромная машина делает то, что прикажут. Она берет символы и уравнения, разбивает их, соединяет, переносит и создает Сновидение, которое было затребовано.

Подмена была единственным ответом.

Коллинз прожил пятьсот лет в мире, где отсутствовала концепция выгоды. И красно-желтая пустыня… Что это был за мир? Норман Блэйн провел в нем недостаточно долго, чтобы понять, но он знал одно. Что, как и в мире Коллинза, мир Дженкинса был таким, который явно никто не закажет.

Телега на деревянных колесах, которую тащил верблюд, должна означать мир, в котором не было и понятия о механическим транспорте. Но это должна, по крайней мере, быть одна из тысяч других видов культур.

Блэйн открыл дверь кабины и вышел. Он положил катушку на полку и секунду постоял посреди холодной комнаты. Моментом позже он понял, что не в комнате холодно, а у него самого озноб.

Днем, разговаривая с Люсиндой Сайлон, он подумал о себе, как о посвященном человеке, подумал о Центре и гильдии, как о месте посвящения. Он елейно говорил о том, что на гильдии не

должно быть ни пятнышка, что это даст уверенность в ее службах тем, кто может выбрать Сон.

И где теперь эта посвященность, где общественная уверенность?

Сколько еще людей получили подмененные Сновидения? Сколько времени это происходит? Пятьсот лет назад Спенсер Коллинз получил не то Сновидение, что хотел. Значит, вмешательство длится, по меньшей мере, пятьсот лет.

И сколько людей прошло за эти годы?

Люсинда Сайлон… какое Сновидение получит она? Будет ли это плантация середины двадцатого столетия или совершенно иное место? Сколько Сновидений из тех, что помогал фабриковать Блэйн, были подменены?

Он подумал о девушке, сидевшей сегодня утром по другую сторону его стола — волосы цвета меда и голубые глаза, молочная белизна кожи, манера разговаривать, то, что она говорила, и то, что не сказала.

Она тоже, подумал он.

И здесь не было ответа на это. Он медленно пошел к двери.

VIII

Он поднялся по ступенькам, позвонил, и голос сказал ему: «Войдите».

Люсинда Сайлон сидела в кресле у окна. Горела только одна лампочка — тусклая лампочка — в дальнем углу комнаты, так что она сидела в тени.

— А, это вы, — сказала она. — Вы тоже проводите следствие?

— Мисс Сайлон…

— Проходите и садитесь. Я готова ответить на любые ваши вопросы. Как видите, я по-прежнему убеждена…

— Мисс Сайлон, — сказал Блэйн, — я пришел сказать вам, чтобы вы отказались от Сна. Я пришел предупредить вас, я…

— Вы дурак, — сказала она, — вы круглый идиот…

— Но…

— Убирайтесь, — сказала она ему.

— Но…

Она встала с кресла, каждая линия ее тела выражала презрение.

— Значит, у меня нет шансов. Продолжайте, расскажите мне об опасностях, пустите в ход все ваши трюки. Вы дурак — я знала это прежде, чем пришла к вам.

— Вы знали…

Секунду они стояли в напряженном молчании, уставившись друг на друга.

— А теперь знаете вы. — Не пройдет и полчаса, как она скажет что-то еще. — И как теперь насчет посвящения?

— Мисс Сайлон, я пришел сказать вам…

— Не говорите никому, — сказала она. — Возвращайтесь домой и забудьте то, что знаете, так будет лучше для вас. Может быть, вы не будете посвящены, но вам так будет удобнее. И проживете гораздо дольше.

— Не нужно угрожать…

— Это не угроза, Блэйн, только совет. Если хоть слово дойдет до известного вам Ферриса, можете считать, что вам осталось жить несколько часов. И я могу просоветовать, как обвести Ферриса. Я знаю единственный способ сделать это.

— Но Феррис…

— Он тоже посвящен?

— Ну нет, возможно, что нет. Я не…

Смехотворная мысль — Пауль Феррис посвящен!

— Когда я вернусь в Центр, — продолжала она спокойно и ровно, — мы будем вести себя так, словно ничего не случилось. Вашим личным делом будет присмотреть, чтобы мой Сон прошел без задоринки. Потому что если вы не сделаете этого, то ваши слова дойдут до Ферриса.

— Но почему так важно, чтобы вы ушли в Сон, зная, что делаете?

— Может быть, я из «Развлечений», — сказала она. — Вы решили, что я из «Развлечений», не так ли? Вы спросили меня, из «Развлечений» ли я, и имели при этом очень хитрый вид. Вы не любите «Развлечения», так как боитесь, что они воруют ваши Сновидения для своих голографов. Они попытались сделать это однажды, и с тех пор вы всегда хватаетесь за это.

— Вы не из «Развлечений».

— Вы подумали так сегодня утром. Или это была игра?

— Игра, — с несчастным видом признался Блэйн.

— Но нынче ночью это не игра, — холодно сказала она, — потому что вы напуганы, как никогда прежде. Ну, и оставайтесь напуганным. Вы имеете на это право. — Она секунду постояла, с отвращением глядя на него. — А теперь уходите.

IX

Фило не встретил его у ворот, но с лаем выбежал из кустов, когда Блэйн свернул с дорожки и остановился перед домом.

— Успокойся, Фило, — сказал ему Блэйн. — Успокойся.

Он вылез из машины, и Фило уже спокойно стоял возле него. В ночной тишине он слышал пощелкивание собачьих когтей по блустиновой дорожке. Дом стоял большой и темный, хотя у дверей горел свет. Он подумал, почему дом и деревья всегда кажутся ночью больше, словно с приходом тьмы меняют размеры.

Скрипнул камешек под чьими-то ногами, и он повернулся. На дорожке стояла Гарриет.

— Я жду тебя, — сказала она. — Я уже думала, что ты не приедешь. Мы с Фило ждем и…

— Ты напугала меня, — сказал ей Блэйн. — Я думал, что ты работаешь.

Она быстро пошла вперед, и свет от фонаря упал ей на лицо. На ней было платье с низким вырезом, засверкавшее на свету, и поблескивающая вуаль, отчего казалось, что она окружена тысячами мерцающих звездочек.

— Здесь кто-то был, — сказала она ему.

— Кто-то…

— Я въехала через задние ворота. У переднего входа стояла машина, и Фило лаял. Я увидела у ворот троих, они тащили четвертого. Он отбивался, но они протащили его и затолкали в машину. Фило бросился на них, но они не обратили на него внимания, так как спешили. Сначала я подумала, что это ты, но потом увидела, что нет. Трое были одеты как бандиты, и я немного испугалась. Я развернулась, как можно быстрее выехала на шоссе и…

— Погоди минуточку, — предостерег ее Блэйн. — Ты так спешишь. Успокойся и расскажи мне…

— Позже я вернулась, не зажигая фар, и остановила машину на прежнем месте. Я зашла в лесок и стала ждать тебя.

Она замолчала, переводя дыхание.

Он протянул руку, взял ее за подбородок, приподнял лицо и поцеловал.

Она оттолкнула его руку.

— Нашел время, — сказала она.

— Для этого всегда время.

— Норм, ты попал в беду? У кого-нибудь есть что-то против тебя?

— Такие всегда найдутся.

— И ты стоишь здесь и слюнявишь меня?!

— Я как раз думал, — сказал он, — о том, что мне делать.

— И что же ты собираешься делать?

— Встретиться с Феррисом. Он приглашал меня, я совершенно забыл об этом.

— Забыл? Я говорю о бандитах…

— Это не бандиты. Они лишь похожи на бандитов.

Внезапно Норман Блэйн увидел это — как единственный элементик с единственной целью — увидел, наконец, паутину интриги и цель, которую искал с самого утра.

Сначала был поймавший его Болтун, затем Люсинда Сайлон, выбравшая достойное и спокойное Сновидение, потом был Лев Гизи, умерший за своим обшарпанным столом, и, наконец, человек, проживший пятьсот лет в цивилизации, не открывшей выгоды.

— Но Феррис…

— Пауль Феррис — мой друг.

— Ничей он не друг.

— Вот так, — сказал Блэйн и прижал друг к другу два пальца.

— Это меня и заботит.

— С сегодняшнего дня мы с Феррисом товарищи по заговору. У нас общее дело. Гизи умер.

— Знаю. Но что это за внезапная дружба?

— Прежде чем умереть, Гизи подписал назначение. Меня назначили в отдел «Записей».

— О, Норм, я так рада!

— Я так и надеялся.

— Но что все это значит? — спросила она. — Скажи мне, что происходит? Кто тот человек, которого бандиты увезли отсюда?

— Я уже сказал тебе — это не бандиты.

— Кто был тот человек? Не уклоняйся от вопроса.

— Беглец. Человек, который сбежал из Центра.

— И ты помогал ему?

— Ну, нет…

— Норм, зачем кому-то сбегать из Центра? Разве вы держите людей взаперти?

— Это проснувшийся…

Он понял, что сказал слишком много, но было уже поздно. Он заметил блеск в ее глазах — глядя на нее, он начал понимать…

— Это не для статьи. Если ты напишешь…

— Ты правильно думаешь.

— Это держат в секрете.

— Никаких секретов! Нельзя ничего рассказывать журналисту по секрету.

— Ты только спросила…

— Лучше расскажи мне все, — сказала она. — Я как-нибудь разберусь.

— Старая уловка!

— Ты должен рассказать мне все! Это избавит меня от массы

хлопот, и ты будешь уверен, что я пойму все правильно.

— Ни слова больше.

— Ну же, будь умненьким мальчиком, — сказала она, встала на цыпочки, быстро поцеловала его и затем оттолкнула.

— Гарриет! — закричал он, но она отступила в тень кустов и исчезла.

Он быстро шагнул вперед, затем остановился. Бесполезно идти за ней. Ему никогда не удавалось найти или поймать ее, она так же хорошо, как и он, знала лежащие между их домами сады и перелески.

Теперь он влип. Утром вся история будет в газетах.

Он знал, что Гарриет всегда имеет в виду то, что говорит. Проклятая женщина. Фанатичка, сказал он себе. Почему она не может видеть все в правильной перспективе? Ее лояльность «Журналистике» совершенно фанатична.

Однако не больше, чем лояльность Нормана Блэйна «Снам». Что говорил комментатор, пока он ехал домой? Союзы укрепляют мощь, и она основана на фанатичной лояльности — его лояльности «Снам», Гарриет «Журналистике», — которая и является основой растущей мощи.

Он стоял в луже света у дверей и дрожал при мысли о статье с огромным заголовком, кричащем с первой полосы.

Ни дуновения скандала, сказал он вчера днем. «Сны» основывались на общественном доверии, любой крошечный скандальчик сбросит их с пьедестала. А здесь был скандал — или что-то такое, что с полным правом можно назвать скандалом.

Есть две вещи, которые он может сделать. Попытаться остановить Гарриет — как, он не знает. Или сорвать маску с этой интриги, показать, чем она является на самом деле — заговором с целью устранить «Сны» от борьбы за власть, борьбы, о которой так елейно распространялся комментатор.

Теперь Блэйн был уверен, что знает, как все это связано, уверен, что может проследить главные нити, ведущие через эти фантастические события. Но если он намеревается доказать свои подозрения, у него очень мало времени. Гарриет уже охотится за фактами, на которые он ее направил. Возможно, она не добудет их для утренних выпусков, но к вечеру статья будет готова.

И прежде чем это произойдет, «Сны» должны заполучить эту статью, чтобы бороться с возникшими слухами.

Был только один факт, который он должен проверить, сказал себе Блэйн. Люсинда Сайлон сказала, что она из «Развлечений». Это то, что можно проверить, один из фактов, которые будут проверены автоматически. Спенсер Коллинз был тоже Образованным. Профессор социологии, по его словам, который

работал над теорией.

Было что-то в истории Союзов, касающееся «Снов» и «Образования», некая связь, существующая между ними — и ее нужно найти.

Он быстро пересек холл, спустился в кабинет с Фило, следующим за ним по пятам. Он щелкнул выключателем и быстро подошел к полкам. Пробежал пальцами по ряду книг, пока не нашел нужную.

Сев за стол, включил лампу и быстро перелистал страницы. Он нашел то, что хотел — факт, который, как он помнил, был здесь, о котором он прочел очень давно и забыл, так как думал, что он никогда не пригодится.

X

Дом Ферриса был окружен большой металлической стеной, слишком высокой, чтобы перепрыгнуть, и слишком гладкой, чтобы перелезть. Охранник был на посту у ворот, и еще один — у дверей.

Первый охранник обыскал Блэйна, второй потребовал документы. Когда он удовлетворился, то вызвал робота проводить гостя к Феррису.

Пауль Феррис пил. Бутылка на столике рядом с креслом была уже более чем наполовину пустой.

— Ну и выбрали же вы время для визита, — проворчал он.

— Я был занят.

— Употребляете, мой друг? — Феррис указал на бутылку. — Наливайте сами. Стаканы на полке.

Блэйн налил стакан почти до краев и небрежно сказал:

— Гизи был убит, не так ли?

Жидкость в стакане Ферриса слегка плеснулась, но больше не было никаких других признаков волнения.

— Заключение было — самоубийство.

— На столе был стакан, — сказал Блэйн. — Он пил из графина, и в воде был яд.

— Почему вы не сказали мне то, чего я не знаю?

— И вы прикрываете кого-то.

— Может быть, — сказал Феррис. — Может быть также, что это не ваше проклятое дело.

— Я как раз думаю, «Образование»…

— Вот что!

— Образование очень долго точило на нас зубы. Я просмотрел всю историю. «Сны» начинали как филиал

«Образования», технология обучения во сне. Но мы стали слишком велики для них, и у нас появились новые идеи — тысячу лет назад. Так мы порвали отношения и…

— Теперь подождите минутку, повторите медленно все сначала.

— У меня есть теория.

— У вас есть также и голова, Блэйн. Хорошее воображение. Как я сказал лишь вчера днем, мыслите вы стабильно. — Феррис поднял стакан и осушил его одним глотком. — Мы вонзим нож в них, — бесстрастно сказал он. — Доберемся до их глотки. — По-прежнему бесстрастно он швырнул стакан в стену. Стакан разлетелся вдребезги. — Почему, черт побери, никто не мог подумать о том, с чего начать? Это же так просто… Садитесь, Блэйн. Мне кажется, мы сумеем это сделать.

Блэйн сел, и внезапно его затошнило — затошнило от мысли, что он ошибался. Это не «Образование» организовало убийство. Это Пауль Феррис — Феррис, и сколько еще других? Ни один человек даже с хорошей организацией не мог бы сделать такого.

— Я хочу знать одно, — сказал Феррис. — Как вы получили это назначение? Вы не получили его так, как сказали, вы не могли получить его.

— Я нашел его на полу, оно упало со стола Гизи.

Больше не было нужды лгать, лгать и притворяться. Больше ни в чем не было нужды. Прежние гордость и лояльность исчезли. Даже когда Норман Блэйн думал о них, в душе поднималась горечь, бесполезность всех прожитых лет была мукой, разъедающей раны.

Феррис хихикнул.

— Вы правы, — сказал он. — Вы должны держать рот на замке и не высовываться. На это нужно мужество. Мы можем работать вместе.

— Это еще не все, — резко сказал Блэйн. — Убирайтесь к черту, если вы думаете, что мы можем быть вместе.

Это было чистой бравадой, и уже чувствуя в спине нож, Блэйн подумал, зачем он сделал это. Ради дела, которое теперь ничего не значило?

— Относитесь ко всему легко, — сказал Феррис. — Вы будете молчать. Я рад, что все так получилось. Я не думал, что вы способны на такое, Блэйн. Мне кажется, я вас недооценил. — Он потянулся за бутылкой. — Дайте мне другой стакан.

Блэйн принес стакан, и Феррис налил себе и ему.

— Что вы знаете?

Блэйн покачал головой.

— Не слишком много. Это дело с подменой сновидений…

— Вы вбили это себе в голову, — сказал Феррис. — Вот суть всего. Мы слишком долго дезориентировали вас, так что теперь я должен рассказать правду. — Он поудобнее развалился в кресле. — Все началось много веков назад и сохранялось в тайне более семисот лет. Это был долгосрочный проект, как вы понимаете, поскольку некоторые сновидения продолжаются чуть менее тысячи лет, а многие и гораздо дольше. Сначала работа велась медленно и очень осторожно, в те времена наши люди чувствовали, что идут на ощупь. Но за последние несколько столетий стало безопасно ускорять этот процесс. Мы работали с величайшей частью когда-то составленной программы и позаботились о некоторых дополнительных опытах, добавившихся с тех пор. Менее, чем через столетие мы будем готовы… мы можем быть готовы в любое время, но хотим подождать еще сто лет. Мы разработали технологии, с помощью которых уже делаем то, во что невозможно поверить. Но они будут действовать, у нас есть доказательства из первых рук, что они работоспособны.

Блэйн почувствовал внутри холод, холод лишения иллюзий.

— Все эти годы? — спросил он.

Феррис рассмеялся.

— Вы правы. Все эти годы. И все люди думали, что мы чисты, как лилия. Мы прилагали неимоверные усилия, чтобы они думали так — так спокойней для народа. Мы же были спокойны с самого начала, пока другие группировки напрягали мускулы и рвали глотки. Постепенно они пришли к тому, что было известно нам с самого начала — что нужно держать рот закрытым и не показывать своей силы. Что нужно ждать подходящего времени. Они, наконец, научились этому. Уроки достались им тяжело, но они научились, в конце концов, политике слишком поздно. Даже прежде, когда был Центральный Союз, «Сны» видели, что наступает, и строили соответствующие планы. Мы тихонько сидели в уголке и держали руки на коленях. Мы слегка склоняли головы и держали глаза полузакрытыми — поза совершенной кротости. Большую часть времени остальные и не подозревали, что мы поблизости. Видите ли, мы были слишком маленькими и тихими. Все наблюдали за «Журналистикой» и «Транспортом», «Продовольствием» и «Фабриками», потому что они больше. Но они станут наблюдать за «Снами», потому что у нас есть то, чего нет ни у кого больше.

— Один вопрос, — сказал Блэйн. — Может быть, два. Откуда вы знаете, что заменители сновидений работают так, как надо? Всю достоверность мы создаем чистой фантазией. Это не реальные события, мы фабрикуем их.

— Это, — сказал ему Феррис, — единственное, что связывает

нас. Когда мы сумеем объяснить это, у нас будет все. Еще в самом начале были проведены эксперименты. Сновидения пытались отделить от их носителей — от добровольцев, уходящих в сон на короткий период пять-десять лет. И Сновидения получались не такими, какие были сложены. Когда мы даем Сновидению логическую основу вместо наполнения его заказанными факторами, оно следует развитию логики. Когда мы жонглируем факторами культуры, образцы работают правильно… ну, может, не правильно, но во всяком случае не так, как мы рассчитываем. Когда мы наполняем их иллогичностью, то получаем беспорядок иллогичности. Но когда мы наполняем их логикой, логика пронизывает все формы Сновидения. Изучение логики Сновидений заставило нас поверить, что они следуют линиям истинного развития. Появляются непредвиденные тенденции, управляемые законами и обстоятельствами. Мы не можем их угадать, и эти тенденции развиваются до своего логического завершения.

В этом человеке был страх, страх, что должен лежать в глубине сознания множества людей целых семьсот лет. Страх при мысли: а только ли это иллюзии? Или сновидения действительно существуют? И где-то есть такие миры? А если есть, то не мы ли их создаем? Или мы их просто открываем?

— Откуда вы знаете о Сновидениях? — спросил Блэйн. — Спящие вам не расскажут, а если и расскажут, вы не поверите.

Феррис рассмеялся.

— Все просто. У нас есть шлем с двойной связью. Мы сконструировали обратный шлем и записываем текущие сновидения снова на ленту. Потом изучаем их. У нас уже целые склады таких лент. Мы собрали миллионы факторов, пришедших из многих тысяч различных культур. У нас есть истории никогда не бывшего и того, что может быть, и того, что, возможно, еще будет.

«Сны» — единственный союз, имеющий подобное, — сказал он. Они хранят ленты семисот лет Сновидений. У них есть миллионы человекочасов опыта — опыта из первых рук — в образцах культур, которых никогда не бывало. Некоторые из них не могут возникнуть, другие лежат на волосок от появления — и множество, вероятно, когда-нибудь возникнут.

Из этих лент они черпают уроки, лежащие вне обычного человеческого опыта. Экономика, политика, социология, философия, психология — во всех гранях человеческой деятельности они имеют козыри. Из своей колоды они могут вытащить экономику, которая ослепит народ. Они могут наслаждаться политической теорией, которая победит, даже если

они и пальцем не шевельнут. У них есть психологические трюки, которые погубят все остальные Союзы.

Много лет они строили из себя дурачков, кротко сидя в уголке, сложив руки на коленях и ведя себя очень тихо. И все это время они ковали себе оружие, чтобы использовать его в надлежащий час.

И посвящение, подумал Блэйн, человеческое посвящение. Гордость и удовлетворение от хорошо выполненной работы. Чувство близости к человеческому братству.

Много лет записывались катушки лент, пока мужчины и женщины те, кто приходил с наивной уверенностью найти чудесную страну своего воображения, — уныло брели по логичным сновидениям, зачастую совершенно фантастическим.

Голос Ферриса продолжал звучать и, наконец, дошел до него:

— …Гизи мягко наступал на нас. Он хотел заменить Реймера тем, кто будет продолжать его линию. И он выбрал вас, Блэйн, из всех сотрудников он выбрал вас. — Он снова бурно расхохотался. Это чертовски хорошо показывает, как может ошибаться человек.

— Да, — согласился Блэйн.

— Тогда мы убили его, прежде чем о назначении мог кто-либо узнать, но вы обыграли нас, Блэйн. Вы оказались быстрее. Как вы узнали о нем? Как поняли, что нужно делать?

— Не знаю.

— Выбор, — сказал Феррис. — Выбор был безупречным.

— Вы хотели всех одурачить.

Феррис кивнул.

— Я говорил с Эндрюсом. Он будет с нами. Ему, конечно, это не понравилось, но он ничего не может поделать.

— Вы сильно рискуете, Феррис, рассказывая мне все это.

— Вовсе нет. Вы наш. Теперь вы не можете выйти из игры. Если вы скажете хоть слово, то погубите Союз… но у вас не будет такой возможности. С этого момента, Блэйн, к вашей спине приставлен пистолет, за вами постоянно будут следить. Не пробуйте делать глупостей, Блэйн. Вы мне понравились. Мне понравилось, как вы действовали. Эта штука с «Образованием» совершенно гениальна. Вы играете с нами, и это будет полезно для вас. У вас нет другого выбора, кроме как играть с нами. Вы в игре, вбейте это себе в голову. В качестве начальника отдела «Записей» вы будете хранить все доказательства, вы не можете вычеркнуть тот факт, что… Давайте, выпьем.

— Я совсем забыл, — сказал Блэйн.

Он взял стакан и выплеснул его содержимое в лицо Феррису. Словно продолжая движение, рука Блэйна выпустила стакан, который со звоном упал на пол, и схватила бутылку.

Пауль Феррис вскочил на ноги, протирая руками глаза. Блэйн тоже вскочил, бутылка описала дугу и попала точно в цель. Она разбилась о голову главаря банды, и тот рухнул на ковер. По волосам потекли струйки крови.

Секунду Норман Блэйн стоял неподвижно. Комната и человек на полу внезапно стали яркими и отчетливыми, рисунок ковра врезался в память. Он поднял руку и увидел, что все еще сжимает горлышко бутылки с острыми, неровными краями. Отшвырнув горлышко, он побежал, сгорбившись в ожидании пули, прямо к окну. Уже в прыжке он закрыл руками лицо. Выбив собой стекло, он вылетел наружу.

Он приземлился на гравийной дорожке и катился, пока его не остановил густой кустарник, затем быстро пополз к стене. Но стена гладкая, вспомнил он, никому не перебраться через нее. Гладкая и высокая, и только одни ворота. За ним станут охотиться и убьют. Подстрелят, как кролика в зарослях. У него нет ни одного шанса.

У него нет пистолета, и он не умеет драться. Он может только прятаться и убегать, однако здесь негде спрятаться и некуда далеко бежать. Но я рад, что сделал это, сказал себе Блэйн.

Это был взрыв протеста против семисотлетнего позора, утверждение древней, погибшей святыни. Взрыв должен был произойти давно, теперь он уже бесполезен и является лишь символом, о котором будет знать только Норман Блэйн.

Сколько таких символов, подумал он, можно насчитать в окружающем мире?

Блэйн услышал топот ног, крики и понял, что это продлится недолго. Он спрятался в кустах и старался придумать, что можно сделать, но куда бы он ни побежал, везде лишь голые стены, и сделать он ничего не мог.

С верха стены вдруг раздался чей-то шепот. Блэйн вздрогнул и вжался в самую гущу кустарника.

— Псст! — снова раздался голос.

Хитрость, неистово подумал Блэйн. Хитрость, чтобы выманить меня. Затем он увидел веревку, свисавшую со стены, где ее освещало разбитое окно.

— Псст! — еще раз сказал голос.

У Блэйна появился шанс. Он выскочил из кустов и побежал по дорожке к стене. Веревка была реальной и держалась на маленьком якоре. В порыве отчаяния Блэйн полез по ней, как обезьяна, схватился за край стены, подтянулся. Сердито рявкнул пистолет, пуля ударилась в стену, срикошетила и с визгом улетела в темноту.

Не думая об опасности, Блэйн перевалился через стену,

ударился о землю так, что перехватило дыхание, и скорчился от боли, задыхаясь. Звезды неторопливо кружились у него перед глазами.

Он почувствовал, как чьи-то руки поднимают, несут его, услышал хлопанье дверцы, затем шум мотора, когда машина рванулась в ночь.

XI

Лицо что-то говорило ему, и Норман Блэйн пытался узнать его; он знал, что когда-то видел его. Но узнать он не смог и тогда закрыл глаза и попытался уйти в тихую и спокойную темноту. Но темнота оказалась не спокойной, а резкой и полной боли, тогда он снова открыл глаза.

Лицо продолжало что-то говорить ему и склонилось еще ближе. Блэйн почувствовал, как на него падают брызги слюны. И пока человек что-то говорил Блэйну, он вспомнил это лицо. Прошлым утром его выловил на стоянке Болтун, и теперь он снова был здесь, с придвинутым почти вплотную лицом, и слова опять лились с его губ.

— Перестань, Джо, — раздался еще один голос. — Он еще не пришел в себя. Ты слишком сильно ударил его, он ничего не соображает.

Блэйн узнал и этот голос. Он поднял руку, оттолкнул говорящее лицо и с трудом сел, прислонившись спиной к стене.

— Привет, Коллинз, — сказал он второму голосу. — Как ты здесь очутился?

— Меня привезли, — ответил Коллинз.

— Да, я слышал…

Интересно, где я, подумал Блэйн. Вероятно, старый подвал — подходящее место для заговорщиков.

— Ваши друзья? — спросил он.

— Оказалось, друзья.

Снова появилось лицо Болтуна.

— Уберите его от меня, — сказал Блэйн.

Еще один голос велел Джо убраться. Блэйн узнал и этот голос.

Лицо Джо исчезло.

Блэйн поднял руку и вытер ладонью лицо.

— Далее, — сказал он, — я найду здесь и Ферриса.

— Феррис мертв, — проронил Коллинз.

— Не думала я, что у вас есть мужество, — сказала Люсинда Сайлон.

Он отвернулся от грубой поверхности стены и, наконец, увидел их, стоящих рядом — Коллинза, Люсинду, Джо и еще двоих, которых он не знал.

— Он больше не будет смеяться, — сказал Джо.

— Я ударил его не так уж сильно.

— Достаточно сильно.

— Откуда вы знаете?

— Мы проверили, — сказала Люсинда.

Он вспомнил, как прошлым утром она сидела за столом напротив него, вспомнил ее спокойствие. Она по-прежнему была спокойна. Она из тех, подумал Блэйн, кто может проверить — тщательно проверить мертв ли человек.

Это оказалось не слишком трудно. Когда Блэйн полез через стену, поднялась суматоха. Охранники выскочили за ним, и было легко проникнуть в дом и убедиться, что Феррис мертв.

Блэйн поднял руку и пощупал на голове за ухом шишку. Она приняла меры и ко мне, подумал он, приняла меры, чтобы я очнулся не слишком быстро и не наделал им хлопот. Он с трудом поднялся на ноги и стоял, пошатываясь и опираясь рукой о стену.

Потом он взглянул на Люсинду.

— «Образование», — сказал он, перевел взгляд на Коллинза и добавил: — Вы тоже оттуда.

Поочередно он оглядел всех остальных.

— А вы? — спросил он. — Вы все?

— «Образование» давно все знает, — сказала ему Люсинда. — Столетие или даже больше. Мы давно интересуемся вами, и настанет день, мой друг, когда мы прижмем «Сны» к ногтю.

— Заговор, — с угрожающим смешком сказал Блэйн. — Прелестная комбинация — «Образование» и заговор. И Болтун… О, Боже, не говорите мне о Болтунах!

Она лишь чуть наклонила подбородок, лоб ее оставался прямым.

— Да, Болтуны тоже.

— Теперь, — сказал ей Блэйн, — я узнаю все. — Он вопросительно ткнул пальцем в Коллинза.

— Это человек, — ответила девушка, — который сбежал из «Снов» прежде, чем вы что-либо узнали, который наугад доверился вам. Мы взяли его…

— Взяли его?!

— Конечно. Не думаете же вы, что у нас нет… ну, назовем их представителями… в Центре.

— Шпионы.

— Ладно, пусть будут шпионы.

— А я… где мое место? Или я лишь, в известном смысле,

помеха?

— Вы помеха? Никогда! Вы были слишком добросовестным, дорогой. Слишком удовлетворенным и самодовольным, слишком идеалистичным.

И она была не так уж и не права. Существовал заговор «Образования» — не считая, конечно, заговора, таящегося в самом Центре — и он попал в самую гущу.

И побежден, подумал он, абсолютно, грязно побежден! Нельзя не запутаться в такой паутине, если всю жизнь провести рядом с нею.

— Я говорил вам, дружище, — сказал Коллинз, — здесь что-то не так. Мое сновидение было сделано с определенной целью.

Цель, подумал Блэйн. Цель собрать данные о гипотетических цивилизациях, воображаемых культурах, получить знания из первых рук о том, что выйдет при многих возможных условиях, собрать и систематизировать данные и выделить из них факторы, которые могут быть привиты нынешней культуре, дойти до концентрирования культуры в холодной, научной манере, подобно тому, как плотник сколачивает курятник. А хлам и отбросы этого курятника можно использовать для фабрикации Сновидений, которые волей-неволей будут видеть спящие.

А цель «Образования» — в разоблачении этого заговора? Вероятно, политика. Союз, который сумеет разоблачить такое двуличие, пожнет множество форм общественного восхищения и этим укрепит свои силы, когда настанет время раскрыть карты. Или, возможно, цель кроется в идеализме, в элементарной честности, несмотря на разрушение схемы, которая должна дать Союзу преимущественное положение перед всеми остальными.

— И что теперь? — спросил Блэйн.

— Они хотят, чтобы я подал жалобу, — сказал Коллинз.

— И вы собираетесь сделать это?

— Полагаю, что да.

— Но почему вы? Почему сейчас? Были другие люди с подмененными Сновидениями, вы же не первый. У «Образования» должны быть сотни таких бывших спящих. — Он посмотрел на девушку. — Вы упомянули, — сказал он, — что хотели испытать это сами.

— Я? — спросила она.

А она? Или ее заявление просто служило целью выйти на него? Теперь было ясно, что он являлся слабым звеном в «Снах». Сколько других слабых звеньев в прошлом и настоящем использовало «Образование»? Было ли ее заявление способом контакта с ним, способом приложить к нему некое косвенное давление, чтобы заставить сделать то, что, по замыслу

«Образования», должен сделать кто-либо подобный ему?

— Мы используем Коллинза, — сказала Люсинда, — потому что он первый независимый человек класса А, которого мы нашли, который не связан со шпионажем на «Образование». Мы использовали своих спящих, чтобы выстроить доказательства, но не можем использовать доказательства, собранные только людьми, которых могут признать шпионами. А Коллинз чист, он ушел в Сон задолго до того, как мы что-либо заподозрили.

— Он не первый, были и другие. Почему вы не использовали их?

— Их нет в наличии.

— Но…

— Только «Сны» могут рассказать, что с ними случилось. Возможно, вы и сами знаете, что с ними произошло, мистер Блэйн.

Он покачал головой.

— Но почему я здесь? Вы же определенно не рассчитываете, что я дам показания. Что заставило вас схватить меня?

— Мы спасли вашу шею, — сказал Коллинз. — Вы забыли об этом?

— Вы можете уйти, — добавила Люсинда, — в любое время, когда захотите.

— Только, — пояснил Джо, — за вами охотятся. Вас ищут.

— На вашем месте, — сказал Коллинз, — я бы наверняка остался.

Они думают, что он в их руках. Он видел, что они так думают привязали его к себе, загнали в угол, где он будет делать все, что они велят. В нем нарастал холодный гнев — кое-кто думает, что так легко можно поймать служащего «Снов» и подчинить его своей воле.

Норман Блэйн оторвался от стены, медленно шагнул вперед и остановился в полутьме подвала.

— Где выход? — спросил он.

— Вверх по лестнице, — кивнул Коллинз.

— Вы можете идти? — спросила Люсинда.

— Могу.

Шатаясь, он стал подниматься по лестнице, с каждой ступенькой обретая уверенность и зная, что сделает это — поднимется по ступенькам и уйдет в ночную прохладу. Внезапно он затосковал по первому дыханию свежего ночного воздуха после этой сырой дыры, пропитанной вонью мрачного заговора.

Он повернулся и остановился. Они стояли, как призраки, у стены подвала.

— Спасибо за все, — сказал он.

И еще мгновение он стоял, глядя на них.

— За все, — повторил он.

Затем повернулся и стал подниматься дальше.

XII

Ночь была темной, хотя уже близился рассвет. Луна зашла, но звезды горели, как лампы, и ветерок пробирался по игривым деревьям.

Блэйн увидел, что он в небольшом поселке — одном из немногих закупочных центров, разбросанных по стране, с мириадами лавок и мерцающими ночными фонарями.

Он пошел от открытого подвала, подняв голову, чтобы ветерок обдувал лицо. Воздух казался чистым и свежим после подвальной духоты, Блэйн вдыхал его полной грудью, и, казалось, он прочищал ему голову и придавал новые силы мышцам.

Улица была пустынной. Он шел по ней, думая, что делать дальше. Ясно, что он должен что-нибудь сделать. Ход был за ним. Его не должны обнаружить утром на еще спящих улицах этого центра.

Он должен найти какое-то место, чтобы укрыться от погони!

Но ему негде спрятаться от них. Они будут неумолимы в поисках Блэйна. Он убил их главаря — или ему внушали, что убил — и этот поступок они не могли оставить безнаказанным.

Поступок этот нельзя предать гласности, убийцу Ферриса нельзя рекламировать. Но это не значит, что поиски будут идти малыми силами. Даже сейчас они могут искать его, даже сейчас могут проверять его любимые места и контакты. Он не может прийти домой или к Гарриет, или в любое другое место…

Домой к Гарриет!

Но Гарриет не будет дома, она будет Бог знает где, разнюхивая эту историю, и он должен как-то ее остановить. Это было гораздо важнее, чем его собственная безопасность. На карту была поставлена гордость и честь Союза Снов, если у него еще оставалась гордость и честь.

— Но они были, — сказал себе Блэйн. — Они еще живы в тысячах работников и в начальниках отделов, которые никогда не слышали о подмене Сновидений. Основная цель Союза еще оставалась такой, какой была тысячу лет назад; такой, какой ее задумали великие основатели концерна. Ради их любви к делу, ради гордости и удовлетворения от этого дела и святости этого дела, такой же яркой и чистой, как всегда…

Но не слишком долго, не много часов. Первый заголовок в

газете, первое дыхание скандала, и яркий, чистый свет цели будет замутнен дымом, погрязнет в багровом мраке стыда.

Есть способ — должен быть способ — остановить это. И если способ есть, Блэйн должен быть тем, кто отыщет его, так как он был единственным, кто знал о близости бесчестья.

Первым делом нужно найти Гарриет, поговорить с ней, заставить ее понять, что правильно, а что — нет.

За ним охотятся бандиты, но они пойдут своим путем, они не смогут заручиться поддержкой любого другого Союза. Будет безопаснее позвонить.

В дальнем конце улицы он увидел телефонную будку и направился к ней; его шаги отчетливо раздавались в утренней тишине и прохладе.

Он набрал номер конторы Гарриет.

Нет, сказал голос, ее здесь не было. Нет, он понятия не имеет. Может, передать, чтобы она позвонила, если вдруг появится?

— Не надо, — сказал Блэйн.

Он набрал другой номер.

— Мы закрыты, — ответили ему. — Здесь вообще никого нет.

Он набрал еще один номер и не получил ответа.

Еще один.

— Здесь нет никого, мистер, мы закрылись час назад. Сейчас уже почти утро.

Ее не было в конторе, не было и в ее любимых ночных местечках.

Может быть, дома?

Он секунду поколебался, затем решил, что звонить ей туда небезопасно. Головорезы, в нарушение всех правил Связи, могут уже прослушивать ее домашнюю линию, точно так же, как и его.

Было еще маленькое местечко у озера, куда они однажды ездили. *Единственный шанс,* сказал он себе.

Он поискал в телефонной книге номер, набрал.

— Конечно, она здесь, — ответил мужской голос.

Он подождал.

— Алло, Норм, — сказала она, и по тому, как перехватило ее дыхание, он почувствовал в ее голосе страх.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Нет, — сказала она. — Нет. Зачем ты звонишь? Ты не можешь поговорить со мной. Тебя разыскивают.

— Я должен поговорить с тобой насчет статьи…

— Статья будет, Норм.

— Но ты должна выслушать меня. Все не так. У тебя нет возможности добыть истинный материал.

— Ты бы лучше уезжал, Норм. Головорезы повсюду…

— Черт с ними, — сказал он.

— До свидания, Норм, — сказала она. — Я надеюсь, что ты уедешь.

Она положила трубку.

Он неподвижно сидел, уставившись на телефон.

Я надеюсь, что ты уедешь. До свидания, Норм. Я надеюсь, что ты уедешь.

Она испугалась, когда он позвонил. Она не слушала, она была напугана тем, что узнала о нем — опозоренный, убийца, за которым охотятся головорезы-охранники Союза.

У нее есть статья, сказала она ему, и в этом все дело. Статья, написанная по слухам и шепоткам, материал, выведанный у людей за бокалом джина или тоника, или виски с содовой. Старый рассказ от многих доверенных лиц, от знающих правду людей.

— Безобразно, — сказал он.

Значит, она собрала материал и скоро напишет статью и выплеснет ее в мир.

Должен быть способ остановить ее… должен быть способ остановить ее.

Есть способ остановить ее!

Он закрыл глаза и задрожал, внезапно ощутив холодок ужаса.

— Нет, нет, — сказал он.

Но был единственный ответ. Блэйн встал, вышел из будки и пошел в одиночестве по пустому тротуару, с пятнами света на асфальте от витрин многочисленных магазинчиков, с первыми проблесками рассвета над крышами.

На улице показалась машина с выключенными фарами, и он не замечал ее, пока она не остановилась рядом с ним. Водитель высунул голову.

— Едем, мистер?

Блэйн подпрыгнул, испуганный машиной и голосом. Мускулы напряглись, но деваться было некуда. Попался, подумал он. Удивился, почему они не стреляют.

Раскрылась задняя дверца.

— Залезайте, — сказала Люсинда Сайлон. — Некогда стоять тут и спорить. Садитесь же, сумасшедший дурак.

Он залез в машину и захлопнул дверцу.

— Я не могла оставить вас здесь, — сказала девушка. — Головорезы схватят вас еще до восхода солнца.

— Мне нужно в Центр, — сказал ей Блэйн. — Вы можете отвезти меня туда?

— Из всех мест…

— Я пойду пешком, — сказал он, — если вы не можете меня

отвезти…

— Можем.

— Мы не можем его отвезти, и вы знаете это, — вмешался водитель. — Джо, он хочет идти в Центр.

— Дурацкое занятие, — сказал Джо. — Зачем ему нужно в Центр? Мы можем спрятать его. Мы…

— Они не будут искать меня там, — сказал Блэйн. — Это последнее место в мире, где они станут меня искать.

— Вы не сможете пробраться…

— Я помогу ему, — сказала Люсинда.

XIII

Они свернули за угол и оказались перед дорожным заграждением. Не было ни времени останавливаться, ни места развернуться и уехать.

— Ложитесь! — проревел Джо.

Мотор взвыл с внезапной яростью, когда он вдавил акселератор в пол. Блэйн протянул руку, прижал к себе Люсинду, и они оба скорчились на сидении.

Заскрежетал металл — они врезались в ограждение. Краешком глаза Блэйн увидел, как мимо окна пронеслась балка. Что-то ударило в окно, и их осыпали осколки стекла.

Машину качнуло и развернуло, затем она проехала. Одно колесо было пропорото и шлепало по мостовой.

Блэйн поднял руку и схватился за спинку сидения. Он подтянулся вверх, прижимая к себе Люсинду.

Кузов машины сполз вперед, загораживая водителю обзор. Металл был смят и порван, и в дыры дул ветер.

— Долго мы не продержимся, — проворчал Джо, воюя с баранкой.

Он повернул голову и быстро взглянул на них. Половина лица Джо была залита кровью, бежавшей из пореза на голове.

Что-то взорвалось справа, по машине простучали осколки.

Ручные мортиры — и следующий залп будет гораздо точнее.

— Выпрыгивайте! — прокричал Джо.

Блэйн заколебался, и у него появилась мысль. Он не выпрыгнет, не оставит его одного — этого Болтуна по имени Джо. Он останется с ним. Вообще-то, это была скорее его схватка, чем Джо.

Пальцы Люсинды впились в его руку.

— Дверца!

— Но Джо…

— Дверца! — закричала она на него.

Раздался еще один взрыв, спереди и чуть в стороне от машины. Рука Блэйна нашарила кнопку двери, нажала. Дверца распахнулась, и он выбросился наружу.

Он ударился плечом об асфальт и покатился, затем асфальт кончился, и он полетел в пустоту, шлепнулся в воду и жидкую грязь, попытался подняться, кашляя и отплевываясь.

В голове шумело, в шее сидела тупая боль. Плечо, которым он ударился об асфальт, казалось, было в огне. Он почувствовал кислый запах навоза, затхлость гниющих растений и задрожал от холодного ветра, дующего со стороны дороги.

Наверху, на дороге, раздался еще один взрыв, и в вспышке света он увидел летящий в темноту металлический предмет. Затем, как яркий факел, взвился столб огня.

Это машина, подумал он.

И в ней был Джо — маленький человечишка, который подловил его на стоянке прошлым утром, маленький Болтун, которого он терпеть не мог и презирал. Но этот человек умер, решил умереть ради чего-то большего, нежели собственная жизнь.

Блэйн забарахтался в канаве, поднялся, цепляясь за растущий по ее краям камыш.

— Люсинда!

Впереди послышалась возня в воде. Он коротко поблагодарил про себя наполненную водой канаву.

Люсинда успела выпрыгнуть, она в канаве, в безопасности — хотя это лишь временная безопасность. Головорезы найдут их. Нужно убираться отсюда как можно быстрее.

Огонь пылающей машины затухал, и в канаве стало темнеть. Блэйн стал пробираться вперед, стараясь вести себя как можно тише.

Она ждала его, скорчившись у насыпи.

— Все в порядке? — прошептал он. Она кивнула, быстро мотнув головой в темноту.

Она подняла руку и показала сквозь густой камыш на краю канавы. Там было громадное здание Центра, ясно различимое на фоне первых проблесков наступающего утра.

— Мы уже на месте, — тихонько сказала она.

Она дошла до конца канавы, выходящей в болотце, и пошла по воде, бегущей сквозь густую осоку и камыши.

— Ты знаешь, куда мы идем?

— Следуй за мной, — сказала она.

Он смутно подумал, сколько еще людей могли проходить по этой скрытой тропинке через болото — сколько раз она сама проходила здесь? Хотя трудно было думать о ней, какая она была

сейчас — мокрая, в грязи и в иле. Позади они еще слышали выстрелы охранников у заграждения.

Все охранники вышли, подумал он, устанавливать заграждения на общественных дорогах. Кое-кто может получить массу неприятностей за такие фокусы.

Охранникам и в голову не придет, что он вернется в Центр, сказал он Люсинде. Но он ошибся. Очевидно, они ждали, что он попытается проникнуть туда. Они поджидали его здесь. Но почему?

Люсинда остановилась возле устья дренажной трубы, торчащей над самой поверхностью воды. Из нее бежала крохотная струйка и стекала в болото.

— Сможешь пролезть? — спросила она.

— Я все смогу, — ответил он.

— Труба длинная.

Он взглянул на массив Центра, который, как казалось отсюда, поднимался прямо из болота.

— Она тянется до него всю дорогу?

— Всю дорогу, — кивнула Люсинда.

Она подняла грязную руку, пригладила растрепавшиеся волосы и стерла потеки грязи с лица. Он усмехнулся от ее вида — грязная и мокрая, но больше уже не холодное и невозмутимое существо, что сидело напротив него за столом.

— Если ты засмеешься, — сказала она, — я ударю тебя.

Она поставила локти на край, подтянулась и вползла в трубу. Там она на четвереньках поползла вперед.

Блэйн последовал за ней.

— Ты знаешь обходной путь, — прошептал он. Труба подхватила и усилила его шепот, отразила серией эхо.

— Не забывай, что мы боремся с могущественным врагом.

Они ползли молча, казалось, целую вечность.

— Здесь, — сказала Люсинда. — Осторожно.

Она протянула руку и повела его вперед в темноте. Слабый свет струился из щели в трубе, там где ее кусок был отломан и выпал.

— Протискивайся, — сказала она.

Он смотрел, как она протиснулась в эту щель и исчезла из виду. Блэйн осторожно последовал ее примеру. Зазубренный край впился в спину и порвал рубашку, но он заставил себя лезть дальше.

Теперь они стояли в смутно освещенном коридоре. Воздух был затхлый, камни сырые и скользкие. Они подошли к ступенькам, поднялись, прошли еще одним коридором и снова поднялись.

Внезапно скользкий каменный пол и темнота исчезли; они очутились в знакомом мраморном холле с сияющими стенами первого этажа и дверьми лифтов.

В стенных нишах стояли роботы. Внезапно роботы увидели их и вылезли им навстречу.

Люсинда прижалась спиной к стене.

Блэйн схватил ее за руку.

— Быстро, — сказал он. — Назад…

— Блэйн, — сказал передний робот. — Подождите минутку, Блэйн.

Блэйн застыл. Все роботы остановились.

— Мы ждем вас, — сказал передний робот. — Мы были уверены, что вы придете.

Блэйн дернул Люсинду за руку.

— Погоди, — шепнула она. — Здесь что-то происходит.

— Реймер сказал, что вы вернетесь, — продолжал робот. — Он сказал, что вы попытаетесь вернуться.

— Реймер? И что собирается сделать Реймер?

— Мы с вами, — сказал робот. — Мы выкинули всех охранников. Пожалуйста, следуйте за мной, сэр.

Двери ближайшего лифта медленно растворились.

— Пойдем, — сказала Люсинда. — Мне кажется, это правда.

Они вошли в лифт вслед за роботом.

Когда лифт остановился и двери раскрылись, они вышли, прошли между двумя ровными шеренгами роботов, образовавшими проход от лифта к двери с табличкой «Отдел Записей».

Человека, стоящего в дверях, огромного темноволосого человека Норман Блэйн несколько раз видел мельком. Этот человек написал ему: «ЕСЛИ ЗАХОТИТЕ ВСТРЕТИТЬСЯ СО МНОЙ, Я К ВАШИМ УСЛУГАМ».

— Я узнал о вас, Блэйн, — сказал Реймер. — Я надеялся, что вы постараетесь вернуться. Я рассчитывал, что вы такой человек.

Блэйн измученно уставился на него.

— Я рад, что вы так думаете, Реймер. Пять минут назад…

— Не думайте об этом, — сказал Реймер. — Все прошло.

Блэйн прошел между последними роботами, оставив Реймера в дверях.

Телефон был на столе, и Норман Блэйн опустился в кресло перед ним. Он медленно протянул к телефону руку.

Нет! Нет! Должен быть способ. Должен быть другой, лучший способ избежать этого — Гарриет со своей статьей и охранники, что охотятся за ним, и заговор, уходящий корнями в семисотлетнюю старину. Теперь он может уничтожить его — с

роботами и Реймером он может уничтожить его. Когда он впервые подумал об этом, то не был уверен, что сможет. Он лишь подумал тогда, что должен проникнуть в Центр, пробраться в этот отдел и попытаться продержаться здесь достаточно долго, чтобы ему не смогли помешать сделать то, что он намеревался.

Он ожидал, что умрет здесь, за этим столом, с пулей охранника в груди и разбитой дверью, через которую ворвутся головорезы.

Должен быть другой способ — но другого способа не было. Был только один способ — горький плод семисотлетнего отсиживания в тихом, спокойном уголке, со сложенными на коленях руками и отравленными мыслями.

Он снял трубку и, держа ее в руке, поглядел через стол на Реймера.

— Как вам это удалось? — спросил он. — Эти роботы… Почему вы сделали это, Джон?

— Гизи мертв, — сказал Реймер, — и Феррис тоже. Никто не был назначен на их посты. Командная цепочка, мой друг. Деловой Агент, «Охрана», «Записи» — вы теперь большой босс, вы должны возглавлять «Сны» с момента смерти Ферриса.

— О, Боже, — сказал Блэйн.

— Роботы верны, — продолжал Реймер, — не отдельному человеку и не конкретному отделу. Они созданы хранить верность «Снам». А вы, мой друг, теперь и есть «Сны». Не знаю, надолго ли, но в настоящий момент вы представляете собой «Сны».

Они долго глядели друг на друга.

— В вашей власти, — сказал Реймер, — пойти дальше и позвонить.

Так вот почему, подумал Блэйн, охранники считали, что я вернусь. Вот почему они перегородили дорогу — не только эту дорогу, но, возможно, и все дороги — чтобы он не смог вернуться и занять это место, прежде чем назначат кого-нибудь другого.

Я должен был подумать об этом, сказал он себе. Я знал это. Я думал только вчера, что являюсь третьим по значимости…

Оператор в трубке повторял:

— Номер, пожалуйста. Пожалуйста, номер. Какой номер вы хотите вызвать?

Блэйн назвал номер и стал ждать.

Люсинда посмеялась над ним и сказала: «Вы посвященный человек». Возможно, не точно эти слова, но смысл был такой. Она поддразнила его посвященностью, ткнула его носом в то, что он должен сделать. Посвященный, сказала она. И теперь, наконец, нужно выплатить цену посвящения.

— Журналистика, — сказал голос в трубке. — Центр Журналистики слушает.

— У меня есть для вас история.

— Пожалуйста, назовитесь.

— Норман Блэйн. Я Блэйн из «Снов».

— Блэйн? — Последовала пауза. — Вы сказали, ваше имя Блэйн?

— Точно.

— У нас здесь статья, — сказал Центр Журналистики, — из одного нашего филиала. Мы проверяем ее. Фактически, мы занимаемся ее проверкой…

— Записывайте меня. Я хочу, чтобы вы поняли меня правильно. Я не хочу, чтобы меня потом неверно цитировали…

— Разговор записывается, сэр.

— Тогда вы там…

Тогда вы там.

Вот и конец этому…

— Продолжайте, Блэйн.

— Слушайте, — сказал Блэйн. — Семьсот лет назад Союз Снов начал серию экспериментов с целью изучения параллельных культур…

— Об этом написано в статье, о которой мы говорили, сэр. Вы уверены, что это правда?

— Вы не верите в это?

— Нет, но…

— Это правда. Мы работали над этим семьсот лет — в полнейшей тайне, потому что при определенных ситуациях было умнее ничего об этом не говорить…

— В статье у меня…

— Забудьте вашу статью! — заорал Блэйн. — Я не знаю, что там у вас в статье. Я звоню сообщить вам, что мы прекращаем этот эксперимент. Вы поняли меня? *Мы прекращаем эксперимент.* В течение нескольких дней мы думаем передать все собранные нами данные специальной комиссии, которую просим собрать. Ее члены будут выбраны из различных Союзов, чтобы оценить эти данные и решить, как из лучше использовать.

— Блэйн. Минутку, Блэйн.

Реймет потянулся к трубке.

— Дайте мне закончить, вы устали. Теперь отдохните. Я справлюсь с этим сам. — Улыбаясь, он взял трубку. — Именно этого хотел Гизи, Блэйн. Вот почему Феррис заставил его сместить меня, вот почему Феррис убил его… Алло, сэр, — сказал он в трубку. — Блэйн ушел, я сообщу вам остальное…

Остальное? Больше не было ничего. Разве они не поймут? Это

же так просто.

«Сны» отказались от последней возможности сохранить величие. Это все, что имели «Сны», и Норман Блэйн отдал это. Он победил и Гарриет, и Ферриса, и охранников, но это была горькая, бесполезная победа.

Она спасла честь «Снов», но только и всего.

Что-то — какая-то мысль, какой-то импульс — заставило его поднять голову, словно его позвали с другого конца комнаты.

У дверей стояла Люсинда, глядя на него с нежной улыбкой на грязном лице, глаза ее были глубоки и нежны.

— Ты слышишь их ликование? — спросила она. — Ты слышишь, как весь мир одобряет тебя? Прошло очень много времени с тех пор, Норман Блэйн, как весь мир ликовал в едином порыве!

Колючая проволока притягивает пули
Barb Wire Brings Bullets!
Перевод: К. Королёв

В конце мая 1945 года Клиффорд Д. Саймак отправил Чарльзу Тилдену рассказ под названием «Blood Buys Barb Wire» (Кровь покупает колючую проволоку), и он появился под новым названием в ноябрьском номере журнала Ace-High Western Stories за 1945 год, где был главным. Мне особенно нравится этот рассказ, потому что он вызывает ощущение постоянного пребывания на свежем воздухе, жизни на ветру и, часто, под дождем.

И это единственная традиционный вестерн, в котором я когда-либо видел слово «робот», что, несомненно, является промахом Клиффа…

— dww

Глава 1
Расклад — один к трем

Угрюмые лица тех троих, что медленно приближались к Чарли Корнишу, сулили ему неприятности. Прижавшись спиной к стойке, Чарли понимал: настал тот миг, которого он так старательно избегал, который всячески норовил отдалить. Его ожидала участь Андерсона в Йеллоустоне, печальный конец Мелвина у подножия Бигхорна: участь кануть в вечное безмолвие, подобно вышеупомянутым, подступала к нему в грубых башмаках, приняв облик троих суровых, решительно настроенных мужчин. Вот и все, приехали, как говорится.

Ну надо же так подгадать — только он собрался провернуть сделку, от которой у старика Джейкобса выпучились бы глаза на туго обтянутом кожей черепе!

Корниш скосил взгляд и приметил бутылку, стоявшую неподалеку на стойке. Если потребуется, он схватит ее одним быстрым движением. Правда, остается все-таки слабая надежда, что до этого не дойдет.

Троица встала перед ним — молчаливые и грозные черные силуэты, проступающие в полумраке салуна. За спиной у Чарли хрипло дышал бармен Стив.

Ближе всех стоял Титус, длинный и костлявый десятник с ранчо «Тамблинг Кей».[2]

Щурился рядом с ним, должно быть, Узкоглазый Дуглас, неизменный подручный Титуса. Но третьего, с густой гривой огненно-рыжих волос, что торчали из-под сдвинутой на затылок шляпы, Чарли не знал.

— Ты будешь Корниш? — спросил Титус.

Чарли кивнул.

— Торгуешь, значит, колючей проволокой? — продолжал Титус.

Корниш заставил себя усмехнуться:

— Джентльмены, уверяю вас, лучше моей проволоки вы нигде не найдете. Если хотите…

— Нам не нравится колючая проволока, — перебил Титус.

— Что ж, — ровным голосом отозвался Корниш, — это как посмотреть. Парни с ручья Коттонвуд говорили, что им в самый раз пришлось.

— Слушай, ты, — прорычал Титус, — я же сказал, нам тут проволока не нужна.

Корниш шумно вздохнул:

— Очень жаль, джентльмены, очень жаль.

Его рука метнулась к бутылке, едва Титус шагнул вперед. Бутылка взлетела над головой, стоило Титусу сделать второй шаг. Она просвистела в воздухе, когда костлявый десятник надвинулся, обрушилась с глухим стуком, когда пальцы схватили ворот рубахи, и разлетелась вдребезги. Поплыл запах виски.

Титус обмяк, рухнул к коленям Корниша, распростерся на полу.

Узкоглазый Дуглас уже летел на Чарли — ни дать ни взять бешеный бык, на перекошенной физиономии смесь ярости и изумления. За ним разевал рот рыжеволосый — верно, что-то выкрикивал, но что именно — не разобрать в оглушительном реве возбужденных мыслей, заполнивших сознание Чарли.

Кулак Дугласа черным шаром устремился к лицу Корниша, и Чарли почти машинально выставил правую руку, чтобы защититься. Но в этой руке по-прежнему была разбитая бутылка. Узкоглазый завопил от боли, когда напоролся на зазубренное стекло. Он даже пошатнулся, попятился; борода окрасилась кровью.

Корниш швырнул бутылку в рыжеволосого. Та ударилась в стену салуна и окончательно раскололась с таким звуком, будто сотня колокольчиков задребезжала одновременно.

Чарли взялся за стул и замер в ожидании. Узкоглазый ерзал на полу и тихо поскуливал. Кровь с его бороды капала на усыпанный опилками пол. Рыжеволосый торопливо шарил руками по поясу, в глазах плескались страх и ненависть.

— Эй, глянь-ка сюда! — сурово произнес голос за спиной, и Чарли позволил себе на миг оглянуться.

Бармен Стив перегнулся через стойку, в руке он держал тяжелый шестизарядный револьвер, и дуло смотрело точно на рыжеволосого.

— Бросай ствол мне! — велел Стив. — И без выкрутасов, понял, омбре? Вы себе хоть шеи переломайте, дело ваше, но палить у меня возбраняется.

Рыжеволосый оскалился:

— А ты бы не лез, Стив.

— Указывать он мне будет! — фыркнул Стив. — Вас и так трое на одного, а ты еще за железяку хватаешься!

Чарли перехватил стул, наблюдая, как рыжеволосый достает револьвер, как по его лицу проскальзывает хитрая усмешка.

Револьвер показывался из кобуры медленно, дюйм за дюймом. Потом пальцы рыжеволосого обхватили рукоять, и Чарли подскочил, замахиваясь стулом. Громыхнул выстрел, из дула вырвалось пламя, но стул уже опускался. Он обрушился на

человеческую плоть и костяк под ней. Одна ножка отвалилась, покатилась по полу, разбрасывая опилки. Выпавшая поперечина застучала по половицам.

Корниш отступил, продолжая сжимать в руках обломки стула. Рыжий распрямился, покачнулся, переступил с носков на пятки. Чарли ударил снова, и рыжий рухнул, точно подрубленное дерево.

Чарли наклонился, подобрал револьвер и кинул его Стиву.

Узкоглазый кое-как поднялся, хватаясь за стойку, выпрямился, держась за нее одной рукой, а второй принялся вытирать кровь с лица.

— Какого черта? — процедил Стив. — Валяй, прикончи этих грязных койотов. Они сами напросились!

Корниш покачал головой:

— По-моему, с них достаточно.

Но краем глаза он успел заметить, что рука Узкоглазого тянется к кобуре, углядел нехороший блеск во взгляде.

Вложив в бросок все силы, он отправил в Узкоглазого обломки стула, а сам рывком переместился в сторону. Грохнул выстрел, пуля угодила в окно, и стекло тихо рассыпалось.

Обломки стула угодили в Дугласа, тот не устоял на ногах и врезался в стойку. Корниш рванулся к нему, пригнулся, обхватил руками за колени. Одна рука соскочила, зато вторая легла как надо, и он дернул на себя, роняя Узкоглазого на пол, а сам упал на вопящего противника сверху.

Быстро вскочил и увидел, что Узкоглазый тоже поднимается. Голубовато сверкнула сталь, и Корниш ловко уклонился, принял удар шестизарядника плечом, замахнулся правой и двинул противнику от души с разворота. Его кулак скользнул по локтю Узкоглазого, пересчитал ребра и в конце концов вонзился в живот. Дуглас осел, разом лишившись дыхания.

Корниш прислонился к стойке, переводя дух.

В дверном проеме виднелись любопытные лица; другие заглядывали в окна и толкались, желая отвоевать себе местечко получше. По всей видимости, весть о драке в баре «Лонгхорн» успела разойтись едва ли не по всему городку Силвер-Боу.

Титус с немалым трудом приподнялся, навалился грудью на стойку. Рыжий лежал неподвижно посередине зала.

Стив уселся на стойку и предостерег Титуса:

— Только шевельнись, приятель, и я всажу пулю тебе в брюхо. — Ноздри бармена яростно раздувались. — Эта драка, — обратился он уже к зрителям, — до сих пор велась честно, и я прослежу, чтобы все так и осталось, будьте уверены.

Корниш оторвался от стойки, нашел себе другой стул, сел и

повернулся к Узкоглазому.

— Я не дерусь на потеху, — сказал он. — Вообще дерусь редко, но уж если дерусь, то не по пустякам. А ты чего полез, а?

Дуглас кисло посмотрел на него, потеребил окровавленную бороду и, не ответив, сказал Титусу:

— Пошли отсюда, Джим.

Титус медленно распрямился, нагнулся, подобрал шляпу. Водрузил ее себе на голову и заковылял к дверям.

— Эй! — крикнул ему вслед Стив. — Эй, парни! Дружка своего рыжего заберите! Джентльмены, помогите освободить помещение.

Двое добровольцев из числа зевак вынесли потерявшего сознание мужчину наружу. Остальные гурьбой хлынули в салун.

Стив спрыгнул со стойки и подбоченился.

— Выпивка за счет заведения! — объявил он.

Корниш неторопливо поднялся и направился к карточному столу у дальней стены. Пододвинул стул и сел. Внезапно накатила усталость.

То, чего он опасался, все-таки случилось. Первый раунд остался за ним, но он твердо знал, что это лишь начало. После такого ранчеро с «Тамблинга» наверняка захотят крови. Этих троих послали припугнуть его, вынудить покинуть город. В следующий раз угроз не будет.

Быть может, Андерсон в округе Йеллоустон тоже взял первый раунд. А потом сгинул без следа. Старик Джейкобс нисколько не сомневался в том, какая участь постигла беднягу.

Зеваки по большей части разбрелись, лишь несколько человек отважились подойти к стойке. Даже выпивка за счет заведения мало кого воодушевила: еще бы, пропустишь стаканчик, а тебя потом обвинят в причастности к избиению троицы с «Тамблинга» — мол, одобрял молчаливо.

Эта компания крепко держит городишко за горло, подумалось Корнишу. Одно большое ранчо заправляет всей округой. Даже парни из Коттонвуда, живущие вроде бы на отшибе, и то боялись до дрожи. Сколько их пришлось уламывать, прежде чем они хотя бы согласились признать, что колючая проволока им пригодится!

Один из немногих мужчин у стойки, со стаканом в руке, пересек зал и приблизился к столу Корниша.

— А ты, видать, не из пугливых, сынок, — сказал он.

— Точно, — коротко ответил Корниш. — Их всего трое было.

Мужчина вернулся к стойке.

Один за другим посетители покинули салун; вскоре зал опустел.

Стив вышел из-за стойки и присел за стол напротив Корниша.

— Ты крепко влип, — сказал ему Чарли. — Не стоило тебе наставлять на них ствол.

В усмешке Стива сквозила горечь.

— Все равно эта работа меня утомила, пора двигаться дальше. — Он побарабанил пальцами по столу. — Впервые на моей памяти кто-то встал против бандитов с «Тамблинга». Впервые кто-то им хоть немножко наподдал. Они этого не стерпят, Чарли. В следующий раз явятся во всеоружии. Мой тебе совет, ходи с револьвером.

Корниш покачал головой.

— Я торгую проволокой, — объяснил он. — Драки — это не мое. К тому же я не собираюсь тут задерживаться. Сегодня вечером встречаюсь с Расселом.

— Решают, покупать проволоку или нет?

— Ну да, вроде как. Лучше бы им купить, не то на следующий год останутся ни с чем. «Тамблинг» выгонит свое стадо в долину, и все прочие перемрут с голода.

Бармен повел плечами.

— Чую, будет кровь на этой проволоке, — тихо произнес он.

Корниш поднялся, сходил к стойке и вернулся с бутылкой и двумя стаканами.

— Что-то мне кажется, что надо выпить за счет заведения.

— Зря я это сказал, — огорченно изрек Стив. — Видел тех, кто разбежался? От собственной тени шарахаются, вот до чего их застращали. Банда с «Тамблинга» заправляет этим городком слишком уж долго. Каждый местный подпрыгивает на десяток футов, стоит Титусу щелкнуть хлыстом.

— Он же вроде простой десятник, нет?

— Простой, да непростой, — ответил Стив. — Правая рука типа по фамилии Армстронг, Корнелиус Армстронг, который владеет землей. Сам он тут почти не бывает, наезжает летом на недельку-другую. А живет где-то на востоке.

— Хочешь сказать, Титус вместо владельца у вас, всем заведует?

Стив отпил из стакана и утвердительно кивнул:

— Молодец, Чарли, сообразил. Он из тех парней, что родной бабке глотку перережут за десять долларов.

Корниш одним глотком осушил стакан и встал.

— Я задолжал тебе за стул, — сказал он.

— Забудь. — Стив повертел стакан в руке, о чем-то размышляя. — Оно того стоило. Не каждый день увидишь, как из троих громил дурь вышибают.

Глава 2
Виселица в лунном свете

Костер в сумерках светился ярко — этакая звезда низко над прерией, среди покатых склонов.

Корниш заприметил его издалека, с расстояния в милю-другую, затем потерял из вида, когда тропа нырнула в овраг. Ну и ну, подумалось ему, кому это взбрело в голову разводить костер, когда до города рукой подать, а ночь еще не наступила?

Сумерки сделались гуще, а костер ярче к тому времени, когда он перевалил через овраг и выбрался на ровную местность. Корниш рассмотрел обтянутый холстиной верх небольшого фургона неподалеку от костра; в бликах пламени белая ткань отливала розовым, можно было различить кряжистые тени двух стреноженных лошадей, что паслись поблизости, а черная человеческая фигура возилась со сковородкой и кофейником.

Человек окликнул его, только когда он подъехал почти вплотную к костру. Корниш направил коня к фургону, сворачивая с тропы.

Незнакомец выпрямился, и Чарли понял, что он, пожалуй, не уступит в дряхлости лошадям. Одежда — по сути, немногим лучше обносков — висела мешком на костлявом теле, а шляпу любой другой мужчина выкинул бы за изношенностью давным-давно. Сквозь свисавшую едва ли не до груди неопрятную косматую бороду проступали черты изможденного лица.

— Добрый вечер, — поздоровался Корниш.

— Да пребудет с вами милость Господня, — отозвалось бородатое пугало.

Удивленный таким ответом, Корниш выпрямился в седле.

— Проповедник? — спросил он.

— Верно, друг мой. Я несу благое Слово Божье в отдаленные уголки грешной земли.

— Ну, этот уголок ничем не хуже других, — заметил Чарли.

— Хуже везде, где не слыхали о Боге, — возразил старик. — В Силвер-Боу ведь нет церкви?

Корниш покачал головой:

— По-моему, нет. Пять салунов есть, а вот церкви — ни одной.

— И священников тоже нет?

— Ну да. Не сыщешь, как ни старайся.

— Значит, это подходящее место для меня, — заявило пугало.

— Вы к какой церкви принадлежите? — спросил Чарли.

Старик махнул рукой, словно вопрос не требовал ответа:

— Я просто услышал зов и отправился в путь. Я сказал себе: Джо Уикс, старина, если ты в состоянии сделать хоть что-нибудь ради Господа нашего, то не медли и ничего не бойся.

Спятил, подумал Корниш. Совсем из ума выжил на старости лет.

— А вы, друг мой, чем промышляете? На что сподвигла вас ваша душа?

— Я-то? — переспросил Чарли. — Ну, я торгую колючей проволокой.

— Вернетесь этой же дорогой?

Корниш кивнул:

— Еду в долину Коттонвуд. Сделку заключать, сами понимаете.

— Окажите мне маленькую услугу, хорошо?

— Если смогу, — осторожно ответил Корниш.

— Поищите мое ведерко, будьте так добры. Оно, верно, выпало из фургона от тряски. Окрест я все уже обыскал. В этом ведерке я обычно варю себе овсянку.

— Договорились.

— Не желаете ли присесть, кофейком угоститься?

— Увы, тороплюсь.

Корниш заставил коня развернуться и выехал обратно на тропу. Обернулся, увидел, что старик в обносках стоит перед костром и прощально машет ему рукой.

Чарли исправно высматривал потерянное ведерко, но мысли были заняты другим: он прикидывал, как пройдет встреча в хижине Рассела, где обитателям долины Коттонвуд предстояло решить, купят ли они проволоку, чтобы огородить свою долину от стада с ранчо «Тамблинг Кей».

На стороне Чарли, если пересчитывать поименно, Биллингс и Хоббс. Еще, возможно, Гудмен. И сам Рассел, конечно, — он прямо-таки загорелся. А вот старый Берт Хейс против — мол, это только навлечет беды на их головы. К сожалению, в долине многие, очень многие готовы слушать Берта.

Могла бы помочь Молли, продолжал размышлять Корниш, но она не захочет. А жаль, она-то ловко со стариком управляется. Соседи твердят, что упрямее Берта не сыскать во всем свете, но эта девчонка крутит им, как ей заблагорассудится.

Продавать проволоку было трудно — и даже опасно, по крайней мере в здешних краях, где владельцы больших ранчо смотрят на нее как на дьявольские козни, ибо она мешает их стадам свободно ходить к водопою и не пускает на пастбища, которые эти люди привыкли считать своими. Проволока, словом,

ограждает свободу, и вольные ранчеро, если позволяют обстоятельства, наотрез от нее отказываются.

Порой они действовали грубо, забывали о всякой вежливости. Их жертвами, думал Корниш, точно стали Андерсон и Мелвин. Да и многие другие торговцы проволокой, которые посмели бросить вызов местным богатым скотоводам.

Тропа нырнула в очередной овраг, и Чарли услышал журчание; должно быть, какой-то безымянный ручеек, что впадает в реку Коттонвуд милях в пяти отсюда.

На дне оврага тропа шла вдоль русла. Тут и там проступали из темноты стволы тополей, их раскидистые макушки заслоняли собой звезды. Копыта приглушенно чавкали в прибрежной глине. В отдалении, на холме, затявкал койот, и будто ему в ответ заухала сова.

Темная фигура вдруг отделилась от ствола дерева, и Корниш натянул поводья. Животное замерло поперек тропы.

— Дернешься, — произнес грубый голос из мрака, — и я продырявлю тебя насквозь.

На мгновение Чарли поддался панике, но сумел взять себя в руки. Драться бесполезно, он ведь безоружен. Ладно, подождем, поглядим, что все это значит.

Впереди выехали несколько всадников, преграждая дорогу. В свете звезд посверкивал металл, а люди вокруг оставались черными тенями.

— На встречу едешь? — спросил кто-то, и Чарли сразу припомнил стычку в салуне. Ну да, костлявая фигура верхом на лошади — это же Титус. Двое других хранили молчание.

Титус злобно хмыкнул:

— Не будет никакой встречи, Корниш, усек?

— Мило с твоей стороны меня предупредить. Спасибо.

— Умный, да? — оскалился Титус. — Ничего, это поправимо.

— Веревка — штука полезная, — подал голос один из его подельников, заезжая за спину Корнишу.

— Сиди смирно, — прорычал Титус и угрожающе повел стволом. — Рыпнешься — пожалеешь!

Корнишу стянули запястья; веревка врезалась в кожу — тот, кто вязал узел, ничуть не церемонился.

— Титус, — произнес Корниш негромко.

— Чего? — отозвался тот. — Пощады не проси, не дождешься. Мы тебя повесим и оставим болтаться на дереве. Хоть на коленках ползай, никто не послушает.

Корниш постарался успокоиться, пошевелил языком во рту, который внезапно словно пересох.

— Можешь повесить меня и десяток других, Титус, —

проговорил он, — но проволока свое возьмет. Она будет повсюду, как Слово Божье; она покроет эти земли и загонит твоих коров туда, где они должны пастись. Она разделит пастбища, и когда это случится, никакие револьверы уже не помогут.

Из темноты позади на Чарли накинули петлю. Грубая веревка мазнула по лицу, обожгла кожу и легла на ключицы.

— Слишком много болтаешь, — прохрипел Титус.

Веревку затянули, и на миг Корнишу стало по-настоящему страшно. Он напряг было мышцы, ноги задвигались будто сами собой, но револьвер в руке Титуса уперся ему в живот, и он замер, охваченный ужасом — тем самым вековечным ужасом перед ночью, что сквозил в шелесте тополиной листвы над головой и в журчании ручья, бежавшего по дну оврага.

Корниш стиснул зубы, чувствуя, как деревенеют мышцы лица. Он не станет унижаться, не станет молить о пощаде или скулить. Именно этого добиваются такие вот Титусы — им нужно поглумиться, прежде чем кого-то повесить. Позабавиться, прежде чем кого-то вздернуть.

Веревку дернули, на мгновение чуть ослабили, потом затянули снова, и Корниша повлекло вверх. Должно быть, догадался он, веревку перебросили через сук, и теперь все готово.

— Ну что, пора? — осведомился голос из темноты.

Титус сунул револьвер в кобуру.

— Поднимайте его! — распорядился он.

Веревку сильно рванули, и Корниш попытался закричать, когда горло обожгло огнем, а мышцы шеи и плеч свело от невыносимой боли, но язык не подчинился, а в груди не осталось воздуха на крик. Перед глазами в причудливом танце закружились звезды и макушки деревьев.

Ноги болтались в воздухе, и Чарли попробовал высвободить руки, связанные за спиной; тело выгибалось и крутилось, разум отчаянно сражался с подступающей чернотой, грозившей затмить звезды. В груди жгло все сильнее и сильнее, рот жадно хватал воздух, но горло, пережатое веревкой, служило надежной преградой.

Темная пелена понемногу застила глаза и проникала в рассудок, мысли текли все медленнее, тело слабо подергивалось на весу.

Звезды померкли, ветер, шелестевший тополиной листвой, вдруг оглушительно взвыл, и в мозгу словно прогремел гром, неожиданно растянувшийся в череду раскатов.

Земля рванулась навстречу, ударила по ногам, давление на шею исчезло, и исстрадавшиеся легкие принялись втягивать живительный воздух. Сам не понимая, что делает, он ерзал по

земле, извивался, точно змея, и в сознании билась одна-единственная мысль: отползти подальше от дерева, на котором висит веревка.

Шелест ветра в листве вернулся, глаза снова открылись, зрение восстановилось. Корниш перекатился на спину, увидел высоко над собой звездное небо, и это причудливое, почти бесовское мерцание побудило его подумать о буйной небесной пляске.

Послышались шаги. Ему захотелось отползти, но не было сил двигаться.

— Эй, Чарли, очнись! — прозвучал чей-то голос. — Куда тебя вообще понесло, а?

Корниш рывком сел и захрипел — пересохшее, измятое горло отказывалось издавать членораздельные звуки.

Мужская фигура двигалась вокруг, рылась в траве.

— Стив! — выдавил наконец Корниш.

Бармен опустился на колени, ослабил веревку и стянул ее с шеи Чарли.

— Одного ублюдка я подстрелил, но остальные удрали.

— Значит, это ты стрелял? Я слышал… что-то вроде выстрелов… когда меня вешали…

Нож Стива рассек веревку, которая стягивала запястья Корниша.

— Ну да, это был я. Прикрыл лавочку и подался в бега. Решил, что парни с «Тамблинга» все равно не успокоятся и не простят мне дневной перепалки.

Корниш потер шею, желая избавиться от рези и жжения в тех местах, где веревка оцарапала кожу.

— До ручья дойдешь? — спросил Стив. — Холодная водичка в самый раз будет.

— Мне нужно в долину Коттонвуд, — сказал Корниш. — Там что-то стряслось. Титус уверял, что моя встреча отменилась.

— Сдается мне, для одной ночи с тебя хватит, — возразил Стив. — Мало, что ли, неприятностей?

— Меня оскорбили, — объяснил Корниш. — Эти люди сначала хотели меня припугнуть, потом пытались повесить, а еще им неймется расстроить мою торговую сделку.

— Ладно, — согласился Стив. — Одолжу тебе лошадь, чтобы ты туда съездил, и револьвер заодно. Пообещай, что пустишь его в дело, что не промедлишь, если снова угодишь в заварушку.

Корниш неуверенно поднялся на ноги.

— Наверное, ты прав, Стив. Пора, пора браться за оружие. — Он двинулся к ручью. — Сейчас, только водички попью.

Когда он вернулся, бармен вручил ему поводья.

— Вот револьвер. Засунь за пояс и держи под рукой.

— Думаю, я должен тебя поблагодарить, — сказал Корниш.

— Да брось. Мне было приятно поразвлечься. Я прикинул, что лучше поеду за тобой по тропе на всякий случай. Эти пакостники с большого ранчо способны на что угодно, мне ли не знать… Я им вот ни на столечко не верю.

Корниш взобрался в седло и направил лошадь на тропу. В горле по-прежнему ощущалась надоедливая боль, а поворачивать голову было сущей мукой. Рассудок продолжал воображать страшное, и во рту было сухо, будто Чарли наглотался придорожной пыли.

Однако вместе с тем в груди нарастала злость, холодная и неумолимая ненависть — к злодеям с «Тамблинга», к Титусу, к привычному порядку вещей, по которому человек владеет всей той землей, которую он в состоянии захватить и удержать.

Едва проволока огородит долину Коттонвуд, бандиты с «Тамблинга» лишатся доступа к этому пастбищу и к водопою, куда они гоняют свое стадо уже больше двадцати лет — по привычке, а не по праву, по закону шестизарядных кольтов, а не по закону как таковому.

Жители долины им поначалу не мешали: если возникал спор, незваные гости сразу хватались за револьвер. Но проволока все изменит. Проволока — это преграда, разделительная линия, знак законного владения, нечто, отделяющее землю одного человека от земли другого.

Тропа вырвалась наконец из поросших деревьями холмов в широкую долину Коттонвуд, которая тянулась в обе стороны, на север и на юг. Корниш выбрал южное направление.

Приблизительно через милю он увидел скученные строения, принадлежавшие Берту Хейсу. Там было тихо и темно.

Из-за амбара выскочила собака, залилась лаем, принялась бегать вокруг лошади.

Дверь дома распахнулась, и появился мужчина с ружьем — босой, в одном исподнем.

— Это я, Берт! — крикнул Корниш громко, чтобы перекрыть собачий лай.

Ружье, нацеленное точно ему в голову, ни на дюйм не сместилось.

— А, это ты! — Хейс сплюнул. — Приехал, значит, навести переполох у нас в долине.

— Приехал проверить, как у вас дела, — поправил Корниш. — Мне сказали, что встреча не состоится.

— Да уймись ты! — прикрикнул Хейс на собаку. — Кому говорю? А ну тихо, не то прикладом огрею!

Собака притихла и побрела прочь, виновато поджав хвост. Потом уселась в отдалении и стала наблюдать за людьми.

Хейс снова сплюнул в пыль.

— Да, встречу отменили.

— «Тамблинг», верно?

— Тебе-то какая разница? — прорычал старик. — Не твое дело, что у нас поменялось. Отменили — и все дела. Не нужна нам твоя проволока, а большего тебе знать не положено.

Корниш подался вперед в седле:

— Они тебя обманули, Берт. Припугнули, вот ты и сдался, верно? Все вы сдались, вон как тот пес с поджатым хвостом.

Старик поудобнее взял ружье.

— Корниш, мне случалось убивать и за меньшее, — предостерег он.

— Надо было начинать с банды «Тамблинга», — бросил Чарли.

— Твоя забота — проволоки побольше продать! — рявкнул Хейс. — Что будет потом, тебе плевать. Тебе все равно, сколько людей застрелят из-за твоей проволоки. Скажешь, не так?

— Ко мне днем подослали троих, чтобы выгнать меня из города, — запальчиво ответил Корниш, — но я их проучил. Только что меня попытались повесить, но и это у них не вышло. Ты вовсе не единственный, кто может пострадать от нашей сделки.

— Ты пришлый, а нам здесь жить, — не менее горячо возразил Хейс. — Это нам защищать проволоку, когда ее протянут. Мы все обсудили и решили, что лучше жить спокойно без твоей проволоки.

— Спокойно?! Опомнись, Берт! — не сдержался Корниш. — Старик, ты что, не понимаешь, что не видать вам покоя в долине Коттонвуд? У вас есть трава и вода, которые нужны шайке с «Тамблинга», а потому, с проволокой или без нее, вас ждет драка, уж поверь, и лучше драться, имея проволоку.

— Катись отсюда! — взревел Хейс. — Проваливай, пока я в тебя пулю не всадил!

Стройная фигура вынырнула из двери, протянула руку, одним быстрым движением перехватила ружье.

Корниш приподнял шляпу:

— Добрый вечер, мисс Хейс.

Лицо девушки в свете звезд казалось белым пятном, но по тому, как она стояла, и по наклону головы было понятно, что она злится.

Ее слова жалили, точно карающий удар плетки:

— Постыдились бы! Оба постыдились бы! Взрослые люди, а

орут друг на друга среди ночи, будто бродячие коты!

— Простите, мисс, — извинился Корниш.

— Чего мне стыдиться-то?! — не унимался Хейс. — Это он приперся среди ночи и стал поучать, как вести дела! Он не заставит меня покупать у него изгородь! Ему начхать на то, что будет с нами, если поставим этот забор…

— Отец! — строго прикрикнула Молли Хейс. — Отец, угомонись!

Старик замолчал. Собака продолжала наблюдать, настороженно шевеля ушами.

— Вам лучше уехать, — сказала Молли Корнишу. — Мой отец говорит не только за себя, все остальные с ним согласны. Единственный способ сохранить мир в долине Коттонвуд — это обойтись без вашей проволоки.

— Выходит, главный у вас Джим Титус, — язвительно произнес Корниш.

Девушка дернула подбородком:

— Не ваше дело, мистер Корниш, как мы принимали это решение.

Дальнейшие уговоры не имели смысла, в этом Чарли не сомневался. Он снова приподнял шляпу.

— Доброй ночи. — С этими словами он развернул лошадь и двинулся в обратную сторону.

Глава 3
Стреляй, чтобы выжить!

Костер возле фургона странствующего проповедника служил путеводной звездой в ночи. Корниш наконец-то ощутил, что чудовищно проголодался, что устал до изнеможения и что у него ноют все мышцы.

Добравшись до костра, он натянул поводья и сполз наземь. У огня сидели двое мужчин. Один поднялся и направился к Чарли. Это был бармен Стив.

— Как все прошло?

Корниш покачал головой:

— Ничего хорошего. Шайка с «Тамблинга» запугала местных до выворота кишок. Теперь они к проволоке и не прикоснутся.

Ноздрей достиг аромат свежесваренного кофе, и Чарли разглядел видавший виды, почерневший от сажи кофейник на углях. Джо Уикс не тратил времени даром — нарезал ветчину на сковородку.

— Мы тебя дожидались, — пояснил Стив. — Прикинули, что ты должен возвращаться этой же дорогой.

— А я гадал, куда ты подашься, — сказал Чарли.

— Я приметил костер, еще когда проезжал мимо. Отдал тебе лошадь и решил вернуться. Местечко ничем не хуже прочих.

Корниш устало подсел к огню.

— Ведерко мое не нашли? — спросил Джо Уикс.

— Не попадалось, — развел руками Корниш и уставился на пламя, чувствуя, как прохладный ночной ветерок обдувает спину.

«Облажался, — думал он. — Облажался, едва приступив к делу. Шайка с „Тамблинга“ просто выжидала, чтобы узнать, заинтересуются ли местные моим товаром, а потом начала действовать. Не вмешивалась, пока было непонятно, сумеем ли мы договориться. На самом деле мне не на что было рассчитывать. Не стоило и пытаться».

— В этих краях единственный способ продать колючую проволоку — это подольститься к банде с «Тамблинга», — пробормотал он вслух.

— Ну, сегодня ты отлично постарался, — ухмыльнулся Стив, присевший напротив.

— Угу, — язвительно подтвердил Корниш. — Вырубил троих подряд, устроил свару, и никто не удивился сильнее меня самого. Но главное не это, совсем не это…

Джо Уикс вдруг заговорил торжественно:

— И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение, но время и случай для всех их.[3]

— Это из Библии, — объяснил Стив. — Он так и сыплет, по стихам и книгам. Никогда такого ученого не встречал.

Ветчина шкворчала на сковородке, а одна из лошадей, неразличимых во мраке, била копытом. Ветер шевелил холщовый верх фургона, и звук был такой, будто птица расправляет крылья.

Корниш кивнул, наслаждаясь теплом, запахом жареной ветчины и шелестом ночного ветра в траве.

— Вам с корочкой или помягче? — спросил Джо Уикс.

Корниш не ответил. Мужчины уставились на него. Голова Чарли свесилась на грудь, руки безвольно легли на колени.

— Заснул, — подытожил Стив.

— Надо бы его уложить, не то может упасть головой в костер, — забеспокоился Уикс.

Стив встал, потянулся и зевнул:

— Слушай, проповедник, у тебя не припасено, часом, какой-нибудь выпивки, хоть самой завалящей? Я удирал в такой спешке, что ничего не прихватил.

Уикс помедлил.

— Да, у меня припрятана бутылочка, — признался он наконец. — Отличное средство от змеиных укусов.

— Меня только что укусила змея, — сообщил Стив.

Бороду Уикса разделила надвое усмешка.

— Кто бы сомневался! Меня и самого недавно кусали.

Топот копыт по тропе заставил Корниша выметнуться из-под одеяла. Он сел у остывающего костра и всмотрелся в сумрак. Всадник мчался, пригибаясь к шее лошади, то и дело всаживая ей пятки в бока и рывками повода направляя в нужную сторону.

Корниш протер глаза, отказываясь им верить. Всадником оказалась женщина. Ее волосы развевались по ветру, подол платья трепетал позади.

— Молли! — воскликнул Чарли. — Молли, что стряслось?

Он отбросил одеяло и кое-как выпрямился. Лошадь замерла, повинуясь посылу всадницы.

С другой стороны костра пробудились Стив и Джо Уикс, тоже поспешившие сесть.

— Мой отец! — выкрикнула Молли Хейс. — Они стреляли в моего отца!

Она была готова скакать дальше, но Корниш вовремя схватил лошадь за повод.

— Погодите, Молли. Расскажите, что произошло. Кто стрелял

в вашего отца?

Судя по мокрым щекам, девушка недавно плакала, и чувствовалось, что она в любой миг может снова удариться в слезы.

— Эти бандиты с «Тамблинга», — выговорила она. — Пригнали стадо этим утром, большое стадо. Пустили прямо через наше пшеничное поле. Отец попытался их остановить, и они… они…

Девушка покачнулась в седле, и Корниш протянул руку, чтобы поддержать, но Молли удержалась сама.

— Где ваш отец сейчас?

— Я помогла ему уйти в дом, а сама поскакала за доктором. Пустите, мне надо ехать.

За спиной Корниша раздался надтреснутый голос старого Уикса:

— Послушайте, мисс, вы не в том состоянии, чтобы ехать в город. Позвольте сделать это одному из нас.

— А мы отвезем вас обратно, — добавил Стив. — Не исключено, что вы понадобитесь отцу.

Молли долго смотрела на них и наконец медленно кивнула:

— Пожалуй, так будет лучше.

— В город съездит Корниш, — сказал Стив, — а мы с Джо отвезем вас домой.

Корниш протянул руки, и девушка соскользнула вниз. Он осторожно помог ей выпрямиться, и на мгновение, покачнувшись, она прильнула к нему, но сразу отстранилась.

Чарли взялся за поводья, вскочил было в седло, но уезжать не спешил.

— То большое стадо — куда его гнали? — спросил он.

Молли воззрилась на него, явно не понимая вопроса, но потом все же ответила:

— Вверх по долине, на какое-то пастбище.

— Значит, началось, — проронил он сурово. — Это козырная карта «Тамблинга». Они больше не намерены ждать. Стадо вытопчет всю траву в долине, а если вы станете сопротивляться, то и вас вытопчут. — Чарли повернулся к бармену. — Стив, Джо, постарайтесь доставить мисс Хейс домой как можно скорее. Потом отправляйтесь в город. Мне пришла одна мысль…

Корниш ударил лошадь пятками и помчался по тропе в направлении Силвер-Боу. Там отыскал дока Мура, убедился, что тот выехал к Хейсам, и направился в единственную в городке гостиницу.

Улица была тихой и почти пустынной. Перед баром «Лонгхорн» сидел пес и лениво ловил мух. В небе расплывалось

черное облако дыма — след поезда, несколько минут назад отошедшего от станции.

В гостинице за стойкой мужчина в серой шляпе и дорогого покроя костюме стучал по полу тростью с золотым набалдашником. Его голос, высокий и пронзительный, разносился по всему помещению.

— Это возмутительно! Что значит — нет ванны? Когда вы, наконец, поймете, что надо проявлять заботу о приезжих? Я долго ехал в грязном поезде, и мне нужна ванна! Не через час, а сию минуту!

— Простите, мистер Армстронг, — жалобно скулил портье. — Я немедленно распоряжусь нагреть воды, но все равно понадобится какое-то время. По меньшей мере полчаса.

— Здесь что, люди вообще не моются?! — спросил чужак.

Портье промолчал, а мужчина все не унимался:

— Меня никто не встретил на станции. Возмутительно! Что за отношение! Они прекрасно знали, что я приезжаю сегодня! Ты видел кого-нибудь из них?

— Титус и другие ребята вчера были в городе, — ответил портье, — но сегодня никто из них не показывался.

Мужчина отвернулся от стойки, и Корниш сделал шаг вперед.

— Давайте я отнесу вещи мистера Армстронга, — вызвался он. — Я все равно иду наверх.

Армстронг повернулся к нему, и Корниш увидел перед собой худое и вытянутое, словно сплющенное, лицо делового человека из Новой Англии. Губы тонкие и бесцветные, глаза тусклые, оттенка серого камня…

— Э-э… Благодарю вас, милейший, — изрек Армстронг.

— Все в порядке, сэр, рад вам помочь. Который номер, Джейк?

— Семнадцатый. — Портье протянул ему ключ.

Корниш первым зашагал по лестнице, возле номера поставил сумки на пол, открыл дверь и занес вещи внутрь.

Армстронг пошарил в карманах.

— Не откажетесь выпить за меня?

Корниш покачал головой:

— Откажусь. Но я хочу поговорить, Армстронг.

Брови Армстронга изумленно взлетели, бесцветные губы поджались.

— Прошу прощения, но…

— Вы владелец ранчо «Тамблинг Кей», так? — перебил Корниш.

— Да, верно.

— Вам известно, что тут происходит?

Черты лица Армстронга заострились, щеки побелели.

— Послушайте, юноша, не знаю, чего вы добиваетесь…

— Тут убивают, — перебил Корниш. — И будут убивать дальше, если не вмешаться. Ваш Титус гонит стадо по долине Коттонвуд. Не поперек долины, не по краешку, а по всей ее протяженности.

— Коттонвуд? — повторил Армстронг. — Дайте-ка подумать… А, это там, где поселились пришлые.

— То есть о пришлых вы знаете?

— Разумеется. Титус сообщает мне все новости.

— И вы знали, что он намерен учинить?

— В подробностях — нет, конечно. Я просто уведомил его, что он волен принимать те меры, которые сочтет необходимыми.

— Ну, он решил, что необходимо уничтожить все поля тех людей, которые пытаются обустроиться в долине. А заодно убить тех, кто посмеет сопротивляться.

Армстронг смахнул с рукава пушинку.

— Давайте говорить откровенно. Лично я считаю, что так будет лучше. Здешняя почва не для посевов, она для пастбищ. Фермеры рано или поздно все равно останутся ни с чем. Да, будут хорошие урожаи, но редко, очень редко. Эти люди почему-то уверились, будто способны тут выжить. Пошли на поводу у правительства, которое зачем-то разрешило свободный доступ сюда. — Глаза Армстронга сузились, превратились в серые щели. — Не могу понять, юноша, каков ваш интерес в этом деле. Вы что, сами из этих… э-э… пришлых?

Корниш хмыкнул:

— Нет. Я торгую колючей проволокой.

Армстронг подобрался:

— Колючей проволокой?

— Вижу, обо мне вам тоже донесли, — заметил Корниш. — Это вы посоветовали Титусу на меня надавить?

Армстронг раздраженно стукнул тростью в пол:

— Что вы себе позволяете, молодой человек?!

— Мистер, давайте не будем отвлекаться. Если вы явились сюда, чтобы затеять войну…

— Какая война?! О чем вы!? — воскликнул Армстронг. — Я приезжаю сюда каждое лето, на недельку-другую.

— Ладно, — процедил Корниш. — Пусть будет по-вашему, но вот что я вам скажу, мистер. Ваши люди изрядно мне напакостили и все никак не уймутся. Я долго уговаривал тех, кого вы зовете пришлыми, купить у меня проволоку и не допущу, чтобы вы и ваша шайка ранчеро мне помешали…

В коридоре послышались шаги, и Корниш резко развернулся

к двери.

В дверном проеме возник Узкоглазый Дуглас — ноги широко расставлены, ладони на кобурах.

— Ага! — удовлетворенно произнес он.

В этом возгласе вызов сочетался с торжеством удачливого охотника.

Корниш опустил руку, пальцы сами нащупали рукоять кольта, одолженного у бармена Стива.

Довольно долго двое мужчин глядели друг на друга, щурили глаза, высматривая малейшее движение противника.

— Валяй, Узкоглазый! — сказал наконец Корниш. — Чего ждешь?

Дуглас не пошевелился, словно врос в пол или внезапно обратился в камень.

— Ты же мелкая шавка, приятель, — продолжал Чарли. — Такая мелкая, что самому противно, да? Ты напал на меня исподтишка, думал повесить. Ты нарывался на драку, приведя с собой двух бугаев. Но сейчас, когда расклад равный, ты стрелять не станешь.

Кривая ухмылка, исказившая физиономию Дугласа, предупредила Корниша еще до того, как он расслышал шаги за спиной. Чарли не думая отскочил в сторону. Увесистая трость разминулась с его головой всего на дюйм — и ударила по плечу с такой силой, что он повалился на колени.

От боли заслезились глаза, но Чарли все же увидел, что Узкоглазый выхватил револьвер из кобуры, и различил радостную ухмылку на его лице. Кляня тяжелую трость и самого Армстронга, Корниш зашарил по поясу и наткнулся пальцами на кольт ровно в тот миг, когда револьвер Узкоглазого с оглушительным грохотом выплюнул огонь.

Пуля обожгла Чарли щеку, вонзилась в ножку кровати за его спиной, и по комнате разлетелись щепки.

Револьвер Дугласа громыхнул снова, и на сей раз кусочек свинца ужалил Корниша в ребра, а затем угодил в зеркало на стене.

Кольт очутился в дрожащей руке, палец лег на спусковой крючок. Выстрел! Грохнуло, запястье чуть не вывернуло, и Корниш отчетливо понял, что больше ему стрелять не захочется.

Узкоглазый Дуглас оседал в дверном проеме с дыркой посреди лба. Вот он качнулся вперед — и рухнул ничком, мертвее падали.

Корниш неуклюже поднялся и уставился на Армстронга сквозь завесу голубоватого дыма, что заволакивала комнату.

— Вы его убили! — проговорил Армстронг, едва раздвинув

белесые губы.

Корниш ткнул стволом в направлении безжизненного тела.

— Вот об этом, Армстронг, я вам и толковал! Лучше бы вашей шайке не попадаться мне под руку и не мешать торговать проволокой.

Чарли шагнул к двери, по-прежнему сжимая в руке кольт. Переступил через тело Узкоглазого и обернулся:

— Когда в следующий раз двое парней надумают стреляться, не лезьте к ним со своей палкой.

Внизу уже собралась целая толпа, и Корниш остановился на лестнице, всматриваясь в обращенные к нему лица. Все сплошь чужие, но кое-кого он узнал — эти мужчины были в баре «Лонгхорн» и отказались пить, когда Стив объявил, что заведение угощает.

— Я прикончил Узкоглазого, — небрежно, будто походя, сообщил Корниш. — Кто-нибудь желает это обсудить?

Желающих, разумеется, не нашлось. Толпа раздалась, освобождая ему дорогу. Он вышел на крыльцо, добрел до коновязи, вскочил в седло и пустил коня по улице.

Фургон Уикса обнаружился у дома Хейсов в долине Коттонвуд. Подъехав ближе, Корниш подъехал ближе, заметил Стива, сидящего у колеса.

— Что-то ты запыхался, — сказал бывший бармен.

Корниш ткнул большим пальцем в сторону дома:

— Как там дела?

— Док говорит, что Берта надо бы отвезти в город, там за ним будут ухаживать. Придется сделать лежанку в фургоне и ехать медленно.

— Ясно… Знаешь, я схлестнулся с Узкоглазым… Дошло до стрельбы…

— Надеюсь, он мертв?

Корниш кивнул:

— Все и вправду завертелось, Стив. Ты как, со мной?

— А у меня есть выбор? — Стив показал рукой. — Вон там пшеничное поле, коровы его считай что вытоптали. Как тут не разозлиться?

— Когда вернетесь в город, забери колючую проволоку со склада на железной дороге, — попросил Корниш. — Запаса вполне хватит, чтобы натянуть поперек долины и остановить коров. Возвращайся поскорее. Буду ждать тебя в Теснине. Знаешь, где это?

Стив кивнул:

— Отличное местечко для изгороди. Шириной от силы

полмили, а деревья сгодятся на опоры.

— Точно. И еще одно. Могу я пока походить с твоим кольтом? Пришлось удирать, не было времени обзавестись своим.

— Да пожалуйста, — сказал Стив. — У Джо оружия навалом. Таких проповедников я раньше не встречал — и бутылочка у него припрятана, и стволов полным-полно. Я-то всегда думал, что святоши — люди мирные.

Корниш послал лошадь в галоп.

Обернувшись, он увидел Молли Хейс, вышедшую на крыльцо и глядевшую ему вслед.

Глава 4
Остановить Титуса!

Корниш присел на корточки в тени дерева и скрутил себе самокрутку. Далеко внизу простиралась долина Коттонвуд, длинная полоса зелени среди охристо-желтых холмов. По этой долине ломаной линией, кое-где тонкой пунктирной, в других местах сплошной и толстой, двигалось стадо с ранчо «Тамблинг Кей».

Корниш чиркнул спичкой о ноготь и прикурил.

Умно, нельзя не признать, подумал он. Чертовски умно. Запустить домашний скот в долину, пусть себе пасется; никто никого ни к чему не принуждает, не требует немедленного решения. У местных в избытке времени на размышление — чтобы понять, к чему все в итоге сведется. Стоит одной семье уложить пожитки в фургон и покатить прочь, как все остальные последуют за ними, потому что сообразят: в одиночку им против ранчеро ни за что не выстоять.

Толковый план.

Выпуская дым из ноздрей, Чарли прикидывал. До темноты стадо, если будет брести с прежней скоростью, до Теснины не доберется. Значит, он успеет протянуть проволоку под покровом ночи и попробует уговорить местных, чтобы встали на защиту металлической изгороди. Попробует втолковать, что проволока сулит возможность дать отпор шайке с «Тамблинг Кей».

Корниш аккуратно затушил самокрутку, взобрался в седло и направил коня в нужную сторону.

К Теснине он подъехал, когда солнце начало неторопливо спускаться по небосводу. Здесь долина сужалась до горловины в полмили шириной между стофутовыми холмами, рассеченными глубокими оврагами. Редкие деревья тут и там приковывали взгляд, и на минуту Чарли задержался, мысленно рисуя схему изгороди, которая перекроет долину — от дерева к дереву.

Потом послал коня вперед, к одной из лощин, что выходила на дно долины.

Милей выше Теснины располагалось хозяйство Рассела. Подъезжая, Корниш увидел с десяток лошадей перед домом. Люди собрались на крыльце, а те, кому не хватило места, расселись на заборе скотного двора.

Они молча наблюдали за Корнишем, и никто не спешил поздороваться.

— Добрый день, парни! — произнес Чарли.

Ответом были суровые, почти враждебные взгляды.

Джон Рассел медленно встал с крыльца и прошел несколько шагов навстречу.

— Корниш, тебе тут не рады, — проворчал он.

— Не надоело бояться? — спросил Чарли негромко.

Рассел вскинулся:

— Мы не боимся! Просто ведем себя разумно! Зачем воевать, если ранчеро предлагают выкуп?

— Какой еще выкуп?

— А такой! Мы говорили с Титусом, и он кое-что нам предложил.

— Вон оно что, — протянул Чарли. — Ты ошибаешься, Джон. Это не выкуп, а подачка. Им не жалко потратить немного денег, чтобы избавиться от вас без лишних хлопот.

— Мы согласились! — заявил Рассел. — Мы готовы продать им землю!

— Значит, переселяетесь… Вас турнули, и вы послушно укатили. Отправитесь искать местечко получше, но вряд ли найдете. Будете жить в фургонах, так никогда и не обзаведетесь настоящим домом. Снова на колеса, как в старые недобрые времена, да?

Крупный чернобородый мужчина присоединился к Расселу. Глядел он хмуро.

— А что, другие мысли есть? — прорычал он, и в его голосе сквозила угроза.

— Есть, как не быть, — ответил Корниш. — Я предлагаю вам способ остановить треклятых ранчеро. Скоро привезут мою колючую проволоку. Мы натянем ее поперек Теснины, а сами встанем позади, с оружием в руках. После чего предупредим парней с «Тамблинг Кей», что всякого, кто дотронется до проволоки, будь то человек или скотина, посчитаем нарушителем частной собственности.

— Мы, говоришь? Ты что, встанешь вместе с нами? — язвительно спросил Рассел.

— Еще как встану! — ответил Корниш, не отводя взгляд.

Чернобородый покачал головой:

— Не к добру это все, помяните мое слово.

— Биллингс, черт тебя дери! — возмутился Корниш. — Не нравится моя задумка, так предложи что получше.

Рука Рассела скользнула вниз и легла на рукоять шестизарядника в кобуре на боку.

— Езжай себе, Корниш, пока я тебя не пристукнул. И не вздумай возвращаться. Мы не хотим связываться с тобой и с твоей проклятой проволокой. Когда бы не ты с твоей болтовней, все

было бы тихо-мирно. Это твоя вина, что нас выгоняют.

Корниш обвел взглядом суровые лица и убедился, что Рассел говорит за всех, кто здесь собрался. Он пожал плечами, развернул лошадь и поехал обратно к Теснине.

Вот и все, подумалось ему. Что толку сражаться с бандитами, если люди, за которых ты готов заступиться, не хотят твоей помощи? Если они желают всего-навсего поскорее убраться прочь с поджатыми хвостами?

Он отлично понимал, что за их трусостью прячется стремление уберечь свои семьи от открытой войны с ранчеро, когда поджигают дома и сеновалы, грабят хозяйства и стреляют в спину из темноты. Когда мужчина возвращается домой трупом, свисающим с седла.

Но рано или поздно наступает пора, когда мужчина должен сражаться. Когда у него норовят забрать нечто такое, чем он попросту не может поступиться. Долина Коттонвуд, сказал себе Чарли, как раз и есть это нечто; дело тут в принципе, в праве, отстаивая которое мужчина обязан взяться за оружие.

Лошадь осторожно взбиралась по склону лощины, что выводила на вершину холма над Тесниной. Корниш горбился в седле, размышляя, покачиваясь в такт медленному переступу.

Поначалу он ничего не понял. Ну звук, пусть и резкий, приглушенный расстоянием, еще один в череде прочих, среди назойливого жужжания насекомых в кустах и стрекотания белок на ветках кедров.

Звук повторился, и Корниш встрепенулся.

Выстрел!

Перепутать невозможно, это точно выстрел из ружья, хриплый и злобный на слух. А следом защелкали, будто хлысты, выстрелы из револьверов.

Корниш прикрикнул на лошадь, и та устремилась вверх. Из-под копыт полетели камни.

Перестрелка продолжалась все то время, пока Чарли добирался до вершины и гнал лошадь галопом.

С соседнего холма он наконец рассмотрел в миле от себя фургон и всадников, что размахивали револьверами.

Джо Уикс с передка правил фургоном — седая борода развевается на ветру, кнут хлещет по спинам старых коняг. Холстина на каркасе казалась изорванным парусом, как будто лодку зачем-то поставили на колеса, а лошади рвались из постромок, похожие на перепуганных кроликов.

Колесо налетело на камень, фургон взмыл и пролетел добрых шесть футов над землей, прежде чем тяжело грохнуться на склон. Но коняги не сбились с шага, а Джо Уикс все не умолкал и не

уставал их нахлестывать.

Рядом с Уиксом, держа ружье, пристроился бывший бармен Стив. А подле него виднелась третья фигура, золотоволосая, в одежде в клетку. На глазах изумленного Корниша девушка вскинула ружье и выстрелила.

Чарли завопил во весь голос, подгоняя свою лошадь; этот дикий вопль шел, казалось, из потайных глубин его нутра.

Шестизарядники бандитов плевались огнем, им басовито отвечали два ружья. Пуля угодила в фургон, перебив одну из дуг, на которые был натянут холст.

Корниш привстал в седле, прицелился и выстрелил.

От борта фургона отлетели щепки, а пуля, угодив в обод колеса, с визгом улетела в небо.

Выстрелы гремели непрерывно, над бешено мчавшимся фургоном клубился пороховой дым, словно какая-то спятившая тучка решила опуститься на тент.

Вот одна из скакавших за кибиткой лошадей упала, всадник перелетел через ее голову. Ударился оземь, покатился резиновым мячиком, потом вскочил на ноги и схватился за револьвер, но снова громыхнуло ружье, и мужчина рухнул, будто на него обрушился незримый могучий кулак.

Двое других преследователей стали отворачивать. Лошади, напуганные стрельбой, слушались неохотно. Корниш оскалил зубы и выпустил последнюю пулю из барабана. Подстреленная лошадь встала на дыбы, забила копытами в воздухе, затем с жалобным ржанием повалилась наземь.

Фургон промчался мимо, подскакивая на камнях и грозя развалиться на ходу. Стив и Молли Хейс сидели на передке, стрелять они перестали.

Бранясь под нос, Корниш принялся набивать неуклюжими пальцами барабан револьвера.

Мужчина, оставшийся без лошади, быстро поднялся и побежал к кедровым зарослям. Последний всадник выжидал, держа револьвер стволом кверху; лошадь под ним пританцовывала, перебирая копытами. Высокий, угловатый, сильный, этот мужчина держался в седле с естественной грацией — сразу видно бывалого ездока.

Титус! Он явно дожидался наилучшего мгновения для выстрела. Кулаки не пригодились, веревка подвела, так что теперь дело за револьвером.

Ярость накатила волной. Корниш наконец перезарядил кольт, поднял его и прицелился, стараясь приноровиться к ходу лошади. В тот миг, когда он нашел нужное положение, рука бандита плавно опустилась и револьвер плюнул огнем.

Пуля с глухим зловещим жужжанием пронеслась мимо головы Корниша. Револьвер снова выстрелил. Лошадь подпрыгнула — свинец оцарапал ей бок и пробил кожаное стремя, задев и сапог Чарли.

Близко, подумал Корниш. Слишком близко, он вряд ли промахнется в третий раз. Револьвер Титуса опять дернулся, но и Чарли надавил на спусковой крючок. Два выстрела почти слились в один, отдавшийся громом в ушах. Корниш ощутил, что седла под ним больше нет, что он летит, а лошадь скачет дальше самостоятельно.

Тело глухо ударилось о землю, причем Чарли мало что почувствовал; ему казалось, будто он катится прямиком в бездонную яму, где ревело пламя, совершенно не испускавшее жара, где безостановочно бурлил алый водоворот. В следующий миг он врезался в ствол дерева.

Безмолвие разорвал резкий звук, схожий со щелчком кнута. Корниш пошевелился, ощутил, как жизнь заново вливается в тело, учуял запахи травы и земли. Спину грели лучи заходящего солнца.

Звук повторился — отдаленный треск ружейного выстрела. Ему ответил другой, куда ближе — раскатистый рокот шестизарядника.

Корниш сообразил, что лежит лицом в траве, и попытался перевернуться на спину. Боль, которая до сих пор оставалась где-то далеко и почти не воспринималась сознанием, пронзила все его тело. Он судорожно вздохнул и снова распростерся на траве, содрогаясь от мучительного спазма в левом плече.

Только теперь он понял, что правая рука по-прежнему держит кольт. Должно быть, когда Титус подстрелил Корниша, пальцы сами стиснули рукоять мертвой хваткой. Чарли повернул голову в нужную сторону, передвинул правую руку так, чтобы она оказалась в поле зрения. Выгнул запястье, убедился, что ствол не забит землей.

Опять грохнуло ружье, и ниже по склону холма Корниш уловил резкое непроизвольное движение — там прятался в кедровых зарослях присевший на корточки мужчина.

Жаль, что не Титус. Тот худой и угловатый, а этот приземистый и тучный. Верно, это бандит, чью лошадь Чарли так удачно застрелил. Тот самый, что сразу побежал к кедрам.

От очередного ружейного выстрела из ружья кедры тряхнули ветками. Пуля угодила в обрыв над головой прячущегося, и на него посыпалась земля. Стрелок, кем бы он ни был, явно знал, где укрылся бандит, и потому палил в этом направлении, должно быть надеясь рано или поздно попасть.

Бандит прижался к земле, а ветки вновь всколыхнулись — следующая пуля сбила с них хвою.

Титуса нигде не видать. Но он должен быть где-то поблизости. Наверное, затаился в кустах или нашел укромную лощинку, дожидается, когда появится неведомый стрелок — наверняка кто-то из тех троих, что ехали в фургоне, груженном колючей проволокой.

Корниш осторожно повернулся так, чтобы самому поучаствовать в перестрелке. Тщательно прицелился в бандита в кедровых зарослях.

Но стрелять не спешил. Словно кто-то свыше подсказал ему повременить. Ему вообще претило стрелять в спину, да и о Титусе забывать не стоило. Пока Титус уверен, что Чарли Корниш убит, этот негодяй не опасается подвоха.

Мужчина в зарослях между тем робко пополз в сторону, дюйм за дюймом взбираясь по склону холма. Потом вскочил и опрометью кинулся бежать — голова опущена, длинные ноги работают точно поршни. Он бежал наискосок по склону, мечась из стороны в сторону, чтобы сбить с прицела противника.

На ум Корнишу неожиданно пришла мысль, которая заставила его приподняться, несмотря на мучительную боль.

Бандит не должен ускользнуть. Если ему это удастся, на ранчо «Тамблинг Кей» узнают о колючей проволоке. И тогда ранчеро навалятся на долину всем скопом и не пощадят никого.

Ружье выстрелило; дерн вспучился довольно далеко от бегущего.

Тот пригнулся еще ниже и задал стрекача, как перепуганный кролик; затем замер, криво ухмыльнулся и навел револьвер на Корниша.

Чарли оскалился, стараясь не терять равновесия, хотя, казалось, земля под ногами ходит ходуном. Фигура бандита двоилась, перед глазами все плыло.

Он попробовал поднять кольт, но рука будто налилась свинцом. Корниш все-таки справился, однако он понимал, что все бесполезно, что он попросту не попадет, с такими-то ватными ногами и с пеленой перед глазами.

На миг в мутной пелене возникло алое пятнышко. Чарли ощутил дуновение воздуха, когда пуля пролетела мимо его головы.

Кольт задергался в руке, но Корниш и без подсказки знал, что все выстрелы ушли в никуда. Колени подогнулись; он сделал шажок вперед, чтобы не упасть, не спуская затуманенного взора с ухмыляющейся физиономии противника.

Ухмылка исчезла, а тело бандита словно одеревенело. За

оврагом между холмами сердито рявкнуло мощное ружье. Бандит медленно согнулся, как будто верхняя и нижняя половины его тела соединялись проржавевшим шарниром. Револьвер выпал из обессилевших пальцев, колени подломились, и мертвец застыл на травянистом склоне.

Корниш кое-как запихнул кольт в кобуру, принялся тереть глаза, чтобы прогнать треклятую пелену, и сумел различить нечто клетчатое на другой стороне оврага.

— Молли! — прохрипел он.

Он вынудил себя встать и на негнущихся ногах побрел вниз, навстречу девушке. В простреленном плече горела боль, и рассудок от нее так и норовил помутиться, а в ушах, казалось, оглушительно ревел ветер.

Молли перехватила его у подножия склона. Чарли сам себе напоминал шатучего робота, а не человека. Он с облегчением оперся на плечо девушки, восхищенный ее недюжинной силой, и позволил себя усадить.

— Титус? — выдавил он.

— Удрал.

— Молли…

— Сидите смирно! — прикрикнула она. — Надо остановить кровотечение.

— Молли, вы должны предупредить остальных. Титус всех перебьет. Он не станет медлить, ведь теперь ему известно о проволоке.

— Сначала я вас перевяжу.

— А что Стив?

— Тянет проволоку, — ответила девушка. — Я велела им с Джо заняться делом. Мне-то несподручно, зато я умею стрелять.

— Вы спрятались, чтобы выследить спешенных бандитов?

— Верно, однако мне не повезло. Титус все-таки сбежал.

Глава 5
Новая кровь на проволоке

Спичка чиркнула о камень, и Корниш поспешил прикрыть огонек ладонью здоровой руки. Присев на корточки в овраге, он посветил вниз — искал след фургона.

Вот она, глубокая вмятина в земле, и края все еще осыпаются. Корниш присмотрелся и различил иные отпечатки — следы копыт, оставленные конями Уикса, что волокли под уклон свой груз.

Чарли отбросил погасшую спичку и выпрямился. Перед ним пряталась во мраке долина Коттонвуд.

Фургон проехал здесь недавно и сейчас находится где-то внизу, в Теснине. Там Стив с Джо Уиксом натягивают — должны натягивать — колючую проволоку поперек долины. Эти двое, никак не связанные ни с торговлей проволокой, ни с местными жителями, трудятся под покровом ночи на благо всей долины.

Но будет ли толк от этой затеи, угрюмо спросил себя Корниш. Ведь Титус благополучно сбежал и наверняка предупредил своих подельников.

Чарли покачал головой и медленно двинулся по тропе, ступая чрезвычайно осторожно; левая рука покоилась в перевязи, сделанной из нижней юбки Молли Хейс. В ночной темноте белое пятно хорошо заметно, ранчеро с «Тамблинг Кей» вряд ли промахнутся.

Из-под ноги выкатился камень, и Корниш с трудом удержал равновесие. Потом ударился раненым плечом о дерево — и сложился пополам от боли, пронзившей все тело, с головы до пят.

Здесь, под деревьями, царила непроглядная тьма, но в долине впереди было чуть светлее из-за звезд, мерцавших на безоблачном небосводе.

Вскоре Корниш наткнулся на начало изгороди — три витка проволоки вокруг ствола дуба. Он двинулся вдоль изгороди, и прикосновения к ощетинившейся колючками стали внушало ему уверенность и гордость за товарищей. Промежутки между деревьями кое-где были большими, но проволоку натянули правильно, туго, и металл отзывался восторженным звоном, когда Чарли задевал его рукоятью кольта.

Впереди, думалось Корнишу, Стив и Джо тянут проволоку дальше, разматывая три мотка одновременно, прямо из фургона.

Вдруг нога что-то задела, и он споткнулся. Только и успел, что выставить перед собой здоровую руку, чтобы упасть на нее, а

не на искалеченное плечо. Дыхание на миг пресеклось от удара, но Чарли сумел приподняться и зашарил вокруг в поисках того, обо что он запнулся. Это оказалась пустая катушка из-под проволоки.

Он встал, снова нащупал изгородь, нашел место сращения и призадумался. Один из тех двоих, что тянули проволоку в потемках, явно имел с ней дело раньше. Вряд ли это Стив — тот всю сознательную жизнь простоял за барными стойками на Диком Западе. Значит, Уикс.

Корниш прислушался. Никакого отдаленного скрежета, и проволока не дрожит, хотя должна бы дрожать, протягивай кто-то ее дальше.

Охваченный страхом, он слепо устремился вперед, вдоль проволочной ограды, и сам не заметил, как вломился в густые заросли кустарника.

Из-за дерева вдруг выступила человеческая фигура, ночную тишину нарушили суровые слова:

— Стой, где стоишь, и руки подними!

Корниш немедленно остановился и послушно вскинул правую руку.

Человек осторожно подошел ближе:

— А с другой рукой что?

— Ранили, — коротко ответил Чарли.

— Корниш! — громко прошептал незнакомец. — Лопни мои глаза, если это не он!

Человек сделал еще шаг, и в свете звезд появились серебристая борода и мятая шляпа.

— Джо Уикс!

— Тсс! — Уикс приложил палец к губам. — Мы тут затаились. Один из этих проклятых ранчеро недавно проезжал мимо.

— Наверное, проверял, поставили изгородь или нет, — сказал Корниш. — Титус удрал и рассказал на ранчо о проволоке.

— Лучше бы ему угомониться, этому Титусу, иначе мы ему кишки-то выпустим! — яростно прошипел старый Джо.

Корниш изумленно воззрился на него:

— Разве проповедникам подобает так говорить?

Джо сплюнул, и до Корниша донесся запах виски.

— Никакой я не проповедник! Никогда им не был. Это всего лишь прикрытие. Я работаю на ту же контору, что и ты.

— «Аякс»?

— Точно, — подтвердил Уикс. — Начальство решило, что слишком уж много стало несчастных случаев с парнями, которые торгуют колючей проволокой. Слишком многие пропадают

бесследно. Так что меня отправили сюда приглядывать за тобой. Когда прибыл, я сразу сообразил, что дела тут творятся нехорошие, и постарался подготовиться. — Он снова сплюнул. — Как думаешь, получится остановить бандитов?

— Если местные нас поддержат, то да, — ответил Корниш. — Молли должна их предупредить.

— Бойкая девица, — похвалил Уикс. — Мужества ей не занимать. Оставила своего папашу у врача и вернулась вместе с нами. Сказала, что если чужаки, это мы с тобой, бросают вызов шайке с «Тамблинг Кей», то уж ей и вовсе не пристало отсиживаться в сторонке.

Из мрака за деревьями вынырнула другая фигура:

— Верховой только что вернулся. Хватит болтать, надо тянуть проволоку дальше, и пошустрее. — Стив подошел и присмотрелся к Корнишу. — Думал, ты покойник. Уж больно чисто Титус вышиб тебя из седла.

Уикс негромко хмыкнул:

— Разве кусочек свинца способен остановить человека из «Аякса»?

Втроем они постояли недолго, вслушиваясь в тонкий посвист ветра, что шевелил листву и пригибал стебли травы. На западе, за холмами, утробно заухала сова. Звезды зажглись на небосводе блистающей россыпью.

— Эй, Джо, — прошептал Стив, — давай-ка сюда заветную бутылочку. Парень восстал из мертвых, за это надо выпить.

Уикс переступил с ноги на ногу, сунул руку в задний карман. Стекло скользнуло по грубой ткани с тихим шелестом, отчетливо различимым в ночной тишине.

— Тсс! — Стив насторожился. — Слышите?

Все трое замерли, точно превратились в ледяные статуи. Звук, слабый поначалу, с каждым мгновением становился все громче: по долине разносился топот копыт.

— Это они! — Стив едва не сорвался на крик. — А у нас проволока не до конца натянута!

Корнишу стало по-настоящему страшно, он вдруг ощутил всю горечь неизбежного поражения. Топот доносится с востока… Значит, верховые минуют недоделанную изгородь, прорвутся в долину и застанут врасплох ничего не подозревающих местных…

— Надо заставить их повернуть! — прокричал он и побежал в темноту.

Стив кинулся следом.

— Ты чего удумал? — спросил он на бегу. — Стой, дуралей! Тебя же затопчут!

— Надо заставить их повернуть! — повторил Корниш,

переводя дух. — Надо зайти восточнее и напасть на них.

Он выбежал из-под деревьев на открытое место, стиснул зубы, чтобы отвлечься от пронзительной боли в раненом плече. Сейчас все решала быстрота — нужно опередить всадников, нужно устроить засаду раньше, чем ярость ранчеро выплеснется на обитателей долины.

За спиной пыхтел Стив, а следом, коротко втягивая воздух, бежал Уикс.

Земля вдруг ушла из-под ног, и Чарли кубарем скатился по берегу реки Коттонвуд. Он поднялся, шагнул в воду, двинулся вброд — ему было по грудь, — думая лишь о том, чтобы не потерять равновесия на предательском песке.

Корниш выбрался на противоположный берег и полез вверх, разбрасывая во все стороны грязь. Упал на траву и прислушался. Получилось! У них получилось! Топот копыт раздается к западу от реки. Они все-таки обогнали ранчеро!

Рука медленно и уверенно легла на кобуру, пальцы сомкнулись на рукоятке кольта.

— Стреляйте, как только увидите их, — сказал Чарли спутникам. — Погоним к изгороди.

Сталь сверкнула в свете звезд, когда Стив тоже извлек револьвер из кобуры. Джо Уикс, цокая языком, расположился на траве и выставил перед собой ружье.

На дальнем берегу вдруг замелькали тени. Тишину нарушал только топот копыт. Человеческие фигуры сливались с темнотой, угадывались разве что по блеску оружейных стволов.

Но вот раздались истошные вопли, ровный топот копыт распался и задробил, испуганно заржали лошади, и почудилось, будто во мраке заскулил какой-то израненный хищный зверь.

Донесся новый звук, скрип быстро вращающихся колес, сопровождаемый скрежетом деревянного остова. Из мрака возникло нечто большое и белое, подобное призраку, которому вздумалось сплясать безумный ригодон[4]. Это белое нечто устремилось было прямиком к воде, но затем свернуло и понеслось вдоль берега.

— Мои лошадки, чтоб им пусто было! — возопил Уикс. — Глядите, удирают! Я и не знал, что они у меня такие прыткие!

Загрохотали шестизарядники, пули сердито застучали по земле, засвистели по траве, в которой прятались трое мужчин. Но все звуки — очумелую пальбу, ржание лошадей, скрежет фургона и прочее — перекрывало тонкое и заунывное пение, неумолимое и победоносное пение разматываемой проволоки.

— Мы как раз поставили новые катушки, когда пришлось прерваться, — пояснил Стив. — Молодцы твои коняги, Джо,

стараются на совесть.

Фургон мчался по противоположному берегу, старые лошади будто обезумели, а катушки исправно продолжали разматывать проволоку.

Сидя на земле и держа револьвер между коленей, Корниш здоровой рукой вставлял патроны в барабан. Слева от него размеренно стрелял Уикс, а Стив у кромки воды посылал пулю за пулей в мельтешение теней.

Ранчеро, конечно, палили в ответ. Под звездным небом сверкали яркие мотыльки, пули проносились над рекой, свирепо свистели в траве, сулили смерть всякому, кто подвернется им в темноте.

Уикс вдруг вскрикнул и привстал на колени; в ночном мраке он смахивал на разбуженного медведя. Ружье выпало из рук, с дребезгом покатилось по берегу, и Джо повалился следом. С плеском погрузился в воду и замер, раскинув руки, в отражении усыпанного звездами небосвода.

Корниш прополз к берегу, склонился над неподвижной фигурой. Протягивая здоровую руку, чтобы потрогать Уикса за плечо, Корниш знал, что тот мертв, что в его теле не осталось и капли жизни. Он подавил рыдание, выволок Уикса из воды, уложил на берегу и распрямил согнутое колено мертвеца. Уикс смотрел на него пустыми глазами, в которых посверкивали звезды.

Крадучись подошел Стив:

— Они нарвались на проволоку. Прямо на полном скаку. Надеюсь, это немного их задержит.

Корниш безразлично кивнул:

— Я слышал.

Потом выпрямился и заметил, что Стив глядит на безжизненное тело на песке.

— Уикс… В него попали как раз перед тем, как ранчеро налетели на ограду. — Чарли потер глаза. — Помнишь, Стив, ты говорил, что проволоку непременно окропит кровь?..

Из мрака вырвалась одинокая лошадь — подбежала к берегу, шарахнулась прочь и ускакала в долину. Слышалось хлопанье пустых стремян, и двое мужчин у реки поняли, что эта лошадь лишилась своего седока.

В ночи громом прогремел выстрел из ружья. Раздался чей-то заполошный вопль, выпалил шестизарядник. Ружье выстрелило снова, его поддержало другое. Шестизарядник не сдавался; потом раздался человеческий крик — громкий, истошный, резко оборвавшийся.

— Местные! — воскликнул Стив.

— Как раз вовремя, — горько произнес Корниш. — Могли бы и поспешить.

Стив недоуменно покосился на него.

— Мы же победили, — сказал он Чарли.

Корниш кивнул. Да, победили. Теперь заказ на проволоку уйдет в Иллинойс, а старик Джейкобс и вправду выпучит глаза на обтянутом кожей черепе. Да, проволока окружит всю долину и разделит поля и пастбища. Ранчеро с «Тамблинг Кей» придется с этим смириться и довольствоваться своей землей, а не зариться на чужие владения.

С местными, которые соизволили явиться на защиту изгороди, ранчеро не справиться. Бандиты рискнули, но проиграли. Их козырь оказался бит.

Но почему-то это не имело теперь ни малейшего значения. Уикс погиб, проволоку залила кровь. Чересчур дорого она обходится, думал Корниш. По всему Западу встает в такую цену, которой вовсе не заслуживает. За каждый фут ограды приходится платить жизнями. Ну да, эта ограда — революция, а революций без жертв не бывает.

Плеск воды оторвал его от грустных мыслей. Он повернулся и увидел, что Стив переходит через реку и лезет на дальний берег. Корниш хотел было окликнуть товарища, но не успел — тот исчез из вида.

Западнее, у изгороди, продолжали громыхать ружья, им злобно отвечали шестизарядники.

Корниш отвернулся от мертвого Уикса и медленно побрел по воде за Стивом. На полпути через реку он услышал топот. Какой-то мужчина выскочил на берег, торопливо спустился с обрыва и рухнул в воду, подняв облако брызг.

Отплевываясь, он ухитрился встать, замер по колено в воде и уставился на Корниша. Высокий и костлявый, в ночи он казался великаном.

Корниш остолбенел, не в силах отвести взгляд.

— Ты! — сипло процедил Титус.

Его рука потянулась к поясу, но Корниш рванулся вперед, заставляя тело преодолевать сопротивление воды, — откуда только силы взялись. На бегу он пригнулся, чтобы обхватить врага за колени.

Звездный свет отразился от ствола револьвера, извлеченного из кобуры, и в этот миг Корниш врезался в Титуса, правым плечом боднул в колени, рукой схватил за сапоги и дернул на себя могучим рывком.

Ночь осветилась вспышкой, раздался выстрел, и Титус рухнул как подкошенный.

Корниш с рычанием накинулся на него. Титус задрыгал ногами, исхитрился нанести точный удар. Корниш попытался увернуться, но запоздал. Каблук противника угодил ему в грудь, и он плюхнулся в воду.

Титус на четвереньках шарил вокруг и даже поскуливал от нетерпения и досады.

Корниш кинул руку к кобуре — и обнаружил, что его кольт тоже потерян.

Тогда он медленно, осторожно двинулся к противнику, занося кулак.

Внезапно Титус распрямился.

Корниш поспешно ударил, ощутил, как кулак врезался в плоть и кости, уловил дрожь, что пробежала по телу Титуса, когда тот отшатнулся.

Чарли бил и бил, вкладывая в удары всю силу, какую мог в себе наскрести, начиная движение от кончиков пальцев на ногах и заканчивая соприкосновением с чужим телом. Рука ниже локтя совершенно онемела. Титус все пятился, едва стоя на ногах, и каждый новый удар безжалостно, неуклонно теснил его к реке.

Корнишем двигал вовсе не гнев, не страх и не вера в себя. Нет, он руководствовался простейшей логикой: если не прикончит Титуса здесь и сейчас, то наверняка погибнет сам.

Очутившись в воде, Титус замахал руками перед собой; он явно «плыл» от множества пропущенных ударов. Корниш примерился и безжалостно вонзил кулак ему в подбородок.

Раздался глухой звук, будто ударили по чему-то полому, и Титус с плеском рухнул в реку.

Корниш наконец опустил руку. Ссаженные костяшки пальцев жутко пекло, изнуренные мышцы надсадно ныли.

Кровь за проволоку, сказал себе Корниш.

Стиснув зубы, чтобы не закричать от боли, он повернулся спиной к реке и побрел на берег.

С запада донесся отдаленный стук копыт, затем все стихло, и долина успокоилась. Ружья больше не стреляли, бандиты пропали. Шайка с «Тамблинг Кей» потерпела поражение.

Чарли споткнулся.

— Корниш!

— Я тут! — отозвался он полушепотом.

Молли появилась из мрака. Чарли остановился, подождал, пока она приблизится.

По выражению ее лица и по протянутым к нему рукам он догадался, что недавняя битва не была напрасной.

«Второе детство»
Second Childhood
Перевод: Т. Гордеева

Роман «Второе детство», впервые опубликованный в февральском номере журнала Galaxy Science Fiction за 1951 год, возможно, завершает список размышлений Клиффорда Д. Саймака о концепции бессмертия. И по сравнению с ним самоубийство кажется хорошей идеей, если бы только человек мог это сделать…

— dww

Ты не умирал.

Не существовало естественного пути к смерти.

Ты жил так беззаботно и беспечно, как мог, и надеялся, что тебе повезет и ты будешь случайно убит.

Ты продолжал жить, и ты устал от жизни.

— Господи, как же человек может устать от жизни! — вздохнул Эндрю Янг.

Джон Риггз, председатель комиссии по бессмертию, прочистил горло.

— Вы осознаете, — обратился он к Эндрю Янгу, — что петиция, представленная нашему вниманию, есть высочайшее нарушение процедуры? — Он взял со стола кипу бумаг и быстро перелистал их и добавил: — Это не имеет прецедента.

— Я надеялся, — сказал Эндрю Янг, — создать прецедент.

Слово взял член комиссии Станфорд:

— Я должен признать, что вы создали хороший случай, Предок Янг. Еще вы должны понять, что эта комиссия не имеет другой юрисдикции относительно жизни любого человека, кроме как следить, чтобы каждый пользовался всеми благами бессмертия и устранять любые возникающие перегибы.

— Я хорошо осведомлен об этом, — ответил Янг, — и мне кажется, что мой случай как раз и является одним из тех перегибов, о которых вы упомянули.

Он стоял молча, вглядываясь в лица членов заседания. «Они боятся, — думал он. — Каждый из них. Боятся того дня, когда столкнутся с тем, с чем я столкнулся сейчас. Они знают ответ. И кроме жалкого, жестокого ответа, который я дал им, другого не существует.

— Моя просьба проста, — ровным тоном произнес сказал

он. — Я намереваюсь окончить жизнь. И поскольку самоубийство сделали психологически невозможным, я попросил, чтобы комиссия назначила кого-нибудь, или сама отдала какое-либо распоряжение относительно прерывания моей жизни.

— Если бы мы сделали это, — сказал Риггз, — то уничтожили бы все, чего достигли. Нет подвига в том, что ты прожил пять тысяч лет. Коль скоро человеку суждено быть бессмертным, он должен действительно быть таковым. Компромисс в данном случае невозможен.

— Кроме того, — добавил Янг, — все мои друзья ушли. — Он показал на бумаги, которые Риггз держал в руках: — Я всех перечислил там: их имена, когда, где и как они умерли. Взгляните на список. Больше двух сотен имен. Люди из моего поколения и поколения, следующего за моим. Их имена и фотокопии свидетельств о смерти.

Янг положил ладони на стол и оперся на них.

— Обратите внимание на то, как они умерли, — продолжил он. — Каждый в случайной катастрофе. Некоторые управляли машиной на чересчур большой скорости и, по-видимому, слишком беспечно. Один упал со скалы, когда тянулся сорвать цветок, росший на уступе. Я считаю этот случай проявлением вопиющей неосторожности. Еще один напился какой-то дряни и, потеряв сознание в ванне, утонул…

— Предок Янг, — резко прервал его Риггз, — вы, конечно же, не намекаете, что во всех перечисленных ситуациях имело место самоубийство?

— Нет, — едко ответил Янг. — Мы запретили самоубийства три тысячи лет назад и очистили от подобных мыслей человеческий мозг. Как они могли покончить с собой?

Станфорд внимательно посмотрел на Янга.

— Если не ошибаюсь, сэр, вы были членом комиссии, которая занималась решением этой проблемы.

Эндрю Янг кивнул.

— Да, это было после первой волны самоубийств. Я помню то время очень хорошо. Нам потребовались годы, чтобы найти решение. Мы были вынуждены изменить будущее человека, модифицировать определенные свойства человеческой природы. Пришлось приспособить к этому человека с помощью обучения и пропаганды, заставить его принять новый набор нравственных ценностей. Я думаю, мы проделали хорошую работу. Возможно, слишком хорошую. Сегодня никто не может даже подумать о самоубийстве, о свержении правительства. Сама идея, само слово вызывают инстинктивное отвращение. Вы можете пройти длинный путь, джентльмены, путь в три тысячи лет.

Янг нагнулся над столом и указал пальцем на кипу бумаг.

— Они не убили себя, — после короткой паузы заговорил он, — поскольку не могли совершить самоубийство. И потому не заслужили осуждения. Они устали от жизни… И я тоже. Они стали проявлять беспечность — возможно, в глубине души лелея тайную надежду, что когда-нибудь утонут в пьяном виде или на машине врежутся в дерево…

Он выпрямился и взглянул в лица присутствующих.

— Джентльмены, — сказал он. — Мне пять тысяч семьсот восемьдесят шесть лет. Я родился в Ланкастре, в штате Мэн, на планете Земля двадцать первого сентября одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. Я хорошо служил человечеству в течение этих пятидесяти семи столетий. Как видите, это рекорд. Комиссии, законодательные посты, дипломатические миссии… Никто не может сказать, что я уклонялся от своих обязанностей. Я с полным правом утверждаю, что заплатил все долги человечеству… В том числе и долг за свое бессмертие.

— И все же мы призываем вас отказаться от своего намерения, — подал голос Риггз.

— Я одинокий человек, — ответил Янг. — Одинокий и усталый. У меня нет друзей. Ничто не вызывает у меня интереса. Надеюсь, мне удастся убедить вас в необходимости изменить законодательство в отношении таких, как я. Когда-нибудь вы, возможно, найдете решение проблемы, но пока это время не наступило, я прошу вас во имя милосердия избавить нас от жизни.

— Проблема, как мы ее видим, — вновь заговорил Риггз, — в том, что надо найти некий способ очистить наше ментальное будущее. Когда человек, подобно вам, сэр, живет пятьдесят столетий, у него накапливается слишком много воспоминаний, которые в итоге приводят к неприятию сегодняшней действительности и того, что ждет в будущем.

— Да, я в курсе и понимаю, о чем вы говорите, — кивнул Янг. — Помнится, об этом шла речь еще в самом начале. Это была одна из проблем, с которыми мы столкнулись, когда впервые стали практиковать бессмертие. Но мы всегда думали, что память вычеркнет все сама, что мозг сможет вобрать столько воспоминаний, сколько ему будет по силам, а когда переполнится, то выбросит самые старые. Однако такое мнение оказалось ошибочным.

Он сделал резкий жест.

— Джентльмены, я могу вспомнить собственное детство гораздо более отчетливо, нежели то, что произошло со мной вчера.

— Воспоминания хоронили, — возразил Риггз. — И в прежние времена, когда люди в большинстве своем жили не более одной сотни лет, считалось, что погребенные воспоминания навсегда преданы забвению. Жизнь, сказал себе Человек, это процесс забывания. Таким образом, став бессмертным, Человек не слишком переживал из-за воспоминаний, ибо полагал, что выбросит их из памяти.

— Он должен был предвидеть, — не сдавался Янг. — Я могу вспомнить своего отца, причем гораздо более четко, чем вспомню вас, джентльмены, как только покину эту комнату… На исходе жизни отец говорил мне, что ему на память приходят многие эпизоды детства, о которых он ни разу не вспоминал ни в юности, ни в зрелости. Только это одно должно было насторожить нас. Мозг хоронит глубоко только более свежие воспоминания… они не представляют ценности, они не всплывут, чтобы обеспокоить вас, потому что еще не разобраны и не отсортированы… или что там еще делает с ними мозг. Но однажды занесенные в реестр, они мгновенно всплывут.

Риггз кивнул в знак согласия.

— Наш мозг хранит память о многих прекрасных годах жизни. Со временем мы это преодолеем.

— Мы пытались, — вступил в разговор Станфорд. — Пытались, как и в случаях с самоубийствами, проводить психологическую обработку. Но в данной ситуации из этого ничего не вышло. Человеческая жизнь строится на воспоминаниях. Есть основные воспоминания, базовые, они должны оставаться нетронутыми. При адаптации у тебя нет выбора. Невозможно сохранить структуру воспоминаний и при этом отделить то, что не имеет значения. В общем, этот метод оказался недейственным.

— Была одна машина, — вмешался Риггз, — которая с успехом помогала избавляться от воспоминаний. Я не знаю точно, как она работала — знаю только, что эффективно. Мозг становился как пустая комната. Она не оставляла ничего — забирала все воспоминания, не допуская ни малейшей возможности создать новые. Человек входил в нее разумным существом, а покидал уже овощем.

— Отсроченное оживление — вот что могло бы решить проблему, — заметил Станфорд. — Если бы только мы располагали такой возможностью. Можно было бы поместить человека куда-либо и хранить там до поры, когда проблема наконец тем или иным образом решится, а потом оживить его и, так сказать, „отремонтировать“.

— Как бы то ни было, это дело будущего, — сказал Янг. — А

сейчас прошу вас серьезно рассмотреть мою просьбу. Я не в силах дожидаться, пока вы найдете приемлемое решение.

— Вы просите нас узаконить смерть? — В голосе Риггза прозвучали суровые нотки.

Янг кивнул.

— Если вам угодно называть это так. Я бы предпочел другое определение: простая благопристойность.

Станфорд сказал:

— Мы можем иметь несчастье потерять вас, Предок.

— Опять это проклятое отношение! — Янг вздохнул. — Бессмертием оплачены все счета. Становясь бессмертным, человек получает полную компенсацию за все, что ему предстоит вытерпеть. Я прожил дольше, чем кто-либо надеется прожить, и все-таки мне отказано в уважении к моему возрасту. Человек быстро пресыщается. Его и без того немногочисленные желания со временем умирают и превращаются в пепел, но тем не менее ему приходится жить дальше. Он подходит к черте, за которой ничто не представляет ценности… к черте, за которой его собственные личностные ценности не более чем тени. Джентльмены, когда-то я не был способен на убийство… ничто не могло заставить меня отнять жизнь у другого человека… но сегодня я могу это сделать, без раздумья. Потеря иллюзий и цинизм как-то незаметно лишили меня совести.

— Это компенсируется… — сказал Риггз. — Ваша семья…

— Они приходят ко мне. — Янг поморщился словно от отвращения. — Тысячи и тысячи молодых отпрысков, называющих меня Прадедом и Предком, просят у меня советов, но практически никогда им не следуют. Я не знаю даже малой их части, но слушаю их и подробно объясняю запутанное родство, что делает меня занудой в их глазах. Все это ново для них и старо, чертовски старо для меня.

— Предок Янг, — сказал Станфорд. — Вы видели, как человек с Земли уносится к отдаленным звездным системам. Вы видели, как человеческая раса с одной планеты расселяется на тысячи планет. Вы принимали в этом участие. Неужели вы не испытываете хотя бы некоторого удовлетворения?..

— Вы играете абстракциями, — перебил его Янг. — Все это касается только меня… определенной специфической массы протоплазмы в форме двуногого существа, называемого, как это ни смешно, Эндрю Янгом. Я был бескорыстен всю свою жизнь. Я мало просил для себя. Но сейчас становлюсь совершенным эгоистом и прошу рассмотреть мое дело как персональную проблему, а не как расовую абстракцию.

— Признаете вы это или нет, — возразил Станфорд, — но

данная проблема отнюдь не персональная. И ее непременно следует решить раз и навсегда во имя спасения всей расы.

— Но именно это я и пытаюсь втолковать вам, — мгновенно отреагировал Янг. — Это проблема, с которой вам самим обязательно предстоит столкнуться. Однажды вы решите ее, но пока просто обязаны сделать поправку на тех, перед кем она уже стоит.

— Подождите немного, — посоветовал председатель Риггз. — Кто знает… Сегодня, завтра…

— Или через миллион лет! — резким тоном прервал его Янг и вышел — высокий энергичный человек, чьи шаги от гнева стали быстрыми, тогда как обычно он ступал неторопливо и устало.

Конечно же, существовал один шанс.

Но надежды было мало.

Как человек может вернуться на почти шесть тысяч лет назад и уловить наконец то, чего никогда не понимал?

Эндрю Янг помнил все. Помнил так четко, как будто это случилось сегодня утром. Каким прекрасным и великолепным казалось происходящее! Чувство счастья было новым и ярким, как крыло синей птицы апрельским утром или как скромные лесные цветы после проливного дождя.

Он был мальчиком, он видел синюю птицу, но не мог подобрать слова, чтобы описать ее и дать ей название. Он лишь показывал на нее своими маленькими пальчиками и складывал губы, словно говоря: „Ух ты!“

„Однажды, — думал он, — она была у меня в руках, а я даже не имел понятия, что это такое и как это ценно. Сейчас-то я знаю ей цену, но, увы, она исчезла — покинула меня в тот день, когда я стал думать как человеческое существо. Первая взрослая мысль слегка отстранила ее, вторая отодвинула еще дальше, и, наконец, она исчезла куда-то, только не знаю куда“.

Он сидел в кресле в маленьком дворике, выложенном каменными плитами, и чувствовал, как солнечные лучи проникают сквозь дымку в ветвях деревьев, уже почувствовавших весну и постепенно раскрывавших нежные листья.

„Что-то другое… — размышлял про себя Эндрю Янг. — Что-то, не родственное человеку. Маленький зверек, который мог выбирать свой путь из множества дорог. И конечно же, мой выбор оказался неправильным. Я выбрал путь Человека. Но был и другой путь. Должен был быть — я уверен. Прекрасный путь домового или, может быть, даже эльфа. Это звучит сейчас глупо и по-детски, но так было не всегда.

Я выбрал путь человека, потому что меня подвели к нему.

Меня толкали на него, как овцу в стаде.

Я вырос и потерял то, что имел“.

Он сел и напряженно задумался, стараясь проанализировать события и понять, что же именно он искал и чему не было названия — разве только: „счастье“. Счастье — состояние существования, а не та вещь, которую можно получить обратно или схватить. Он мог вспомнить, что это за чувство. С глазами, открытыми в настоящем, он мог вспомнить красоту дня в прошлом, его божественную чистоту, великолепие красок, которые сияли так ярко, как никогда потом, как будто не прошло и дня с момента Творения и мир до сих пор был по-новому ясен. Конечно, он и был новым. Он должен был быть таковым для ребенка. Но это не объясняет всего — не объясняет бездонности видения, познания и веры в красоту и божественность нового чистого мира. Это не объясняет нечеловеческого восторга, вызванного открытием, что существуют цвета, чтобы видеть, запахи, чтобы чувствовать, и мягкая зеленая трава, чтобы до нее дотрагиваться.

„Я безумен, — сказал себе Янг. — Или становлюсь безумным. Но, если безумие приведет меня обратно к пониманию того странного ощущения, которое я испытывал в детстве, к тому, что было потеряно, я приму безумие“.

Он откинулся в кресле, по-прежнему не открывая глаз и уносясь мыслями в прошлое.

Мальчик сидел на корточках в углу сада. С грецких орехов опадали листья, похожие на дождь из шафранного золота. Он поднял один, но тот выскользнул из его пальцев, потому что детские руки были еще пухленькими и с трудом удерживали предметы. Он попытался снова и на этот раз схватил лист за черенок. Теперь он видел, что это не просто пятно желтизны: лист был изящным, с множеством маленьких прожилок. Мальчик держал лист так, что солнце просвечивало сквозь него золотым светом.

Он присел на корточки с зажатым в руке листом и замер от наступившей вдруг тишины. Потом он услышал шорох лежавших вокруг прихваченных морозом листьев, которые словно шептали ему тихо о том, как они проплыли по воздуху и вместе с другими своими золотыми собратьями нашли наконец постель.

В этот момент мальчик ощущал себя одним из этих листов, частью шепотов, которые они издавали, частицей золотого сияния осеннего солнца и далекого синего тумана над холмом, тем, что возвышался над яблоневым садом.

Камень скрипнул под чьей-то ногой… Янг открыл глаза — и золотые листья исчезли.

— Сожалею, что побеспокоил вас, Предок, — сказал мужчина. — Мне было назначено на это время. Я бы не побеспокоил вас, если бы знал…

Янг укоризненно уставился на него, не произнося ни слова.

— Я ваш родственник, — пояснил пришедший.

— Ну, в этом можно не сомневаться, — откликнулся Янг. — Вселенная переполнена моими потомками.

Человек слушал его со смирением.

— Конечно, иногда вы можете быть недовольны нами. Но мы вами гордимся, сэр! Поверьте, мы почитаем вас… Ни одна семья…

— Знаю, — перебил его Янг. — Ни в одной другой семье нет такого старого ископаемого, как я.

— Точнее — такого мудрого, — сказал мужчина.

Эндрю Янг фыркнул.

— Не мели чушь! Давай лучше послушаем, что ты скажешь, раз уж ты здесь.

Техник смущался и нервничал, но оставался почтительным. Все уважительно вели себя с предками, кем бы они ни были. Тех, кто был рожден на смертной Земле, теперь осталось немного.

Нельзя сказать, что Янг выглядел старым. Он выглядел как все люди, достигшие зрелости, а его прекрасное тело могло принадлежать и двадцатилетнему.

Техник выглядел изумленным.

— Но сэр… это…

— Медвежонок, — закончил за него Янг.

— Да-да, конечно, вымерший земной вид животного.

— Это игрушка, — объяснил ему Янг. — Очень древняя игрушка. Пять тысяч лет назад у детей были такие. Они спали с ними.

Техник содрогнулся.

— Прискорбный обычай! Примитивный…

— Ну, это как посмотреть, — заметил Янг. — Я спал с ним много раз. Могу лично заверить вас, что в каждом таком медвежонке заключено целое море утешения.

Техник понял, что спорить бесполезно.

— Я могу сделать для вас прекрасную модель, сэр, — сказал он, стараясь изобразить энтузиазм. — Я создам механизм, способный давать простые ответы на ключевые вопросы, и, конечно, сделаю так, что медвежонок будет ходить, на двух или на четырех ногах.

— Нет! — отрезал Эндрю Янг.

— Нет? — На лице техника появилось удивленное и в то же время обиженное выражение.

— Нет! — повторил Эндрю Янг. — Мне не нужен хитроумный механизм. Я хочу, чтобы оставался простор для воображения. Не удивительно, что современные дети не обладают воображением. Теперешние игрушки развлекают их целым набором трюков и не способствуют развитию фантазии. Сами они не могут придумать ничего — за них все делают игрушки.

— Вы хотите, чтобы он был тряпичным, набитым внутри чем-то мягким? — печально спросил техник. — С торчащими в разные стороны гнущимися лапами?

— Точно, — согласился Янг.

— Вы уверены, что именно таково ваше желание, сэр? Я могу сделать изящную вещь из пластика.

— Нет, только тряпичный, — настаивал Янг. — И он должен рычать.

— Рычать, сэр?

— Именно. Ты понимаешь, о чем я говорю. Он должен рычать, когда трешь им лицо.

— Но никто в здравом уме не захочет тереть им лицо.

— Я захочу, — сказал Эндрю Янг. — И настаиваю на том, чтобы он был рычащим.

— Как пожелаете, сэр, — ответил, сдаваясь, техник.

— Когда ты закончишь с этим, мы поговорим о других моих задумках.

— Других задумках? — Техник бросил на него странный взгляд.

— Высокий стул, — продолжал Янг. — Детская кровать с сеткой. Мохнатая собака. И пуговицы.

— Пуговицы? — спросил техник. — Что такое пуговицы?

— Я все тебе объясню, — небрежно бросил Янг. — Это очень просто.

Когда Янг вошел в комнату, ему показалось, что Риггз и Станфорд уже поджидали его, словно знали, что он придет. Он не стал терять время на вступление и формальности. „Они знают, — сказал он себе. — Знают. Или полагают, что знают. И будут наблюдать за мной. Они наблюдали за мной с того момента, как я подал прошение, встревожились из-за того, что я задумал, или гадают, каков будет мой следующий шаг. Им известно даже то, чего я еще не делал. Они знают об игрушках, мебели и других вещах. Мне нет нужды рассказывать им о своих планах“.

— Мне нужна помощь, — сказал он.

Они кивнули, как будто ожидали, что он попросит о помощи.

— Я хочу построить дом, — объяснил он. — Большой дом. Гораздо больше, чем обычный.

— Мы создадим необходимые проекты, — сказал Риггз. — Что-нибудь еще…

— Дом, — продолжил Янг, — в четыре-пять раз больше обычного. Я имею в виду масштаб. Высота дверей двадцать пять — тридцать футов, и все остальное должно быть выдержано в тех же пропорциях.

— Дом отдельный или могут быть соседи? — спросил Станфорд.

— Отдельный, — сказал Янг.

— Мы позаботимся об этом, — пообещал Риггз. — Оставьте нам необходимые материалы, касающиеся дома.

Янг постоял какое-то время, глядя на них двоих, затем сказал:

— Благодарю вас, джентльмены. Благодарю вас за помощь и понимание, но более всего за то, что не задаете вопросов.

Он медленно повернулся и вышел из комнаты, а они еще некоторое время сидели молча.

— Это должно быть место, которое понравится мальчику, — наконец прервал паузу Станфорд. — Лес, чтобы бегать, ручей, где можно ловить рыбу, и поле, где он может гонять воздушного змея… Что еще?

— Он заказал детскую мебель и игрушки, — сказал Риггз. — Те, что использовали пять тысячелетий назад. Те вещи, которыми он пользовался, когда был ребенком. Но велел сделать их в расчете на взрослого человека.

— Теперь, — сказал Станфорд, — он хочет дом, построенный в тех же пропорциях. Дом, который позволит ему ощутить себя ребенком. Или, во всяком случае, попытаться вернуться в детство. Но сработает ли это, Риггз? Его тело не изменится. Он не в силах заставить его стать другим. Трансформация может произойти только в его воображении.

— Иллюзия, — объявил Риггз. — Иллюзия величины, связанная с ним, ребенком, ползающим по полу. Дверь высотой двадцать пять — тридцать футов… Конечно, ребенок не понимает этого, но Янг уже давно не ребенок. Я не знаю, как он преодолеет это.

— Во-первых, — сказал Станфорд, — он будет знать, что это иллюзия. Однако через некоторое время не станет ли иллюзия реальностью настолько, насколько он себе представит это? Вот поэтому он нуждается в нашей помощи. Поскольку дом в его памяти не закреплен как нечто несоразмерное… Это перейдет из разряда иллюзии в реальность без излишнего напряжения.

— Мы должны держать рот на замке, — кивнул Риггз. — Чтобы избежать любого вмешательства. Это то, что он должен

сделать сам, только сам… Наша помощь в возведении дома должна быть незаметной. Как домовые — если воспользоваться его же термином — мы должны помогать, оставаясь невидимыми. Внедрение кого-либо может вызвать потрясение, которое уничтожит иллюзию и разрушит все его планы.

— Другие уже пытались, — заметил Станфорд. — Многие. С изобретениями и машинами…

— Никто не пытался сделать это, — возразил Риггз, — только силой разума, то есть из одного-единственного желания выкинуть пять тысяч лет из памяти.

— Это может стать его камнем преткновения, — сказал Станфорд. — Старые, давно мертвые воспоминания… Он должен их подавить — не просто захоронить, а избавиться от них, причем на веки вечные.

— Он должен сделать больше, — сказал Риггз. — Необходимо заменить воспоминания тем восприятием мира, какое было у него в детстве. Его разум следует тщательным образом очистить. Янг обязан обновиться и быть готовым прожить еще пять тысяч лет.

Два человека сидели и в глазах друг у друга читали одну и ту же мысль: придет день, когда и они, каждый в отдельности, столкнутся с той же проблемой, что и сейчас Янг.

— Мы должны помочь, — сказал Риггз, — в любом случае мы можем и должны наблюдать за ним. Нужно быть готовыми… Но Эндрю Янг не должен знать ни о нашей помощи, ни о том, что за ним наблюдают. Мы должны заранее приготовить материалы и инструменты и помочь, когда ему будет нужно.

Станфорд хотел было что-то сказать, но заколебался, словно подыскивая нужные слова, а затем передумал и ничего не сказал.

— Что? — спросил Риггз. — Что вы имеете в виду?

— Позже, — заговорил все-таки Станфорд, — гораздо позже, ближе к концу, мы непременно должны будем кое о чем позаботиться. Есть одна вещь, в которой он больше всего нуждается, но о которой пока даже не задумывается. Все остальное уже можно приводить в исполнение — то есть запустить процесс превращения иллюзии в реальность. Все можно создать в воображении, но только одна вещь должна прийти как данность — иначе все усилия пропадут зря.

— Конечно, это то, над чем мы должны тщательно поработать. — Риггз кивнул в знак согласия.

— Если сумеем, — откликнулся Станфорд.

„Желтая пуговица — здесь, красная — там, зеленая не подходит, я брошу ее на пол для смеху. А розовую положу в рот,

и, когда кто-нибудь найдет меня с ней во рту, они всполошатся, так как испугаются, что я проглочу ее. Нет ничего, что нравилось бы мне больше, чем это беспокойство. Особенно когда беспокоятся из-за меня“.

— Уг… — сказал Эндрю Янг и… проглотил пуговицу. Он резко выпрямился на огромном стуле и в ярости швырнул на пол огромных размеров жестяную коробку из-под сдобного печенья. Пуговицы рассыпались. На секунду он почувствовал полное разочарование, а затем его охватило чувство стыда. „Ты большой мальчик, — сказал он себе. — Глупо сидеть на стуле-переростке, играя с пуговицами и лепеча как ребенок, силясь очистить переполненный за пять тысяч лет жизни разум для детских мыслей“.

Он осторожно спустил вниз поднос, затем и сам слез со стула в двенадцать футов высотой.

Комната поглощала его, потолок маячил далеко над ним. Соседи, несомненно, считают его ненормальным, хотя никто и не говорит это вслух. Если задуматься, он не видел соседей уже давно. Ему в голову закралось подозрение. Возможно, они знали, чем он занимается, и, может быть, намеренно, чтобы не смущать, не попадались ему на глаза.

Конечно, это могло произойти в том случае, если они догадались о том, что он делает. Он все ждал… ждал того парня — как же его имя? — из комиссии… Как там она называлась? Итак, он ждал парня, чье имя он не помнил, из комиссии, название которой тоже забыл. Парня, который станет вынюхивать, как он дошел до такого состояния, пообещает помощь и сорвет все его планы.

„Я не могу вспомнить, — жаловался он себе. — Я не могу вспомнить имя человека, которое знал еще вчера. И название той комиссии, которое мне было известно так же хорошо, как собственное имя. Я становлюсь забывчивым. Я становлюсь совершенным ребенком“.

Ребенком?

Ребенком!

Забывчивым ребенком.

„Господи! — думал Эндрю Янг. — Но ведь это как раз то, чего я хочу!“.

Он ползал на коленках, нашаривая и собирая пуговицы, и складывал их в карман. Затем, держа в руках жестяную коробку из-под сдобного печенья, взобрался на высокий стул и, устроившись поудобнее, принялся разбирать пуговицы.

Зеленую — сюда… желтую… у-упс-с… она падает на пол. Так, красную вместе с синей… и эту, и ту… а какого цвета эта?

Цвет? Что это? Что…

— Уже почти пора, — сказал Станфорд, — и мы готовы, готовы, как никогда прежде. Мы войдем, когда настанет время, но не слишком скоро, лучше опоздать немного, чем поспешить. У нас есть все, что нужно. Специальные пеленки большого размера…

— Бог мой! — воскликнул Риггз. — Надеюсь, это не зайдет так далеко.

— Должно, — ответил Станфорд. — Это должно зайти как можно дальше, чтобы сработать. Вчера Янг заблудился. Один из наших людей нашел его и привел домой. Янг не имел ни малейшего представления о том, где был. Он слегка напугался и даже всплакнул, потом болтал о птицах и цветах и настаивал, чтобы наш человек остался и поиграл с ним.

Риггз тихо рассмеялся.

— Он остался?

— Конечно. И вернулся в полном изнеможении.

— Еда? — спросил Риггз. — Как он питается?

— Мы видели там запасы продуктов, булочки, печенье… Все сложили внизу, чтобы он мог без труда достать. Один из роботов регулярно готовит особо питательную пищу и оставляет ее там, где Янгу легко найти ее. Мы вынуждены быть осторожными — нельзя мелькать слишком часто, нельзя давить на него. У меня такое чувство, что он почти достиг некой поворотной точки. Мы не можем сорвать все теперь, когда он зашел так далеко.

— Андроид готов?

— Почти, — сказал Станфорд.

— И приятели для игр?

— Готовы. С ними проблем меньше.

— Больше мы ничего не можем сделать?

— Ничего, — ответил Станфорд. — Теперь остается только ждать. Янг далеко продвинулся вперед благодаря одной только силе воли — теперь воля исчезла. Он не может заставить себя повернуть обратно. Теперь он больше ребенок, чем взрослый мужчина. Он создал момент регресса — вопрос только в том, хватит ли этого, чтобы провести Янга через этот путь обратно к младенчеству?

— Должно дойти до этого? — Риггз выглядел несчастным: похоже, он думал о своем будущем. — Вы ведь только предполагаете, не правда ли?

— Должен быть пройден весь путь, или это просто незачем было затевать, — поучительным тоном произнес Станфорд. — Следует начинать с чистого листа и пройти весь путь — в

противном случае ничего не получится.

— Что произойдет, если он застрянет посередине пути? Наполовину ребенок, наполовину взрослый человек — что тогда?

— Об этом я не хочу даже думать, — негромко откликнулся Станфорд.

Он потерял своего любимого медвежонка и отправился искать его в сумерках, заполненных иллюзорными вспышками огоньков. Мир затих перед сном. Трава была мокрой от росы. Он чувствовал, как холодная влага просачивается в его туфли. В поисках пропавшей игрушки он подошел к цветущей живой изгороди.

Это было необходимо, уговаривал он себя, необходимо, чтобы отыскать милого маленького медвежонка — иначе тому придется провести ночь в одиночестве. Он старался не признаваться себе, даже глубоко в душе, что скорее это он сам нуждается в медвежонке, а не медвежонок в нем.

В какой-то ужаснувший его момент совсем низко пролетела летучая мышь в погоне за жужжащей целью — шарик мрака в сгущавшихся сумерках. Он присел на корточки, съежившись от внезапного ужаса, пришедшего из ночи. Горло его сжало от страха, и теперь он воспринимал огромный темный сад как незнакомое место, где скрываются поджидающие его тени.

По-прежнему не решаясь подняться, он всеми силами старался побороть тот непонятный страх, который вырастал за каждым кустом и скалился из каждого темного угла. Где-то в мозгу оставался маленький тайный уголок, который знал, что летучая мышь — это не более чем летучая мышь и что тени в саду — только отсутствие света.

Он знал, что не должен бояться, что для этого нет никаких оснований. Об этом говорили здравый смысл и те знания, которых теперь у него не было. Само их наличие казалось невероятным — ведь он едва ли достиг двухлетнего возраста. Он попытался произнести эти два слова: „двухлетний возраст“. Что-то случилось с его языком и губами — они отказывались повиноваться.

Он пытался определить смысл этих слов, объяснить самому себе, что он подразумевал под двухлетним возрастом… И в какой-то момент ему показалось, что он понял значение пришедшего в голову словосочетания, но понимание тут же вновь ускользнуло…

Летучая мышь вернулась и он, дрожа, еще ниже пригнулся к земле, а потом испуганно поднял глаза, стреляя ими в разные стороны, и самым краешком заметил сияющий огнями дом. Он знал, что это убежище.

— Дом, — сказал он.

Слово звучало неправильно, не само слова, а то, как он его произносил.

Он побежал к дому на дрожащих, неуверенных ногах, и перед ним выросла огромная дверь с ручкой, расположенной слишком высоко. Но был и другой вход — маленькая дверка в большой двери, та, которую обычно делают для кошек, собак и иногда для маленьких детей. Он пробрался в нее и сразу почувствовал уют и безопасность дома. Уют, безопасность и одиночество.

Он нашел своего любимого медвежонка, поднял его, прижал к груди. И только почувствовав прикосновение к коже шершавой спины, он пришел наконец в себя от пережитого ужаса. Что-то не так. Что-то совсем не так. Что-то идет не так, как должно.

Это не сад, не темные кусты или пикирующая крылатая тень, которая пришла из ночи. Это что-то еще — нечто такое, что он упустил, что должно быть здесь — и отсутствует.

Сжимая медвежонка, он сидел, цепенея от страха, и лихорадочно пытался заставить разум найти ответ. Что же не так? Ответ существовал, он был в этом уверен. Как и в том, что знал его когда-то. Когда-то он мог понять, что ему нужно, почувствовать, но не определить.

Янг еще крепче сжал медвежонка и съежился в темноте, наблюдая за лунным светом, который падал в окно высоко над его головой и высвечивал на полу яркий квадрат. Он поднял лицо, уставился в черноту и увидел белый шар Луны, смотревшей на него и будто следившей за ним. Луна, казалось, подмигнула ему — и он радостно засмеялся.

За его спиной со скрипом открылась дверь. Он обернулся. Кто-то стоял в проеме, почти полностью заполняя его собой. Красивая женщина. И она улыбалась. Даже в темноте он смог почувствовать нежность улыбки и увидеть сияние ее золотистых волос.

— Время кушать, Энди, — сказала женщина. — Пора кушать, мыться и идти спать.

Эндрю Янг радостно вскочил на ноги и протянул к ней руки — счастливый, наконец-то довольный жизнью.

— Мама! — закричал он. — Мама!.. Луна!.. — Он поманил ее пальцем. Женщина, мягко ступая по полу, подошла ближе, опустилась перед ним на колени и обняла его, крепко прижав к себе. Щекой к щеке. Он вновь посмотрел на Луну. Самым удивительным было то, что яркая золотая Луна светила теперь как-то по-новому.

Снаружи, на улице, стояли Станфорд и Риггз. Они смотрели

на огромный дом, возвышавшийся над деревьями.

— Он теперь там, — сказал Станфорд. — Все спокойно, значит, все должно быть хорошо.

— Он плакал в саду, — отозвался Риггз. — Он в ужасе побежал в дом. И, должно быть, перестал плакать, только когда она вошла.

Станфорд кивнул.

— Я боялся, что мы опоздали с этим, но, по правде говоря, даже не представляю, как можно было сделать это раньше. Любое внешнее воздействие разрушило бы все, чего он достиг. Ее появление действительно было необходимо. Теперь все хорошо. Время выбрано верно.

— Вы уверены, Станфорд?

— Уверен. Конечно уверен. Мы создали и натренировали андроида. Мы снабдили ее личность глубоким чувством материнства. Она знает все, что следует делать. Она почти человек и практически абсолютно схожа с обычной человеческой матерью восемнадцати футов ростом. Мы не знали, как выглядела мать Янга, и надеялись лишь на то, что он тоже не помнит ее. С годами его память идеализировала образ. Это все, что мы могли сделать. Мы создали идеальную мать.

— Если только это сработает.

— Сработает, — заверил Станфорд. — Несмотря на нехватку времени, мы методом проб и ошибок определили верное направление поиска. Так что все будет в порядке. До сих пор он сражался один. Теперь он может прекратить борьбу и снять с себя ответственность. Этого достаточно, чтобы провести его через самую трудную часть проблемы и перенести его в безопасное и защищенное второе детство, которое у него должно быть. Теперь пришла пора расслабиться и наслаждаться жизнью. Есть тот, кто будет думать и заботиться о нем. Возможно, он продвинется несколько дальше… почти приблизится к колыбели. И это хорошо, чем дальше он зайдет, тем в большей степени очистится память.

— А потом? — волнуясь, спросил Риггз.

— Потом он сможет снова пройти путь взросления.

Они стояли и молча наблюдали.

В огромном доме огни в окнах кухни светились уютом.

„Я тоже… — думал Станфорд. — Когда-нибудь… И мне предстоит то же самое… Янг указал путь нам, миллиардам — здесь, на Земле, и по всей Галактике. Он проложил дорогу. Будут другие, и им окажут больше помощи. Мы научимся делать это лучше.

Нам есть над чем поработать.

Еще тысяча лет или около того — и я тоже отправлюсь обратно, в свое детство — обратно к колыбели, детским мечтам, под защиту материнских объятий…“

Будущее наконец перестало его пугать.

Ветер чужого мира
Beachhead
Перевод: А. Корженевский

*Первоначально этот рассказ был опубликован в июльском номере журнала Fantastic Adventures за 1951 год под названием "You'll Never Go Home Again" (Ты больше никогда не вернешься домой). Но дневники автора говорят о том, что Клифф Саймак отправил его своему агенту под названием "*Beachhead" (*Плацдарм), и именно так он появился в последующих сборниках. Таким образом, история была впервые защищена авторским правом под прежним названием, но здесь она появляется под этим вторым названием.*

"Похоже, это интересный мир", - сказал антрополог.

— dww

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки, этот четкий, отлаженный механизм, созданный и снаряженный для одной лишь цели — занять на чужой планете плацдарм, уничтожив вокруг корабля все живое, и основать базу, где было бы достаточно места для выполнения задачи. А если придется, удерживать и защищать плацдарм от кого бы то ни было до самого отлета.

Как только на планете появляется база, приступают к работе ученые. Исследуется все до мельчайших подробностей. Они делают записи на пленку и в полевые блокноты, снимают и замеряют, картографируют и систематизируют до тех пор, пока не получается стройная система фактов и выводов для галактических архивов.

Если встречается жизнь, что в галактике не редкость, ее исследуют так же тщательно, особенно реакцию на людей. Иногда реакция бывает яростной и враждебной, иногда почти незаметной, но не менее опасной. Однако легионеры и роботы всегда готовы к любой сложной ситуации, и нет для них неразрешимых задач.

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки.

Том Деккер сидел в пустой рубке и вертел в руках высокий стакан с кубиками льда, наблюдая, как из трюмов корабля

выгружается первая партия роботов. Они вытянули за собой конвейерную ленту, вбили в землю опоры и приладили к ним транспортер.

Дверь за его спиной открылась с легким щелчком, и Деккер обернулся.

— Разрешите войти, сэр? — спросил Дуг Джексон.

— Да, конечно.

Джексон подошел к большому изогнутому иллюминатору.

— Что же нас тут ожидает? — произнес он.

— Еще одно обычное задание, — пожал плечами Деккер. — Шесть недель. Или шесть месяцев. Все зависит от того, что мы обнаружим.

— Похоже, здесь будет посложнее, — сказал Джексон, усаживаясь рядом с ним. — На планетах с джунглями всегда трудно.

— Это работа. Просто еще одна работа. Еще один отчет. Потом сюда пришлют либо эксплуатационную группу, либо переселенцев.

— Или, — возразил Джексон, — поставят отчет на пыльную полку архива и забудут.

— Это уже их дело. Наше дело — его подготовить. Что с ним будет дальше, нас не касается.

За иллюминатором первые шесть роботов сняли крышку с контейнера и распаковали седьмого. Затем, разложив рядом инструменты, собрали его, не тратя ни одного лишнего движения, вставили в металлический череп мозговой блок, включили и захлопнули дверцу на груди. Седьмой встал неуверенно, постоял несколько секунд и, сориентировавшись, бросился к транспортеру помогать выгружать контейнер с восьмым.

Деккер задумчиво отхлебнул из своего стакана. Джексон зажег сигарету.

— Когда-нибудь, — сказал он, затягиваясь, — мы наверняка встретим что-то такое, с чем мы сможем справиться.

Деккер фыркнул.

— Может быть, даже здесь, — настаивал Джексон, разглядывая кошмарные джунгли за иллюминатором.

— Ты романтик, — резко ответил Деккер. — Кроме того, ты молод: все еще мечтаешь о неожиданностях. Десяток раз слетаешь, и это у тебя пройдет.

— Но все-таки то, о чем я говорю, может случиться.

Деккер сонно кивнул.

— Может. Никогда не случалось, но, наверное, может. Впрочем, стоять до последнего не наша задача. Если нас ждет тут что-нибудь такое, что нам не по зубам, мы долго на этой планете

не задержимся. Риск — не наша специальность.

Корабль покоился на вершине холма посреди маленькой поляны, буйно заросшей травой и кое-где экзотическими цветами. Рядом лениво текла река, неся сонные темно-коричневые воды сквозь опутанный лианами огромный лес. Вдаль, насколько хватало глаз, тянулись джунгли, мрачная сырая чаща, которая даже через стекло иллюминатора, казалось, дышала опасностью. Животных не было видно, но никто не мог знать, какие твари прячутся в темных норах или в кронах деревьев.

Восьмой робот включился в работу. Теперь уже две группы по четыре робота вытаскивали контейнеры и собирали новые механизмы. Скоро их стало двенадцать — три рабочие группы.

— Вот так! — возобновил разговор Деккер, кивнув на иллюминатор. — Никакого риска. Сначала роботы. Они распаковывают и собирают друг друга. Затем все вместе устанавливают и подключают технику. Мы даже не выйдем из корабля, пока вокруг не будет надежной защиты.

Джексон вздохнул.

— Наверное, вы правы. С нами действительно ничего не может случиться. Мы не упускаем ни одной мелочи.

— А как же иначе? — Деккер поднялся с кресла и потянулся. — Пойду займусь делами. Последние проверки и все такое…

— Я вам нужен, сэр? — спросил Джексон. — Я бы хотел посмотреть. Все это для меня ново…

— Нет, не нужен. А это… это пройдет. Еще лет двадцать, и пройдет.

На столе у себя в кабинете Деккер обнаружил стопку предварительных отчетов и неторопливо просмотрел их, запоминая все особенности мира, окружавшего корабль. Затем некоторое время работал, листая отчеты и складывая прочитанные справа от себя лицевой стороной вниз.

Давление атмосферы чуть выше, чем на Земле. Высокое содержание кислорода. Сила тяжести немного больше земной. Климат жаркий. На планетах-джунглях всегда жарко. Снаружи слабый ветерок. Хорошо бы он продержался… Продолжительность дня тридцать шесть часов. Радиация: местных источников нет, но случаются вспышки солнечной активности. Обязательно установить наблюдение… Бактерии, вирусы: как всегда на таких планетах, много. Но очевидно, никакой опасности. Команда напичкана прививками и гормонами по самые уши. Хотя до конца, конечно, уверенным быть нельзя. Минимальный риск есть, ничего не поделаешь. И если вдруг

найдется какой-нибудь настырный микроб, способы защиты придется искать прямо здесь… Растительность и почва наверняка просто кишат микроскопической живностью. Скорее всего, вредной. Но это уже будничная работа. Полная проверка. Почву необходимо проверять, даже если на планете нет жизни. Хотя бы для того, чтобы удостовериться, что ее действительно нет…

В дверь постучали, и вошел капитан Карр, командир подразделения Легиона. Деккер ответил на приветствие, не вставая из-за стола.

— Разрешите доложить, сэр! — четко произнес Карр. — Легион готов к высадке!

— Отлично, капитан. Отлично, — ответил Деккер.

"Какого черта ему надо? Легион всегда готов и всегда будет готов — это естественно. Зачем такие формальности?"

Наверное, виной тому характер Карра. Легион с его жесткой дисциплиной, давними традициями и гордостью за них всегда привлекал таких людей, давая им возможность отшлифовать врожденную педантичность.

Оловянные солдатики высшего качества. Тренированные, дисциплинированные, вакцинированные против любой известной и неизвестной болезни, натасканные в чужой психологии земляне с огромным потенциалом выживания, выручающим их в самых опасных ситуациях…

— Некоторое время мы еще не будем готовы, капитан, — сказал Деккер. — Роботы только начали сборку.

— Жду ваших приказаний, сэр!

— Благодарю вас, капитан. — Деккер дал понять, что хочет остаться один. Но когда Карр подошел к двери, он снова подозвал его.

— Да, сэр!

— Я подумал… — медленно произнес Деккер. — Просто подумал… В состоянии ли вы представить себе ситуацию, с которой Легион не смог бы справиться?

— Боюсь, я не понимаю вашего вопроса, сэр.

Глядеть на Карра в этот момент было сплошное удовольствие. Деккер вздохнул.

— Я и не предполагал, что вы поймете.

К вечеру все роботы и кое-какие механизмы были уже собраны. Появились и первые автоматические сторожевые посты. Огнеметы выжгли вокруг корабля кольцо около пятисот футов диаметром, а затем в ход пошел генератор жесткого излучения, заливший землю внутри кольца безмолвной смертью. Ужасное зрелище: почва буквально вскипела живностью в последних

бесплодных попытках избежать гибели. Роботы собрали огромные батареи ламп, и на вершине холма стало светлее, чем днем. Подготовка к высадке продолжалась, но ни один человек еще не ступил на землю новой планеты.

В тот вечер робот-официант установил столы в галерее, с тем чтобы люди во время еды могли наблюдать за ходом работ снаружи. Вся группа — разумеется, кроме легионеров, которые оставались в своих каютах, — уже собралась к ужину, когда в отсек вошел Деккер.

— Добрый вечер, джентльмены!

Он сел во главе стола, после чего расселись по старшинству и все остальные.

Деккер сложил перед собой руки и склонил голову, собираясь произнести привычные, заученные слова. Он задумался, и, когда заговорил, слова ему самому показались неожиданными.

— Отец наш, мы, слуги твои в неизведанной земле, находимся во власти греховной гордыни. Научи нас милосердию и приведи нас к знанию. Ведь люди, несмотря на дальние их путешествия и великие их дела, все еще дети твои. Благослови хлеб наш, господи. И не оставь без сострадания. Аминь.

Деккер поднял голову и взглянул вдоль стола. Кого-то, он заметил, его слова удивили, кого-то позабавили. Возможно, они думают, что старик не выдерживает, кончается. Может быть, и так. Хотя до полудня он чувствовал себя в полном порядке… Все этот молодой Джексон…

— Прекрасные слова, сэр, — сказал наконец Макдональд, главный инженер группы. — Среди нас есть кое-кто, кому не мешало бы прислушаться и запомнить их. Благодарю вас, сэр.

Вдоль стола начали передавать блюда и тарелки, и постепенно галерея оживилась домашним звоном хрусталя и серебра.

— Похоже, здесь будет интересно, — начал разговор Уолдрон, антрополог по специальности. — Мы с Диксоном стояли на наблюдательной палубе как раз перед заходом солнца, и нам показалось, что мы видели у реки какое-то движение. Что-то живое…

— Было бы странно, если б мы здесь никого не нашли, — ответил Деккер, накладывая себе обжаренный картофель. — Когда сегодня облучали площадку, в земле оказалось полно всяких тварей.

— Существа, которых мы с Уолдроном видели, напоминали людей.

Деккер посмотрел на биолога с интересом.

— Вы уверены?

Диксон покачал головой.

— Видно было неважно, но двоих или троих мне все-таки удалось разглядеть. Этакие спичечные человечки.

— Как дети рисуют, — кивнул Уолдрон. — Одна палка — туловище, две — ножки, еще две — ручки, кружок — голова. Угловатые такие, тощие…

— Но двигаются красиво, — добавил Диксон. — Мягко, плавно, как кошки.

— Ладно, скоро узнаем, кто это такие. Через день-два мы их найдем, — ответил Деккер.

Забавно. Почти на каждой планете кто-нибудь сразу "находит" гуманоидов, и почти всякий раз они оказываются игрой воображения. Люди часто выдают желаемое за действительное. Что ж, вполне понятное желание — вдали от своих, на чужой планете найти жизнь, которая хотя бы на первый взгляд напоминала что-то знакомое. Но, как правило, представители гуманоидной расы, если таковая встречалась, оказывались настолько отталкивающими и чужими, что по сравнению с ними даже земной осьминог кажется родным и близким.

— Я все думаю о том горном массиве к западу, — вступил в разговор Фрейни, начальник геологической группы, — который мы видели при подлете. Похоже, горы образовались сравнительно недавно, а это всегда удобней для работы: легче добраться до того, что скрыто внутри.

— Первая разведка будет в том направлении, — неожиданно решил Деккер.

Яркие огни снаружи вселяли в ночь новую жизнь. Собирались огромные механизмы. Четко двигались роботы. Машины поменьше суетились, как напуганные жуки. С южной стороны все полыхало, а небо озарялось всплесками пламени, вырывающегося из огнеметов.

— Доделывают посадочное поле, — произнес Деккер. — Там осталась полоса джунглей, но она ровная, как пол. Еще немного, и поле тоже будет готово.

Робот принес кофе, бренди и сигары. Расположившись поудобней, Деккер и все остальные продолжали наблюдать за работой снаружи.

— Ненавижу это ожидание, — нарушил молчание Фрейни.

— Часть работы. Ничего не поделаешь, — ответил Деккер и подлил в кофе еще бренди.

К утру все машины были собраны. Одни уже выполняли какие-то задания, другие стояли наготове. Огнеметы закончили свою работу, и по их маршрутам ползали излучатели. На

подготовленном поле стояли несколько реактивных самолетов. Примерно половина от общего числа роботов, закончив порученные дела, построилась в аккуратную прямоугольную колонну.

Наконец опустился наклонный трап, и по нему сошли на землю легионеры. В колонну по два, с блеском и грохотом, с безукоризненной точностью, способной посрамить даже роботов. Конечно, без знамен и барабанов, поскольку пользы от них никакой, а Легион, несмотря на пристрастие к блеску и показухе, организация крайне эффективная. Колонна развернулась, вытянулась в линию и разбилась по взводам, которые тут же направились к границам базы. Машины, роботы и легионеры заняли посты. Земля подготовила плацдарм еще на одной планете.

Роботы быстро и деловито собрали открытый павильон из полосатого брезента, разместили в тени столы, кресла, втащили туда холодильник с пивом и льдом.

Теперь и обычные люди могли покинуть безопасные стены корабля.

"Организованность, — с гордостью произнес про себя Деккер, окидывая базу взглядом. — Организованность и эффективность! Ни одной лазейки для случайностей! Любую лазейку заткнуть еще до того, как она станет лазейкой! Подавить любое сопротивление, пока оно не выросло! Абсолютный контроль на плацдарме!"

Конечно, позже может что-то случиться. Всего не предусмотришь. Будут выездные экспедиции, и даже под защитой роботов и легионеров остается какой-то риск. Будет воздушная разведка, картографирование, и все это тоже несет в себе элемент риска. Однако опасность сведена к минимуму.

И всегда будет база. Абсолютно надежная и неприступная база, куда при случае можно отступить и откуда, если понадобится, можно контратаковать или прислать подкрепление.

Все продумано! Неожиданностей быть не должно!

И что на него такое вчера нашло?.. Наверное, это из-за молодого Джексона. Способный биохимик, конечно, но не для межпланетной разведки. Видимо, что-то где-то не сработало: отборочная комиссия должна была выявить его эмоциональную неустойчивость. Не то чтобы он мог помешать делу, но на нервы действует…

Деккер выложил на стол в павильоне целую кучу документов, затем нашел среди них карту, развернул ее и разгладил большим пальцем сгибы. На карте была нанесена лишь часть реки и горного хребта. Базу обозначал перечеркнутый крестом квадрат, а

все остальное пространство оставалось пустым.

Но это не надолго. Через несколько дней у них будут полные карты.

С поля рванулся в небо самолет, плавно развернулся и ушел на запад. Деккер выбрался из павильона и посмотрел ему вслед. Должно быть, это Джарвис и Донелли, назначенные в первый полет в юго-западный сектор между базой и горным хребтом.

Еще один самолет поднялся в воздух, выбрасывая за собой огненный хвост, набрал скорость и скрылся вдали. Фриман и Джонс.

Деккер вернулся к столу, опустился в кресло и, взяв карандаш, принялся рассеянно постукивать по почти пустой карте. За спиной взмыл в небо еще один самолет.

Он снова окинул базу взглядом, и теперь она уже не казалась ему выжженным полем. Что-то теперь чувствовалось здесь земное. Эффективность, здравый смысл, спокойно работающие люди.

Кто-то с кем-то спорил, кто-то готовил приборы, обсуждая с роботами возникшие по ходу дела вопросы. Другие просто осматривались, привыкали.

Деккер удовлетворенно улыбнулся. Способная у него команда. Большинству из них придется подождать возвращения первой разведки, но даже сейчас они не выглядели праздно.

Позже будут взяты пробы почвы. Роботы поймают и доставят животных, которых потом сфотографируют и подвергнут изучению по полной программе. Деревья, травы, цветы — все будет описано и классифицировано. Вода в реке, ее обитатели…

И все это только здесь, в районе базы, пока не поступят новые данные разведки, указывающие, на что еще следует обратить внимание.

Когда придут эти данные, начнется настоящая, большая работа. Геологи и минералоги займутся полезными ископаемыми. Появятся метеорологические станции. Ботаники и биологи возьмутся за сбор сравнительных образцов. Каждый будет выполнять работу, к которой его готовили. Отовсюду пойдут доклады, и со временем из них сложится стройная, точная картина жизни планеты.

Работа. Много работы днем и ночью. И все это время база будет их маленьким кусочком Земли, неприступным для любых сил чужого мира.

Деккер сидел, развалясь в кресле. Легкий ветер шевелил полог павильона, шелестел бумагами на столе и ерошил волосы. "Хорошо, — подумалось Деккеру, — но, наверное, это ненадолго".

Когда-нибудь он найдет себе уютную планету, райский уголок с неизменно прекрасной погодой, где все, что нужно,

растет на деревьях, а местные жители умны и общительны. Он просто откажется улететь, когда корабль приготовится к старту, и проживет свои последние дни вдали от проблем этой проклятой галактики, истощенной голодом, свихнувшейся от дикости и такой одинокой, что трудно передать словами…

Деккер очнулся от своих странных мыслей и увидел перед собой Джексона.

— В чем дело, Джексон? — с неожиданной резкостью спросил он. — Почему ты не…

— Местного привели, сэр! — выдохнул Джексон. — Из тех, кого видели Диксон и Уолдрон.

Абориген оказался человекоподобным, но на людей Земли он походил мало. Как сказал Диксон, спичечный человечек. Живой рисунок четырехлетнего ребенка. Весь черный, совершенно без одежды, но в глазах, смотревших на Деккера, светился огонек разума.

Глядя в эти глаза, Деккер чувствовал себя неуютно и скованно, но вокруг в ожидании молча стояли его люди, и он медленно потянулся к одному из шлемов ментографа. Когда пальцы Деккера коснулись гладкой поверхности, на него снова накатило смутное, но сильное нежелание надевать шлем. Контакт или попытка контакта с чужим разумом всегда вызывала у него это тревожное чувство. Что-то каждый раз боязливо сжималось у него внутри, видимо, потому, что такой непосредственный, близкий контакт был чужд человеческой природе.

Деккер медленно взял шлем в руки, надел на голову и жестом предложил "гостю" второй. Пауза затягивалась, глаза аборигена внимательно следили за его действиями. "Он нас не боится, — подумал Деккер. — Настоящая первобытная храбрость. Вот так стоять посреди незнакомого, которое расцвело почти за одну ночь на его земле… Стоять, не дрогнув, в кругу существ, которые, должно быть, кажутся ему пришельцами из кошмара…"

Наконец абориген сделал шаг к столу, взял шлем и неуверенно пристроил прибор на голову, ни на секунду не отрывая взгляда от человека.

Деккер попытался расслабиться, одновременно внушая себе мысли о мире и спокойствии. Надо быть очень внимательным, чтобы не испугать это существо, и сразу продемонстрировать дружелюбие. Малейший оттенок резкости может испортить все дело.

Уловив первое дуновение мысли спичечного человечка, Деккер почувствовал ноющую боль в груди. Что-то снова сжалось у него внутри, но ему вряд ли бы удалось передать свои

ощущения словами — слишком все было чужое, предельно чужое.

— Мы друзья, — заставил он себя думать, борясь с подступающей чернотой отвращения. — Мы друзья. Мы друзья. Мы…

— Вам не следовало сюда прилетать, — послышалась ответная мысль.

— Мы не причиним вам зла, — думал Деккер. — Мы друзья. Мы не причиним вам зла. Мы…

— Вы никогда не улетите отсюда.

— Мы предлагаем дружбу, — продолжал Деккер. — У нас есть для вас подарки. Мы вам поможем…

— Вам не следовало прилетать сюда, — настойчиво звучала мысль аборигена. — Но раз вы уже здесь, теперь вам не улететь.

— Ладно, хорошо, — Деккер решил не спорить с ним. — Мы останемся и будем друзьями. Будем учить вас. Дадим вам вещи, которые привезли с собой, и останемся здесь с вами.

— Вы никогда не улетите отсюда, — звучало в ответ, и было в этой мысли что-то холодное, окончательное. Деккеру стало не по себе. Абориген действительно верил в то, что говорил. Не пугал и не преувеличивал. Он даже не сомневался, что им не удастся улететь с планеты… — Вы умрете здесь!

— Умрем? — переспросил Деккер. — Как это понимать?

В ответ он почувствовал лишь презрение. Спичечный человек снял шлем, аккуратно положил, повернулся и вышел. Никто не сдвинулся с места, чтобы остановить его. Деккер бросил свой шлем на стол.

— Джексон, сообщите легионерам из охраны, чтобы его выпустили. Не пытайтесь помешать ему уйти.

Он откинулся в кресле и посмотрел на окружавших его людей.

— Что случилось, сэр? — спросил Уолдрон.

— Он приговорил нас к смерти, — ответил Деккер, — сказал, что мы не улетим с этой планеты, что мы здесь умрем.

— Сильно сказано.

— И без тени сомнения, — произнес Деккер, потом небрежно махнул рукой. — Видимо, он просто не понимает, что им не под силу остановить нас, если мы захотим улететь. Он убежден, что мы здесь умрем.

В самом деле, забавная ситуация. Выходит из лесу голый гуманоид и угрожает всей земной разведывательной группе. Причем так в себе уверен… Но на лицах, обращенных к Деккеру, не было ни одной улыбки.

— Они ничего не могут нам сделать, — сказал Деккер.

— Тем не менее, — предложил Уолдрон, — следует принять

меры.

— Мы объявим готовность номер один и усилим посты, — кивнул Деккер. — До тех пор, пока не удостоверимся…

Он запнулся и умолк. В чем, собственно, они должны удостовериться? В том, что голые аборигены без всяких признаков материальной культуры не смогут уничтожить группу землян, защищенных стальным периметром, машинами, роботами, солдатами, знающими все, что положено знать для немедленного и безжалостного устранения любого противника?

Чертовщина какая-то!

И все же в этих глазах светился разум. Разум и смелость. Он выстоял, не дрогнув, в кругу совершенно чужих для него существ. Сказал, что должен был сказать, и ушел с достоинством, которому землянин мог бы позавидовать. Очевидно, он догадался, что перед ним существа с другой планеты, поскольку сам сказал, что им не следовало прилетать…

— О чем ты думаешь? — спросил Деккер Уолдрона.

— Раз мы предупреждены, надо вести себя со всеми возможными предосторожностями. Но пугаться нечего. Мы в состоянии справиться с любой опасностью.

— Это блеф, — вступил в разговор Диксон. — Нас хотят испугать, чтобы мы улетели.

— Не думаю, — покачал головой Деккер. — Он был так же уверен в себе, как и мы.

Работа продолжалась. Никто не атаковал. Самолеты вылетали по графику, и постепенно экспедиционные карты заполнялись многочисленными подробностями. Полевые партии делали осторожные вылазки. Роботы и легионеры сопровождали их по флангам, тяжелые машины прокладывали путь, выжигая дорогу в самых недоступных местах. Автоматические метеостанции, разбросанные по окрестностям, регулярно посылали доклады о состоянии погоды для обработки на базе.

Несколько полевых партий вылетели в дальние районы для более детального изучения местности.

По-прежнему не происходило ничего особенного.

Шли дни. Недели. Роботы и машины несли дежурство. Легионеры всегда были наготове. Люди торопились сделать работу и улететь обратно.

Сначала нашли угольный пласт, затем месторождение железной руды. В горах обнаружились радиоактивные материалы. Ботаники выявили двадцать семь видов съедобных фруктов. База кишела животными, пойманными для изучения и со временем ставшими чьими-то любимцами.

Нашли деревню спичечных людей. Маленькая грязная деревенька с примитивными хижинами. Жители казались мирными.

Экспедицию к местным жителям возглавил Деккер.

С оружием наготове, медленно, без громких разговоров люди вошли в деревню. Местные сидели около своих домов и молча наблюдали за людьми, пока те не дошли до самого центра поселения. Там роботы установили стол и поместили на него ментограф. Деккер сел за стол и надел шлем ментографа на голову. Остальные встали в стороне. Деккер ждал.

Прошел час. Аборигены сидели не шевелясь.

Наконец Деккер снял шлем и устало произнес:

— Ничего не выйдет. Займитесь фотографированием. Только не тревожьте местных и ничего не трогайте.

Он достал платок и вытер вспотевшее лицо. Подошел Уолдрон.

— И что вы обо всем этом думаете?

Деккер покачал головой.

— Меня постоянно преследует одна мысль. Мне кажется, что они уже сказали нам все, что хотели сказать. И больше разговаривать не желают. Странная мысль… Наверное, ерунда.

— Не знаю, — ответил Уолдрон. — Здесь вообще многое не так. Я заметил, что у них совсем нет металла. Кухонная утварь каменная, инструменты — тоже. И все-таки это развитая культура.

— Они, безусловно, развиты, — сказал Деккер. — Посмотри, как они за нами наблюдают. Совершенно без страха. Просто ждут. Спокойны и уверены в себе. И тот, который приходил на базу, знал, что нужно делать со шлемом…

— Уже поздно. Нам лучше вернуться на базу, — помолчав немного, произнес Уолдрон и взглянул на запястье. — Мои часы остановились. Сколько на ваших?

Деккер поднес руку к глазам, и Уолдрон услышал судорожный удивленный вдох. Деккер медленно поднял голову и посмотрел на Уолдрона.

— Мои… тоже, — голос его был едва слышен.

Какое-то мгновение они сидели неподвижно, напуганные явлением, которое в других обстоятельствах могло бы вызвать лишь неудобство и раздражение. Затем Уолдрон вскочил и повернулся лицом к людям.

— Общий сбор! — закричал он. — Возвращаемся! Немедленно!

Земляне сбежались тут же. Роботы выстроились по краям, и колонна быстрым маршем покинула деревню. Аборигены

проводили их взглядами, но никто не тронулся с места.

Деккер сидел в своем походном кресле, прислушиваясь к шелесту брезента на ветру. Лампа, висевшая над головой, раскачивалась, отчего по павильону бегали тени, и временами казалось, что это живые существа. Рядом с павильоном неподвижно стоял робот.

Деккер протянул руку и потрогал пальцем маленькую кучку колесиков и пружинок, лежавших на столе.

Все это странно. Странно и зловеще.

На столе лежали детали часов. Не только его и Уолдрона, но и всех остальных участников экспедиции. Ни одни из них не работали.

Наступила ночь, но на базе продолжалась лихорадочная деятельность. Постоянно двигались люди, то исчезая во мраке, то снова появляясь на освещенных участках под ярким светом прожекторов. В суетливых действиях людей чувствовалась какая-то обреченность, хотя все они понимали, что им решительно нечего бояться. Во всяком случае, пока не появится нечто конкретное, на что можно указать пальцем и крикнуть: "Вот — опасность!"

Известен лишь простой факт. Все часы остановились. Простой факт, для которого должно быть простое объяснение.

Но только на чужой планете ни одно явление нельзя считать простым и ожидать простого объяснения. Поскольку здесь причины, следствия и вероятность событий могут быть совершенно иными, нежели на Земле.

Есть всего одно правило — избегать риска. Единственное правило, которому надо повиноваться в любой ситуации. И повинуясь ему, Деккер приказал вернуть все полевые партии и приготовить корабль к взлету. Роботам — быть готовым к немедленной погрузке оборудования. После этого оставалось только ждать. Ждать, когда вернутся из дальних галерей полевые партии. Ждать, пока не появится объяснение странному поведению часов.

Панике, конечно, поддаваться не из-за чего, но явление нужно признать, оценить, объяснить. Нельзя же, в самом деле, вернуться на Землю и сказать: "Вы понимаете, наши часы остановились, и поэтому…"

Рядом послышались шаги, и Деккер резко обернулся.

— В чем дело, Джексон?

— Дальние лагеря не отвечают, сэр, — произнес Джексон. — Мы пытались связаться с ними по радио, но не получили ответа.

— Они ответят, обязательно ответят через какое-то время, —

сказал Деккер, хотя совсем не чувствовал в себе уверенности, которую пытался передать подчиненному. На мгновение он ощутил подкативший к горлу комок страха, но быстро с собой справился.

— Сядь. Я прикажу принести пива, а затем мы вместе сходим в радиоцентр и посмотрим, что там происходит, — сказал он и, повернувшись к стоящему неподалеку роботу, потребовал:

— Пиво сюда. Два пива.

Робот не ответил.

Деккер повысил голос, но робот не тронулся с места.

Пытаясь встать, Деккер оперся сжатыми кулаками о стол, но вдруг почувствовал слабость в ногах и упал обратно в кресло.

— Джексон, — выдохнул он. — Пойди постучи его по плечу и скажи, что мы хотим пива.

С побледневшим лицом Джексон подошел к роботу и легонько постучал того по плечу. Потом ударил сильнее, и робот, не сгибаясь, рухнул на землю.

Снова послышались торопливые приближающиеся шаги. Деккер, вжавшись в кресло, ждал. Оказалось, это Макдональд, главный инженер.

— Корабль, сэр… Наш корабль…

Деккер, глядя в сторону, кивнул.

— Я уже знаю, Макдональд. Корабль не взлетит.

— Крупные механизмы в порядке, сэр. Но вся точная аппаратура… инжекторы… — Он внезапно замолчал и пристально посмотрел на Деккера. — Вы знали, сэр? Как? Откуда?

— Я знал, что когда-нибудь это случится. Может быть, не так, как сейчас, но этого следовало ожидать. Рано или поздно мы должны были споткнуться. Я говорил гордые и громкие слова, но все время знал, что настанет день, когда мы чего-то не предусмотрим, какой-то мелочи, и она нас прикончит…

Аборигены… У них совсем не было металла. Каменные инструменты, утварь… Металла здесь хватало, огромные залежи руды в горах на западе. И возможно, много веков назад они пытались делать металлические орудия труда или оружие, но спустя считанные недели все это рассыпалось в прах.

Цивилизация без металла. Культура без металла. Немыслимо. Отбери у человека металл, и он не сможет оторваться от Земли, он вернется в пещеры. У него ничего не останется, кроме его собственных рук…

В павильон тихо вошел Уолдрон.

— Радио не работает. И роботы мрут, как мухи. Они валяются бесполезными кучами металла уже по всей базе.

— Сначала портятся точные приборы, — кивнул Деккер. — Часы, радиоаппаратура, роботы. Потом сломаются генераторы, и мы останемся без света и электроэнергии. Потом наши машины, оружие легионеров. Потом все остальное.

— Нас предупреждали, — сказал Уолдрон.

— А мы не поняли. Мы думали, что нам угрожают. Нам казалось, мы слишком сильны, чтобы бояться угроз… А нас просто предупреждали…

Все замолчали.

— Из-за чего это произошло? — спросил наконец Деккер.

— Точно никто не знает, — тихо ответил Уолдрон. — По крайней мере, пока. Позже мы, очевидно, узнаем, но нам это уже не поможет… Какой-то микроорганизм пожирает железо, которое подвергали термообработке или сплавляли с другими металлами. Окисленное железо в руде он не берет. Иначе залежи, которые мы обнаружили, исчезли бы давным-давно.

— Если это так, — откликнулся Деккер, — то мы привезли сюда первый чистый металл за долгие-долгие годы. Как этот микроб выжил?

— Не знаю. А может, я ошибаюсь, и это вовсе не микроб. Что-нибудь другое. Воздух, например.

— Мы проверяли атмосферу… — Деккер тут же понял, как глупо это прозвучало. Да, атмосферу анализировали, но как они могли обнаружить что-то такое, чего никогда раньше не встречались. Опыт человеческий ограничен. Человек бережет себя от опасностей известных или представимых, но нельзя предсказать непредсказуемое.

Деккер поднялся и увидел, что Джексон все еще стоит около неподвижного робота.

— Вот и ответ на твой вопрос, — сказал он. — Помнишь первый день на этой планете? Наш разговор?

— Я помню, сэр, — кивнул Джексон.

Деккер вдруг осознал, как тихо стало на базе.

Лишь налетевший ветер тормошил брезентовые стены павильона.

И только сейчас Деккер впервые почувствовал запах ветра этого чужого мира.

Большая уборка на Солнце
Sunspot Purge
Перевод: А. Филонов

Согласно записям в дневнике, Клиффорд Д. Саймак отправил этот рассказ в журнал Astounding Science Fiction в январе 1940 года, и менее чем через две недели он был принят Джоном У. Кэмпбеллом-младшим, редактором, который превратил этот журнал в одно из ведущих изданий в области научной фантастики. Его быстрая реакция говорит о всеобщем одобрении. Кэмпбелл отправил Клиффу чек на 87,50 долларов и опубликовал рассказ в ноябрьском номере своего журнала за 1940 год. В этом рассказе Клифф объединил свой газетный опыт с идеей путешествия во времени из своего самого первого опубликованного рассказа "Мир красного солнца". Но позже он будет описывать "Большую уборку на Солнце", наряду с "Безумием с Марса", как "поистине ужасные примеры мучительной агонии автора в процессе поиска самого себя." Поскольку обе эти рассказа несут в себе эффектно переданную эмоциональную нагрузку, которую Клифф стремился привнести в научную фантастику, я считаю, что не полностью согласен с его самоанализом; и я полагаю, что я только поддерживаю мнение Кэмпбелла. В конце концов, он подкрепил свое согласие с этим рассказом деньгами. И собственная оценка Клиффа не была полной катастрофой. Сразу после процитированного отрывка он продолжил: "Возможно, проницательный читатель обнаружит в них какие-то зачатки более позднего творчества, но меня коробит, когда их читают".

И в глубине души я задаюсь вопросом, насколько эта история основана на представлениях Клиффа о Второй мировой войне, которой было уже больше года, когда Клифф писал этот рассказ (хотя Соединенные Штаты еще не были втянуты в нее). Многие комментаторы пришли к выводу, что рассказы о "Городе", которые начали писаться всего через несколько лет после "Большой уборки на Солнце", по крайней мере частично возникли благодаря реакции Клиффа на войну; и мне кажется, что это может объяснить столь очевидный здесь пессимизм.

— dww

Я ждал, когда рассыльный принесет из типографии первую пачку газет, и сидел совершенно без дела, закинув ноги на стол и надвинув шляпу на глаза. Чувствовал я себя довольно скверно.

У меня все еще стояло перед глазами, как этот парень вмазался в тротуар. Двадцать этажей — высота немаленькая, и когда он упал, то вроде как разбрызгался и все это выглядело крайне неопрятно.

Проклятый дурак резвился и вышагивал по карнизу с раннего утра, целых четыре часа, а уж потом сиганул.

Со мной отправились Герб Гардинг, Эл Джарви и еще парочка фотографов из "Глобуса", и мне пришлось выслушивать их рассуждения на тему, как распределить съемку. Если птичка вспорхнет, то времени каждому хватит только на то, чтобы заснять одну пластинку, так что работу следовало спланировать заранее.

Эл должен был сделать телеобъективом первый снимок, в самом начале прыжка. Джо засечет летящего на полдороге. Гарри щелкнет как раз перед тем, как тот ударится о тротуар, а Герб поймает момент первого соприкосновения с асфальтом.

Я слушал их, и по коже у меня бегали мурашки.

Как бы то ни было, план сработал, и "Глобус" получил замечательную серию снимков прыжка, призванную проиллюстрировать мой очерк.

Мы знали, что если "Стандарт" и заполучил снимок этого инцидента, он вряд ли воспользуется им: "Стандарт" претендовал на звание семейной газеты и делал все возможное, только бы их чтиво подходило для всех и каждого.

Но "Глобус" мог опубликовать что угодно, и не упускал никаких возможностей. Мы давали самые животрепещущие новости без всяких прикрас.

— Этот парень был просто психом, — входя, сказал Герб и уселся рядом со мной.

— Весь этот чертов мир состоит из психов, — ответил я. — За последний месяц это шестая птичка, вспорхнувшая с небоскреба. Я бы предпочел, чтобы меня засадили в отдел некрологов, или деловой хроники, или еще куда. Я сыт кровью по горло.

— Вот так всегда и бывает. Сперва не знаешь, что снимать, потому что ничего достойного, а потом опять же не знаешь, потому что чертовщина прет изо всех дыр.

Герб был прав. С новостями всегда так: они идут полосой. Волна преступности, волна дорожных происшествий и волна самоубийств. Но тут было что-то не то. Кроме прыгавших с

высоты кретинов, было много всякого другого.

Один парень перебил всю семью, а потом направил дуло на себя. Другой во время медового месяца зарезал молодую жену. А третий окатил себя бензином и чиркнул спичкой.

И всякие такие бессмысленные идиотизмы.

Ни один здравомыслящий репортер не станет возражать против некоторой доли насилия, потому что без этого новости — не новости. Но насилие уже перехлестывало через край, и это было чуточку мерзко и тревожно, вполне достаточно, чтобы замутило даже заработавшегося охотника за новостями, которого подобные вещи трогать не должны.

Но тут пришел рассыльный с газетами, и, скажу без ложной скромности, вся редакция прямо-таки упивалась моим очерком. Да так оно и должно быть — я тщательно продумал и скомпоновал его, пока наблюдал, как эта птичка скачет по карнизу.

Снимки тоже были хороши. Отличный комплект для торговли в разнос. Я почти явственно видел, как Дж. Р. потирает руки, облизывает губы и похлопывает себя по заднице от удовольствия, что мы сделали такой выпуск.

Наш научный редактор Билли Ларсон небрежной походкой подошел к моему столу и раскинулся на нем. Билли — парень довольно-таки курьезный. Носит большие роговые очки и шевелит ушами, когда возбужден, но зато знает массу всего о науке. Может взять пересушенную, пресную научную статью и всыпать туда столько перца и соли, что даже интересно будет читать.

— У меня идея! — провозгласил Билли.

— У меня тоже. Я иду к Датчмену и угощаю себя бокалом пива, а то и двумя-тремя.

— Надеюсь, — вмешался Герб, — теперь-то это не связано с доком Аккерманом и его машиной времени.

— Не-а, — ответил Билли, — другое. Машина времени теперь не диковинка, людям надоело про нее читать. По-моему, старый плут раскрыл еще не все карты, да что с того? Машина времени никому не нужна, все ее боятся.

— А что же на этот раз? — спросил я.

— Солнечные пятна.

Я попытался отмахнуться от него — очень уж хотелось пива, я почти чувствовал его вкус, но если у Билли завелась идея, он впивается, как клещ, и не выпускает, пока не выложит все без остатка.

— Как широко известно, — начал он, — солнечные пятна

воздействуют на человека. Много пятен — и начинается веселая жизнь: акции и облигации подымаются, цены лезут вверх. Но с другой стороны, растет и нервное напряжение. Растет число вспышек насилия, народ приходит в возбуждение.

— Силы зла выходят на свободу, — подсказал Герб.

— Вот именно, — согласился Билли. — Русский ученый Чижевский[5] указал на это лет тридцать назад. По-моему, это он обнаружил, что активность на фронтах первой Мировой войны четко связана с появлением на Солнце больших пятен. А апоплексические удары в 1937-м вызваны самым быстрым взлетом кривой солнечной активности за последние двадцать лет.

Меня это как-то не тронуло, зато Билли охватил азарт. Такой уж он человек — энтузиаст своего дела.

— Народ буквально встает на голову! — восклицал он, а в глазах его пламенел огонек фанатизма, как бывает всякий раз, если Билли почует материал, от которого читатели "Глобуса" затаят дыхание. — И не просто народ, а народы — нации, культуры, цивилизации. Если устроить экскурс в историю, легко обнаружить параллели между циклами солнечной активности и значительными историческими событиями. Возьмем, к примеру, год 1937-й, когда было много апоплексических ударов. В июле этого года цикл активности Солнца взлетел до максимума, а индекс Вольфа[6] равнялся 137!

Ученые абсолютно уверены, что периоды возбуждения народных масс объясняются резким изменением нервных и психических характеристик человечества, происходящим во время максимума солнечных пятен, но никто толком не знает причин подобных изменений.

— Ультрафиолетовые лучи, — выговорил я сквозь зевоту, припомнив, как читал что-то эдакое в журнале.

Билли пошевелил ушами и продолжал:

— Очень вероятно, что ультрафиолет играет здесь немалую роль. Сами пятна не являются центрами значительной эмиссии ультрафиолета, но они могут являться причиной изменений в атмосфере Солнца, что, в свою очередь, влечет увеличение продукции ультрафиолета.

Большая часть попадающих на Землю ультрафиолетовых лучей расходуется на преобразование кислорода в озон, но на поверхности колебания его интенсивности могут достигать двадцати процентов.

А ультрафиолет вызывает определенные изменения в человеческих железах, особенно в эндокринной системе.

— Чушь собачья, — равнодушно заметил Герб, но Билли ничто не могло удержать, и он выложил козырь:

— Ну, тогда скажем, что колебания солнечной активности, связанные с пятнами, влияют на характер психики и интеллектуальный облик всех людей Земли. Иными словами, поведение людей определяется циклами солнечной активности.

Сравним, скажем, усредненные показатели Доу-Джонса[7] с солнечными пятнами, и тогда обнаруживается, что они явно подвержены воздействию Солнца. В 1928-м и 1929-м годах было много пятен. Осенью 1929-го солнечная активность резко снизилась, и рынок лопнул. В 1932-м и 1933-м он скатился на самое дно, и то же самое случилось с пятнами. Уолл-стрит[8] следует за солнечными пятнами.

— Ну, так давай наставим побольше этих пятен, — с издевкой сказал я, — и наступит всеобщее благоденствие. Мы будем прямо-таки купаться в богатстве.

— Ну да, — сказал Герб, — а проклятые дураки будут скакать с небоскребов.

— А что, если сделать все наоборот, — предложил я, — принять, скажем, закон против солнечных пятен?

— Ну, тогда, — надувшись, как сова, изрек Билли, — у нас будет жесточайшая депрессия.

Я встал и пошел прочь. Я все никак не мог отделаться от мысли о том, что осталось на тротуаре после прыжка этого парня, и потому безумно хотел пива.

Когда я уже выходил, меня окликнул Джейк, один из наших курьеров:

— Майк, вас хочет видеть Дж. Р.

Мне пришлось вернуться и промаршировать к двери, за которой сидел Дж. Р., потирая руки и выдумывая новые каверзы, которые потрясут публику и заставить ее покупать "Глобус".

— Майк, — сказал Дж. Р., едва я переступил порог его кабинета, — хочу поздравить тебя. Нынче утром ты сделал замечательную работу. Потрясающий очерк, мой мальчик, просто потрясающий.

— Спасибо, Дж. Р., - сказал я. Старый пройдоха сам не верил тому, что говорит.

После этого Дж. Р. взял быка за рога:

— Майк, я надеюсь, ты читал эту чепуху насчет доктора Аккермана и его машины времени.

— Ага. Но если вы решили отправить меня к этому старому пожинателю лавров за интервью, то я пас. Я видел, как утром тот парень размазался по всей Пятой улице, я слышал, как Билли Ларсон рассуждает о солнечных пятнах, и теперь с меня довольно. Так что как-нибудь в другой раз.

И тогда Дж. Р. подложил под меня бомбу.

— "Глобус", — провозгласил он, — приобрел машину времени.

Ноги подо мной подкосились.

На моем веку "Глобус" немало почудил, но этот номер был почище всего остального.

— Чего это ради? — спросил я ослабевшим голосом, и Дж. Р. принял вид оскорбленной добродетели, но быстро оправился и через стол склонился ко мне.

— Майк, ты только подумай. Прикинь возможности, которые открывает для газеты машина времени. Другие газеты будут рассказывать, что произошло или что происходит, но чтобы узнать, что произойдет, всем придется читать "Глобус".

— Могу предложить девиз: "Читайте преждевременные новости!"

Он не понял, шучу я или всерьез, и немного выждал, прежде чем продолжать:

— Допустим, началась война. Другие газеты могут сообщить, что происходит в текущий момент, но мы можем поступить лучше. Нам по силам сообщить, что будет — кто победит, кто проиграет. Какие будут битвы. Сколько война продлится…

— Но, Дж. Р., этого делать нельзя! — воскликнул я. — Неужели вы не понимаете, какую устроите чертовскую неразбериху. Если одна из сторон будет знать, что потерпит поражение…

— Это относится не только к войнам. Возьмем спорт. Футбол, к примеру. Все прямо сгорают от нетерпения узнать прямо сейчас, кто кого побьет — Миннесота Висконсин, или наоборот. А мы запрыгиваем в машину времени и отправляемся вперед, в следующую субботу. А в день перед матчем публикуем статью с фотографиями и все такое. — Дж. Р. потер руки в предвкушении триумфа и довольно мурлыкнул. — Старик Джонсон из "Стандарт" будет просить у меня милостыню, — злорадствовал он. — Я заставлю его пожалеть о том дне, когда он впервые увидел газету. Я пущу его по ветру. Я отправлю репортеров на день вперед…

— Да на вас обрушатся все спортивные жучки! — крикнул я. — Неужто вам неведомо, что каждую субботу на футбольных матчах делаются ставки на миллионы долларов?! Неужто вы не ведаете, что творите?! Вы же выведете из игры все кассы, весь тотализатор. Стадионы закроются. Никто и гроша ломаного не даст за то, чтобы посмотреть игру, о которой можно прочитать заранее. Вы выведете из игры профессиональные бейсбольные и студенческие футбольные команды, боксеров, да и всех остальных. Какой смысл устраивать показную драку, если

публика и так знает, кто победит?!

Но Дж. Р. только ликующе захохотал и потер руки.

— Ежемесячно первого числа мы будем публиковать котировку акций на будущий месяц, — не унимался он. — Эти газетки пойдут по сотне зелененьких за штуку.

Видя его восторга по поводу собственных идей, я ощутил, как засосало под ложечкой. В его руках находились невероятные силы, а он не имел к ним никакого почтения, то ли по слепоте своей, то ли из упрямства.

Эти силы могли отнять у каждого жителя Земли последние крохи счастья. Разве может быть человек счастлив, глядя вперед и видя, как происходит неизбежное и предначертанное?

Эти силы могли повергнуть в хаос весь мир. Эти силы могли вознести или низвергнуть любого человека, вещь или организацию, вставшие на их пути.

Я попробовал зайти с другой стороны:

— А что, если трюк с машиной не сработает?

— У меня есть надежные гарантии. Пока мы публиковали заявления доктора Аккермана, оценив их по достоинству, другие газеты занимались тем, что чинили над ним насмешки. Поэтому он предоставил нам исключительное приоритетное право на приобретение и использование своего открытия. Это стоило нам немалых денег, целую кучу денег, но мы сделаем из нее две кучи.

Я пожал плечами:

— Лады, валяйте. Я только не понимаю, какого черта вам понадобился я.

— Потому, — Дж. Р. прямо-таки лучился от восторга, — что ты совершишь первое путешествие в машине времени!

— Что?! — вскрикнул я.

Дж. Р. кивнул:

— Ты и фотограф. Герб Гардинг. Тебя я вызвал первым. Вы отправляетесь завтра утром, для начала лет на пятьсот в будущее. Сделаете там снимки, а когда вернетесь, напишешь очерк, и мы пустим его в субботнем выпуске, на всю первую полосу. Как выглядит город пятьсот лет спустя? Какие произошли изменения? Кто там мэром? Что носят женщины в осеннем сезоне 2450-го? — Он осклабился. — А еще ты можешь сообщить, что "Стандарт" больше не выходит. А так это или нет, узнаешь. Старик Джонсон прямо-таки лопнет от злости, когда прочтет это в твоем очерке.

Конечно, я мог бы отказаться, но в таком случае он послал бы кого-нибудь еще и заимел бы на меня зуб. Хорошая газетная работа не валялась на дороге даже в процветающем 1950-м, по сравнению с которым даже высший взлет 1929-го года казался

просто нищенским прозябанием.

Так что я сказал, что согласен, а через полчаса обнаружил, что возможность стать первым путешественником во времени почти не вызывает во мне трепета, потому что я буду не самым первым. Док Аккерман несколько лет разъезжал на своей машине — достаточно часто и достаточно далеко, чтобы доказать, что эта штука работает.

Но когда я пытался обдумать эту перспективу, то приходил в полнейшее замешательство. Очень уж все это было нелепо. Не сама идея путешествий во времени, в ней-то я не сомневался — Дж. Р. не такой уж дурак, и прежде, чем вложить денежки в эту машину времени, наверняка вытребовал железные позлащенные доказательства, что она сработает, как надо.

Нет, меня беспокоили возможные осложнения. И чем больше я об этом думал, тем больше это меня смущало и тревожило.

Ну, скажем, с помощью машины времени репортер отправляется в будущее и делает репортаж о смерти человека и привозит фотографии с его похорон. Эти фотографии можно взять обратно и опубликовать за много лет до его смерти. А этот человек прочтет газету и будет в точности знать час своей смерти и увидит себя возлежащим в гробу.

Десятилетний мальчишка узнает, что однажды будет избран президентом Соединенных Штатов, просто прочитав "Глобус". А нынешний президент, собираясь остаться на третий срок, может узнать свою политическую карьеру, если только "Глобус" вздумает ее опубликовать.

Кто-то может прочесть, что завтра погибнет в автокатастрофе. А если он будет знать, что вот-вот умрет, то может предпринять какие-то меры против этого. Но можно ли предотвратить собственную смерть? Можно ли изменить свое будущее? Или будущее застыло в жесткой, неизменной форме? Если, скажем, что-то предначертано в будущем, так ли обязательно этому предначертанию исполняться?

И чем больше я об этом думал, тем большей дичью мне все это представлялось, но я не мог запретить себе об этом думать. А чем больше думал, тем сильней пухла моя голова.

И тогда я взял, да и пошел к Датчмену.

Луи был за стойкой, и когда он протянул мне первый стакан пива, я сказал:

— Что за чертов мир, Луи!

— Чертовски верно, Майк, — ответил тот.

Я выпил море пива, но так и не захмелел. Я был, как огурчик, и это меня огорчало, потому что по моим расчетам, я имел

полное право нагрузиться. И все это время моя голова продолжала пухнуть от вопросов и неразрешимых загадок.

Мне следовало попытать что-нибудь покрепче пива, но если я смешиваю напитки, то потом у меня бывает жуткое похмелье, так что я оставил эту мысль.

Луи спросил, что меня мучит, а я сказал нет, ничего, но перед уходом пожал Луи руку и попрощался с ним. Если бы я был пьян, Луи не придал бы этому никакого значения, но тут он был явно удивлен, что я веду себя так, оставаясь трезвым, как стеклышко.

Уже в дверях я встретил входящего в бар Джимми Лангера. Джимми работал в "Стандарте" и был отличным газетчиком, но довольно подлым и способным на низкие выходки. Конечно, мы дружили, и написали вместе массу статей, но всегда пристально приглядывали друг за другом. И никогда нельзя было предсказать, что Джимми предпримет в следующий момент.

— Привет, Джимми, — сказал я.

И тут Джимми повел себя довольно курьезно. Не сказав ни слова, он поглядел на меня в упор и расхохотался мне в лицо.

Это застало меня врасплох, и я не знал, что предпринять, пока он не зашел внутрь. Тогда я просто вышел на улицу, но на углу остановился и стал раздумывать, не лучше ли мне вернуться и расквасить Джимми нос, очень уж мне не понравилось, как он смеялся.

Машина времени была установлена на самолете, и док Аккерман сказал нам, что было бы глупо путешествовать на уровне земли. Иначе можно пропутешествовать лет на сто вперед, и потом вмазаться прямо в середку какого-нибудь здания. А еще почва могла подняться или опуститься, и тогда машина времени была бы похоронена под землей или подвешена в воздухе. Единственный безопасный способ путешествий во времени, предупредил нас док — это на самолете.

Самолет стоял в поле на городской окраине, неподалеку от лаборатории дока, а рядом с ним нес вахту крупный мордоворот с винтовкой. Самолет охранялся днем и ночью, он был чересчур дорогой вещью, чтобы позволить шляться вокруг кому попало.

Док объяснял мне работу машины времени.

— Это так же просто, как упасть со стула, — сказал он.

И действительно: надо только подкрутить указатель вперед на нужное число лет. Потом нажимаешь на ручку запуска и входишь в спираль времени, или как там ее, и остаешься там, пока не достигнешь нужного времени. Тогда в ход запускается автоматика, скорость хода времени замедляется, и ты уже на месте. А чтобы вернуться, надо запустить процесс задом наперед.

Действительно, просто. По выражению дока — просто, как упасть со стула. Но я-то знал, что за этой простотой стоят величайшие научные достижения из всех известных миру — знания, ум, многие годы изнурительного труда и жесточайших огорчений.

— Это будет похоже на полет в ночи, — объяснял мне док. — По времени вы будете путешествовать в одномерной вселенной. Не будет ни тепла, ни воздуха, ни гравитации — абсолютно ничего вне пределов самолета. Но самолет снабжен теплоизоляцией, так что, если замерзнете, просто включите эти обогреватели. Если понадобится воздух, его можно взять из кислородных баллонов. Но в таком коротеньком путешествии, всего на каких-то пятьсот лет, вам не потребуется ни тепло, ни воздух. Всего несколько минут — и вы на месте.

Я опоздал, и Дж. Р. дулся на меня. На Герба он дулся за то, что у того было самое грандиозное похмелье из всех, какие мне приходилось видеть. Но теперь Дж. Р. обо всем забыл и скакал на месте от нетерпения.

— Вот погодите, — ликовал он, — погодите, пока Джонсон увидит падение "Стандарта". Пожалуй, у него будет удар. Это пойдет старому тупоголовому стервятнику на пользу.

Стоявший у дверей самолета охранник беспокойно переминался с ноги на ногу, его явно что-то тревожило.

— Да что это с вами, Бенсон? — прокаркал ему док.

Парень заикаясь попытался что-то сказать и переложил винтовку из руки в руку. Он хотел заговорить, но слова застревали у него в горле. Тут Дж. Р. опять начал злорадствовать, и мы забыли об охраннике.

Камеры Герба были уложены, и подготовка закончилась. Дж. Р. ткнул воздух кулаком и пожал руки нам с Гербом. Старый пройдоха едва не плакал.

Док и Дж. Р. вышли из самолета, и я проводил их до двери. Перед тем как закрыть и загерметизировать дверь, я бросил еще один, последний взгляд на силуэт города, и увидел, как он великолепен в этой осенней голубизне: высились знакомые башни, а над индустриальным районом на севере висела полоска дыма.

Я помахал башням рукой и сказал:

— Прощайте, великаны. До встречи через пятьсот лет.

В будущем силуэт города выглядел совсем иначе. Я этого ожидал, потому что за пятьсот лет некоторые здания наверняка снесли и возвели на их месте новые. Новые идеи архитекторов и новые строительные принципы за пятьсот лет могли сделать

неузнаваемым силуэт любого города.

Но он изменился в ином смысле.

Когда мы выныривали из спирали времени, я ожидал увидеть под крылом самолета более просторный, более великий и более совершенный город, но внизу было что-то не то.

У города был пыльный и запущенный вид.

За эти пятьсот лет он вне всяких сомнений разросся. Рос он во всех направлениях, и был теперь втрое больше, чем тот город, что остался у нас с Гербом за спиной.

Герб подался со своего сиденья вперед.

— Неужто это старый град внизу? — спросил он. — Иль это лишь мое похмелье?

— Место то самое, — уверил я его. — С чего это ты такой хороший?

— Да были мы с ребятами, с Элом и Гарри, в одном местечке. Ну, и встретили ребят из "Стандарта", ну, и выпили с ними немного вечерком.

Самолетов в небе не было, а я-то думал, что в 2450-м году они должны так и роиться в воздухе, ведь даже в 1950-м, становилось тесновато от них. Потом я заметил, что и на улицах нет никакого движения.

Мы кружили над городом никак не менее получаса, и горькая истина постепенно доходила до нас, хотя признать ее было нелегко.

Город под нами был просто мертв! Нам не удалось отыскать никаких признаков жизни: ни одного автомобиля на улицах, ни единого пешехода на тротуарах.

Мы с Гербом переглянулись, и недоверие было написано на наших лицах трехфутовыми буквами.

— Герб, — сказал я, — недурно бы разнюхать, чего это у них там.

Кадык Герба буквально запрыгал.

— Черт, — протянул он, — а я-то рассчитывал заскочить к Датчмену и чуточку опохмелиться.

На поиски чего-нибудь похожего на посадочную полосу ушел почти целый час, но в конце концов я нашел достаточно безопасную на вид площадку. Она поросла кустарником, но бетонные полосы были еще довольно ровными, хотя кое-где бетон пересекали заросшие травой и кустами трещины.

Я сажал самолет со всей возможной аккуратностью, и все равно мы наткнулись на вздыбившуюся бетонную плиту и едва не разбились.

Этот старик с винтовкой вполне мог явиться со страниц

истории раннего освоения Запада, с той лишь разницей, что пионеры Запада, вероятно, все-таки стриглись.

Он вышел из кустов в миле от аэропорта, с винтовкой на сгибе локтя. Что-то в его облике подсказывало, что с этим человеком шутить не стоит.

— Здрассте, незнакомцы. — сказал он надтреснутым голосом.

— Силы небесные, — поразился Герб, — да это же Дэниел Бун[9] собственной персоной!

— Вы, птенчики, залетели далековато от гнезда, — заявил старик, и по его интонации было ясно, что он не очень-то нам доверяет.

— Не так уж и далеко, — ответил я. — Мы здесь поселились давным-давно.

— Будь я проклят, если узнаю вас, — он сдвинул старую черную фетровую шляпу на затылок и поскреб в голове, — хотя я знаю всех, кто жил в этой округе. Ведь вы не мальчики Джейка Смита, а?

— Похоже, теперь тут обретается не очень-то много народу, — заметил Герб.

— Правду говоря, не очень, — признал Дэниел Бун. — Старуха как раз говорила мне, что завтра же надо перебраться поближе к соседям. Ей становится ужасно одиноко. А ближайший народ живет в десяти милях, во-он тама.

Он указал на север, где силуэт города вырисовывался, словно далекий горный хребет, поблескивая мраморными валами и кирпичными шпилями.

— Послушайте, — сказал я, — вы хотите сказать, что до ближайших соседей отсюда целых десять миль?!

— Определенно. В паре миль к западу жили Смиты, но этой весной они отправились на юг. Утверждали, что там охота лучше.

Он печально покачал головой.

— Может, оно и верно, насчет охоты. Я и сам немало охочусь, да только еще люблю немного покопаться в земле. А целинные земли подымать трудно. У меня в этом году вполне прилетный урожай кабачков и морковки. Да и картоха не худо уродилась.

— Но раньше тут жило очень много народу, — настаивал я. — Целые тысячи человек, может, даже миллионы.

— Слыхал я об этом, — согласился старик, — но не могу сказать, есть ли в том хоть крупица правды. Должно быть, это было сильно давно. Кто-то ж повыстроил все эти дома, хотя чего это ради, даже не представляю.

Вид у комнат редакции "Глобуса" был запущенный, повсюду лежал толстый слой пыли, а тишина стояла чуть ли не такая же

осязаемая, как и пыль.

Что-то здесь изменилось, но это по-прежнему была редакция газеты. Чтобы вернуть сюда жизнь, не хватало немногого — шума голосов и торопливого бормотания голографских прессов.

Вся мебель была на месте, а вокруг большого редакционного стола кружком стояли стулья.

Пыль от наших шагов вздымалась в воздух целыми облаками, заставляя неудержимо чихать.

Я прошел прямо в темный угол комнаты; я был уверен, что найду там то, что нам надо.

Там были старые связки газет, такие старые, что страницы крошились под пальцами, а бумага так пожелтела от времени, что кое-где текст читался едва-едва.

Я отнес одну из пачек к окну и посмотрел на дату. 14 сентября 2143 года — более 300 лет назад!

Броский заголовок восклицал: "Безработные бунтовщики в Вашингтоне!"

Мы торопливо перелистали страницы. И постепенно первые полосы этих газет, впервые увидевшие свет более трехсот лет назад, составили рассказ, красноречиво объясняющий молчание города, видневшегося за разбитыми и заколоченными окнами.

"Акции рухнули до самой нижней точки за последние десять лет!" — кричал один заголовок. "Конгресс одобрил проект Фонда помощи безработным", — гласил другой, а третий сообщал: "Налогоплательщики отказываются платить". После этого события развивались все быстрей и быстрей: "Объявлен мораторий на выплаты", "Банки на вынужденных каникулах", "Войска против толп голодающих", "Конгресс сдался и разошелся по домам", "На Востоке свирепствует эпидемия", "Президент объявил состояние национального бедствия", "Британское правительство ушло в отставку", "Во Франции свирепствуют бесчинствующие толпы", "Крах американского правительства".

А на страницах финансовой и деловой хроники, шрифтом помельче и поскромнее, были отражены события, кричавшие с первых полос. Множество историй о закрывшихся предприятиях, о рухнувших корпорациях, сообщения о спаде в торговле, растущей безработице и бездействующих заводах и фабриках.

Триста лет назад цивилизация рухнула под одним лишь давлением собственной надстройки. В пожелтевших стопках газет содержался не весь рассказ, но остальное легко было додумать.

— Весь мир свихнулся, — сказал Герб.

— Ага. Как тот парень, что сиганул.

Все было ясно как день. Спад в экономике, растущая безработица, жестокое налогообложение, чтобы платить пособия

безработным и попытаться вернуть процветание, а владельцы собственности были не в состоянии платить такие налоги. Порочный крут.

Герб рылся во мраке у картотеки. Потом снова вышел на свет, перепачканный пылью с головы до ног.

— Там пачки лет за двадцать-тридцать, — сказал он, — и мы взяли самые свежие. Но вот что я нашел позади картотечного ящика. Наверно, она туда упала, и никто не потрудился вытащить.

И протянул мне старую измятую газету, такую хрупкую от возраста, что я испугался, как бы она не рассыпалась в пыль от одного лишь прикосновения.

— За картотекой был всякий хлам, — сказал Герб, — другие газеты тоже. Тоже старые, но эта древней всех.

Я взглянул на дату: 16 апреля 1985 года.

Этой пожелтевшей газете было почти пятьсот лет! Она вышла из типографии всего лишь через тридцать пять лет после нашего с Гербом отправления в будущее!

И все эти годы лежала позади картотеки. Ящик картотеки большой и тяжелый, а уборщики в газетных редакциях никогда не славились аккуратностью.

И что-то меня все время тревожило. Негромкий шепот в глубине мозга, где-то у основания черепа, все твердил и твердил, что надо кое-что вспомнить.

Я швырнул старую газету на стол и подошел к окну. Большая часть стекол была разбита, а уцелевшие покрыты таким слоем грязи, что стали совсем непрозрачными. Сквозь выбитую секцию я выглянул наружу.

За окном лежал город — почти такой, каким я его запомнил. Башня Джексона еще стояла — самое высокое строение там, в 1950-м, но теперь над ней возвышались три или четыре других. Шпиль старого собора исчез, и я пожалел об этом — шпиль был довольно-таки симпатичный. Я частенько смотрел на него в это самое окно сквозь туманную морось дождичка ранней весной или призрачную кисею первого снегопада. Шпиля недоставало, но башня Джексона была на месте, равно как и многие другие узнаваемые здания.

И все они выглядели очень одинокими — одинокими и недоумевающими, словно пес, которого спихнули с кресла, а он-то считал его своим собственным. Окна их пялились на свет пустыми глазницами, не оживляемые ни единым огоньком. А краски домов выцвели и пожухли, стертые прокатившимися над ними годами.

Уж лучше бы города не было, сказал я себе. Уж лучше бы бомбежки сравняли его с лицом земли. Потому что, как это ни ужасно, разрушенный город можно понять и принять. Но невозможно ни понять, ни примириться с городом, просто брошенным умирать в одиночестве.

А люди?!

При мысли о них я почувствовал, как мороз пробегает по коже. Неужто все они стали такими, как старик Дэниел Бун? Мы видели, как живет его семья, и это отнюдь не самый привлекательный образ жизни. Эта люди скатились в прошлое, забыли печатное слово, извратили старые истины и историю человечества, сплетя их в сумасбродные легенды.

Понять, как это случилось, довольно просто: вытащите из-под цивилизации ее экономические костыли, и уж тогда бед не оберешься. Сперва будет бессмысленный вандализм и еще более бессмысленное разрушение, порожденное пламенем классовой ненависти, а когда после оргии разрушения ненависть угаснет — возникнет ярость, и еще больший вандализм, и снова ненависть, но порожденная яростью.

Но как бы низко ни пал человек, он вновь поднимался на ноги — такова его природа; он всегда был упрямым малым.

Но, как видно, в этот раз встать на ноги человек не сумел. Цивилизация, известная нам с Гербом, рухнула лет триста назад — но человек до сих пор спокойно жил в тени своего прежнего величия, не испытывая вдохновения при взгляде на вздымающиеся в небеса блоки обработанного камня.

Что-то тут не то. Что-то пошло чертовски наперекосяк.

Кружащаяся в воздухе пыль щекотала мои ноздри, и я вдруг почувствовал, как горит пересохшее горло — мне хотелось пива. Если б я только мог по-соседски забежать к Датчмену…

И тут меня словно пыльным мешком накрыли — выплыла та штука, что весь день вертелась на грани сознания.

Я вспомнил лицо Билли Ларсона и его шевелящиеся от волнения уши, когда он подскакивал от нетерпения изложить байку про солнечные пятна.

— Боже мой, Герб, до меня дошло! — с криком отвернулся я от окна.

Герб скривился — по-моему, он решил, что я свихнулся.

— Теперь я понял, что случилось, — сказал я. — Надо раздобыть телескоп.

— Слушай, Майк, если у тебя…

Но я прервал его восклицанием:

— Это солнечные пятна!

— Пятна?! — выдавил он.

— Наверняка не осталось ни единого.

Моя догадка оказалась верной.

Пятен на солнце не было — теперь оно было огромным огненным шаром без единого темного пятнышка.

На поиски у нас ушло целых два дня, пока среди хлама на месте бывшего ювелирного магазина мы не отыскали мощный полевой бинокль. Большинство магазинов и складов были обобраны до нитки. Похоже, сперва, после падения правительства, грабительские набеги совершались только время от времени, а потом начали грабить уже систематически.

— Герб, в словах Билли что-то есть. Много пятен — и на дворе веселые времена. Пятен нет — и все идет наперекосяк.

— Ага. Билли был довольно сообразителен. Знал науку, будь спок.

Я отчетливо представил Билли, каким он был там, утром — глаза горят, уши шевелятся, а сам он пламенно толкует о пятнах на солнце.

Он говорил, что Уолл-стрит следует за солнечными циклами. Пятен много — и наступает деловой бум, а нет их — все летит к чертям.

Я вспомнил, как спросил его, что будет, если издать закон против солнечных пятен. Сдается, кто-то таки протащил этот закон через парламент.

В это трудно поверить, но факты налицо. Вот она, история — лежит заплесневелыми кипами в редакции "Глобуса". В этих статьях рассказывается, как мир сошел с ума, когда бизнес сел на мель, о летящих в тартарары правительствах, об ордах голодающих, стирающих с лица земли нацию за нацией.

Я сжал голову руками и застонал. Мне бы теперь бокал пива — Луи так ловко запускал их вдоль стойки — холодненькие, покрытые пышной шапкой пены. Но пиво тут исчезло целые столетия назад. А все из-за солнечных пятен!

Ультрафиолетовые лучи, эндокринные железы и человеческое поведение — на эти ученые слова никто не обращал особого внимания — но эта штуки сыграли с человечеством весьма скверную шутку.

Герб позади меня хихикнул. Я обернулся, как ошпаренный:

— Чего там еще?!

— Бог ты мой, да этот Уош Таббс попал в прескверную переделку.

— Что это у тебя? — увидев, что он читает газету, спросил я.

— А, это? Это та древняя газета, что мы тут нашли. Ну, напечатанная в 85-м. Надо забрать ее и показать Дж. Р. Но сейчас

я читаю юмор…

Я хмыкнул, но мысли мои все еще вертелись вокруг Солнца. Все это звучало довольно-таки заумно, но другого объяснения все равно не было.

Несправедливо, чтобы жизнь всего человечества зависела от удаленного на девяносто три миллиона миль куска материи, но как бы то ни было, от Солнца зависит все живое. Уберите Солнце, и жизни не станет — и правы были дикари, поклонявшиеся ему, как божеству.

Услышав сдавленное мычание Герба, я резко обернулся — он уже мне начинал надоедать. Но при виде его лица я почувствовал, что готовые сорваться с губ слова застряли в горле: Герб был белее мела, и глаза его остекленели от ужаса.

Он совал мне газету, бормоча нечто бессвязное и невразумительное, трясущимся пальцем тыча в маленькую заметку.

Я схватил лист и прищурился, чтобы разглядеть поблекший текст, потом постепенно разобрал слова, ощущая, как ужас ледяной волной поднимается и во мне:

> "Смерть Лангера.
>
> Джеймс Лангер, осужденный в 1951 году за намеренную порчу машины времени, на которой корреспонденты "Глобуса" Майкл Гамильтон и Герб Гардинг за год до того отправились в будущее, сегодня скончался в тюрьме Рокки-Пойнт, в возрасте шестидесяти пяти лет.
>
> На суде Лангер показал, что подкупил охранника машины, чтобы тот позволил ему войти в самолет, на котором была установлена машина. Далее он признался, что удалил часть механизма, отвечавшую за перемещение машины назад во времени.
>
> В то время Лаигер работал в "Стандарте", газете, прекратившей свое существование несколькими годами позже.
>
> Вызванное этим инцидентом всенародное возмущение привело к принятию Конгрессом закона, запрещающего дальнейшую постройку и эксперименты с машинами времени. Изобретатель машины времени, доктор Амброуз Аккерман, умер от горя через две недели после суда".

Несколько секунд я не мог прийти в себя — просто тупо сидел, глядя в пространство, а мои пальцы помимо воли

стискивали газету, перемалывая ее хрупкие пожелтевшие страницы в мелкую труху.

Потом взглянул на Герба и, увидев его перекошенное от страха лицо, вдруг кое-что припомнил.

— Так, — выдавил я, задыхаясь от ярости. — Так. Всего несколько рюмашек в ночь перед стартом. Ты встретил "стандартных" ребят и пропустил несколько рюмашек.

Я вспомнил, как Джимми Лангер расхохотался мне в лицо, когда я выходил от Датчмена. Вспомнил, как нервничал утром охранник.

— Ты не пропил свои мозги, а? — просипел я.

— Слушай, Майк… — начал было несколько оправившийся Герб.

— Ты надрался, черт тебя дери! — заорал я. — И все, что было на уме, выплеснулось на твой поганый язык! Ты выболтал этой "стандартной" своре все, что знал. А старик Джонсон послал Лангера сделать это грязное дело!

Ярость переполняла меня.

— Черт тебя возьми. Майк… — опять начал Герб, и уж тогда я ему вмазал. Я дал такого тумака, что он рухнул как подкошенный, но тут же встал и пошел на меня. Наверно, он тоже был вне себя.

Он врезал мне в челюсть, а я влепил ему в глаз, а потом мы заработали, как молот и наковальня.

Герб в потасовках тоже был не лыком шит и передохнуть мне не давал. Я бил его что есть сил, но он возвращался за следующей порцией и несколько раз приложил меня так, что в башке загудело.

Но мне было наплевать — я хотел задать ему такую трепку, чтоб он помнил ее до последнего издыхания.

Драку мы прервали только когда ни один из нас уже был не в состоянии нанести еще хотя бы один удар. Просто лежали на полу, отдуваясь и бросая друг на друга свирепые взгляды. У Герба заплыл один глаз, я не досчитывался пары зубов, а лицо мое словно прошло через мясорубку.

Потом Герб ухмыльнулся:

— Если бы я удержался на ногах еще чуть-чуть, — пропыхтел он, — я бы тебя прикончил.

А я ухмыльнулся ему в ответ.

Пожалуй, нам следовало остаться в 2450 году, там у нас были хоть какие-то шансы. Старый Дэниел Бун знал не очень много, но зато во многих отношениях был цивилизованным человеком. Несомненно, там еще были книги, и можно было бы подыскать

много полезных вещей.

Мы могли бы организовать штаб по возрождению цивилизации, хотя тут расклад был не в нашу пользу. С этими солнечными пятнами дело доходит буквально до смеха: как только они перестали мельтешить на поверхности Солнца, то человечество вроде как лишилось чего-то важного — духа прежнего, несгибаемого человека, пробивавшего себе дорогу сквозь столетия, сжав кулаки и не отступая ни перед какими силами зла.

Но мы решили, что человек еще может вернуться. Мы были совершенно убеждены в том, что где-нибудь в будущем отыщем расу, начавшую повторное восхождение.

И отправились по времени вперед. Хотя назад двигаться мы не могли, но уж идти вперед нам никто не мог помешать.

Мы проскочили пятьсот лет и не нашли ничего, ни следа потомков Дэниела Буна. Может, они бросили разведение кабачков и перебрались в места, где охота получше?

Город еще стоял, но камень уже начал крошиться, и некоторые строения рухнули.

Мы перебрались еще на пять сотен лет вперед, и в этот раз из руин на нас набросилась орда дикарей, немногим более развитых, чем племена, бродившие по Европе в начале каменного века. Они вопили и размахивали своими дубинами и копьями, пока мы не разгромили их наголову.

Через две тысячи лет племя исчезло, а на его месте мы заметили какие-то фигуры, крадущиеся пригнувшись среди груд камней на том месте, где некогда был город. Твари эти весьма напоминали людей.

А дальше мы не нашли вообще ничего. То есть, ничего, кроме скелета, напоминавшего человеческий.

И тут-то мы наконец остановились. Двигаться дальше смысла не было, да и горючее в баке самолета подходило к концу.

На месте города высились землистые груды, уже захваченные карабкающимися ввысь деревьями. С шорохом появлялись и исчезали какие-то странные животные. Герб сказал, что это мутанты — он читал о мутациях в какой-то книжке.

К западу простираются бескрайние степи волнующихся под ветром трав, а холмы за рекой поросли густыми могучими лесами.

Но Человек исчез. Он возник, немного пожил на Земле, а теперь вновь ушел в небытие.

Там, в 1950-м, человек думал, что все зависит от него, но все это оказалось не столь уж и серьезно — солнечные пятна отправили его на свалку. Может, именно благодаря им человек и

сумел в свое время встать на задние ноги и начать править бал. Билли говорил, что солнечные пятна могут выкидывать курьезные фокусы.

Но теперь все это ровным счетом не имеет никакого значения. Человек стал очередным реликтом.

Делать нам тут почти нечего. Просто сидим и раздумываем: о Дж. Р., потирающем руки; о Билле Ларсоне, шевелящем ушами — и о том, как Джимми Лангер расхохотался в ту ночь перед дверями Датчмена.

И теперь я готов продать душу дьяволу, лишь бы войти туда вновь и сказать:

— Что за чертов мир, Луи!

И услышать его ответ:

— Чертовски верно, Майк!

Упасть замертво
Drop Dead
Перевод: В. Романов

"Упасть замертво" впервые появился в июльском номере "Galaxy Science Fiction" за 1956 год. Этого достаточно, чтобы вызвать язву у исследователя космоса.

— dww

Всем известно, что после посадки космического корабля на девственной планете проходит не менее недели, прежде чем первый представитель местной фауны решится покинуть свое убежище и выползет осмотреться. Но на этот раз…

Не успели мы открыть люк и спустить трап, как стадо куставров тут же сгрудилось вокруг корабля. Они стояли, плотно прижавшись один к другому, и выглядели неправдоподобно. Казалось, они покинули рисунки карикатуриста, допившегося до белой горячки, и, как часть его бреда, явились нам. Размерами они превосходили коров, но явно проигрывали последним в грациозности. Глядя на куставров можно было предположить, что форма их тел возникла в результате постоянных столкновений с каменной стеной.

Разноцветные пятна — фиолетовые, розовые, изумрудные и даже оранжевые — покрывали бугристые синие шкуры этих блаженных созданий. Оригинальная расцветка, которую не имеет ни одно уважающее себя существо. Суммарно пятна складывались в подобие шахматной доски, сшитой из лоскутов, хранившихся в сундуке старой сумасшедшей леди.

Если начистоту, не это было самым жутким…

Из их голов, туловищ и всех остальных частей тел тянулись вверх многочисленные побеги, создавая впечатление, что существа прячутся в зарослях молодого кустарника, вернее, неумехи пытаются прятаться. Довершали эту картину, делая ее совершенно безумной, фрукты и овощи — или то, что могло напоминать фрукты и овощи, — росшие на побегах.

Мы спустились по трапу на зеленую лужайку перед кораблем. Несколько минут прошли в молчании: мы разглядывали куставров, они — нас, пока одно из существ не двинулось в нашу сторону. Оно остановилось в двух-трех метрах, подняло печальные глаза и упало замертво к нашим ногам.

Тут же стадо развернулось, и куставры неуклюже топоча

поползли прочь, как будто выполнили возложенную на них миссию, удовлетворили собственное любопытство и отправились по домам.

Джулиан Оливер, ботаник, поднял трясущуюся руку и смахнул с лысины капельки пота.

— Очередная эточтовина… — простонал он. — Ну почему, объясните мне, нам никогда не везет? Почему мы не можем высадиться на планете, где все ясно и просто?

— Потому что они существуют в мечтах, — ответил я. — Вспомни кустарник с Гэмал-5, который в первую половину жизни неотличим от спелого земного помидора, а во второй перерождается в ядовитый плющ, опасный для человека по категории А.

— Я помню, — печально отозвался Оливер.

Макс Вебер, биолог, осторожно приблизился к упавшему куставру и легонько пнул тушу ногой.

— Все дело в том, — неторопливо начал он, — что гэмалианский помидор — подопечный Джулиана. А эти существа… Как вы их обозвали? Да, куставры. Так вот, они всем стадом взгромоздятся на мою тонкую шею.

— Так уж и на твою! — запротестовал Оливер. — Что, к примеру, ты можешь сообщить нам о кустарнике на теле существа? Ничего конкретного. Вот и получается, что мне с куставрами придется повозиться не меньше твоего.

Я быстро подошел к ним, чтобы прервать спор. Вебер и Оливер не прекращают его уже в течение двенадцати лет, именно столько, сколько я их знаю. Ни две дюжины планет, на которых мы работали, ни сотни парсеков не смогли изменить их взаимоотношений. Я отлично знал, что остановить спор невозможно, но в данной ситуации имело смысл отложить его на некоторое время.

— Прекратите, — вмешался я. — Через пару часов наступит ночь. Надо решить вопрос с лагерем.

— Но куставр… — начал было Вебер. — Мы не можем оставить его лежать…

— Почему бы нет? На планете их многие миллионы. А этот пусть лежит.

— Но ведь существо упало замертво! Ты же сам видел!

— Да, видел, но именно этот куставр был старым и больным.

— Нет. Существо находилось в расцвете сил.

— Давай перенесем беседу о физическом состоянии куставра на вечер, подключился к разговору Альфред Кемпер, бактериолог. — Я заинтригован не меньше твоего, но Боб прав: надо решить вопрос с лагерем.

— И везде, — добавил я, сурово поглядывая на своих товарищей, — каким бы безопасным и благополучным ни выглядел этот мир, мы обязаны строго соблюдать все пункты инструкции: ничего не рвать и не есть. Пить только ту воду, которую мы привезли с собой. И не совершать ночных прогулок в одиночку. Ни малейшего проявления беспечности!

— Но ведь на планете ничего нет, лишь бесчисленные стада куставров. Нет ни деревьев, ни холмов, ни… одним словом, ничего. Это не планета, а бескрайнее пастбище, — Вебер никак не мог утихомириться, а ведь он знает все правила и инструкции не хуже меня. Просто не в его характере сразу же соглашаться.

— Так что будем делать, парни? — спросил я. — Устанавливаем палатки? Или еще одна ночь на борту корабля?

Мой вопрос, как я и предполагал, попал точно в цель, и еще до захода солнца небольшой палаточный городок вырос невдалеке от корабля. Карл Парсонс, эколог, а по совместительству повар, установил разборную походную печь и, не успели мы вбить последний колышек, он громогласно провозгласил: "Ужин!". Все бросились к столу, а я поплелся к своей палатке. Как обычно, ребята дружно засмеялись, после чего набросились на еду.

Три раза на дню, иногда и чаще, я обмениваюсь с друзьями "своеобразными комплиментами". Никаких обид и недомолвок не возникает они постоянно прохаживаются по поводу моей диеты, ну и я в долгу не остаюсь. Мне кажется, что прием пищи превратился в своеобразный ритуал обмениваясь шутками и остротами, мы тем самым ликвидируем стрессовые ситуации. Недаром все двенадцать лет состав отряда не менялся.

Сев на койку, я достал свою сумку с набором диетических блюд, смешал компоненты и начал запихивать в себя липкую безвкусную массу. Тут-то меня и настиг запах жареного мяса. Подхватив сумку, я ретировался в дальний угол лагеря. Ей-богу, в такие моменты я готов отдать свою правую руку за кусок мяса, слегка недожаренного, с кровью.

От диетической пищи не умирают, но этот факт — единственное утешение. Представляете — у меня язва желудка! Если вы спросите любого знакомого медика, что это за болезнь такая, то он ответит вам, что ее давно не существует. Да, слово "язва" звучит архаично и смешно. Но мой желудок загадка для всех врачей! Вот почему я вынужден таскать за собой по всей Галактике сумку с диетическими блюдами.

После ужина ребята подтащили тушу куставра поближе к лагерю, чтобы при свете ламп внимательно осмотреть существо. Через несколько минут досконального изучения рассеялись

последние сомнения, касавшиеся удивительной растительности. Мы убедились, что побеги составляют неотъемлемую часть существа и растут из бугристых участков тела строго определенной расцветки.

Еще через несколько минут Вебер, открыв от удивления рот, обнаружил на некоторых буграх лунки, как будто для игры в гольф, но меньшего размера. Он достал перочинный нож и выковырнул из одного отверстия насекомое, очень похожее на пчелу. Мы не поверили собственным глазам; Вебер проверил еще несколько отверстий-лунок и обнаружил еще одну пчелу, мертвую, как и в первом случае.

Вебер и Оливер хотели тотчас же начать вскрытие, но нам удалось отговорить их. Мы разыграли, кому из нас дежурить первому и, конечно, короткую соломинку вытянул я.

Особой необходимости в охране лагеря не было; сигнальная система надежно защищала нас, но имелось дополнительное предписание чтобы выставлять караул.

Я нехотя отправился на поиски ружья, а ребята, пожелав мне спокойной ночи, разошлись по палаткам. Их голоса еще долго доносились из темноты.

Первая ночь на неизведанной планете всегда проходит одинаково. Как бы вы ни устали от работы, как бы равнодушно ни относились к ней — вам едва ли удастся заснуть, будь вы зеленый новичок или прокопченный космический волк.

Я сидел при свете лампы. На любой другой планете мы разожгли бы костер — языки пламени создают иллюзию родного дома, но здесь не было даже соломы, ни говоря о щепочках или настоящих дровах.

Лампа стояла на столе рядом со мной, а на противоположном краю лежала туша куставра. Давно я не чувствовал себя так неуютно, хотя время моих беспокойств еще не наступило. Моя специальность — экономика сельского хозяйства; основная задача — оценить отчеты специалистов отряда и сделать соответствующий вывод о возможности колонизации планеты.

Но сидя один на один с этим удивительным существом — куставром — я не мог отделаться от мысли, что оно спутало нам все карты. Я безуспешно пытался отвлечься, и мысли мои неизменно возвращались к его загадкам, так что я рад был увидеть рядом с собой даже Талбота Фуллертона, Четырехглазого, выплывшего из темноты.

Во время полета Фуллертон скорее напоминал тень, а не человека. Он был апатичен и безлик, и его не замечали ни я, ни мои коллеги. Но сейчас Четырехглазый выглядел взволнованным.

— Перебрал впечатлений? — спросил я.

Он рассеянно кивнул, продолжая таращиться в темноту.

— Удивительно, — сказал он. — Удивительно, если окажется, что эта планета — *та самая*.

— Не окажется. Ты ищешь Эльдорадо. Охотишься за сказкой. Стреляешь холостыми патронами.

— Однажды *эту* планету уже нашли, — упрямо продолжал Фуллертон. Мы располагаем соответствующими записями о *ней*.

— Ну, конечно! Мемуары об Атлантиде и Золотых Людях. Воспоминания об Империи Пресвитера Иоанна. Отчет о Северо-Западном Проходе в истории древней Земли. Описание Семи Городов. И другие повести в том же духе.

Лицо Фуллертона вытянулось, дыхание участилось, глаза заблестели. Он нервно сжимал и разжимал кулаки.

— Саттер, — изумленно произнес он, — не могу понять, зачем вы все время издеваетесь надо мной. Я знаю наверняка, что где-то во Вселенной существует бессмертие. Секрет бессмертия уже найден, и Человечество обязано отыскать это место! Сегодня в распоряжении человека безграничные возможности космоса — миллионы планет. Проблема жизненного пространства полностью решена. Бессмертие, говорю я вам всем, — вот следующая ступень развития Человечества!

— Прекрати! — рявкнул я. — Забудь все, что сказал!

Но уж если Четырехглазого понесло, его не остановишь никакими силами.

— Оглянитесь, — продолжал он. — Эта планета идентична Земле. Даже солнце ее находится на той же стадии эволюции звезд, что и земное Солнце. Плодородная почва, идеальный климат, обилие воды! Сколько пройдет лет, прежде чем люди заселят эту планету?

— Тысяча лет. Пять тысяч. Может, и больше.

— Правильно! Бесчисленное количество миров только того и ждут, чтобы их заселили. Но человек вынужден оставлять их в неприкосновенности по одной простой причине — он смертен. Следует еще сказать и о…

Я терпеливо сидел, выслушивая его бесконечные "сказать и о…", но все его рассуждения имели один вывод — смерть ужасна. Если бы вы только могли знать, как мне надоели все эти разговоры. Ведь каждый отряд обязан иметь в своем составе Четырехглазого! Они все настоящие безумцы, но такого фанатика, как Фуллертон, еще не было; к тому же, этот полет был у него первым. Я попытался отключиться, поминая недобрыми словами Институт Бессмертия, присылающий нам Четырехглазых…

А Фуллертон все говорил и говорил. Идеализм, замешанный на настырности в поисках бессмертия прямо-таки бурлил в нем.

Впрочем, каждый Четырехглазый пытался произвести впечатление эдакого Прометея, пылая неистовой уверенностью в правильности своих предположений, что человек обязан жить вечно, а бессмертие вскоре, буквально со дня на день, будет найдено. В качестве доказательства каждый из них рассказывал байку о безымянном космическом корабле, затерявшемся на безымянной планете в давно забытом году — после того, как экипаж корабля обнаружил бессмертие. Бред, конечно. И все же, благодаря стараниям Четырехглазых, правительственным субсидиям и миллиардным дарам и пожертвованиям, миф продолжает жить. Глупцы, богатые и бедные, верят рассказам о бессмертии и регулярно переводят на счет Института деньги, но, тем не менее, продолжают умирать с обычным постоянством. Щедрость не окупается.

— Куда это ты все время поглядываешь? — спросил я Фуллертона, надеясь охладить его пыл. — Что там — человек, животное, растение?

— Нет! — торжественно произнес он, как судья, зачитывающий приговор. — Я вижу там нечто такое, о чем не могу вам сказать!

Да будь я проклят! Что он о себе воображает?

И я продолжил подкалывать его, чтобы быстрее пролетело время моего дежурства. Фуллертон, наш Четырехглазый, оказался самым молодым и, что всего хуже, самым прилипчивым и занудным из всех Очкариков, беседовавших со мной. Он раздражал меня все сильнее; фанатики никогда не прислушиваются к мнению собеседника!

— А как ты определишь, что нашел именно то, что искал?

Он не ответил. Его сопение заставило замолчать и меня — того и гляди разрыдается.

Так мы и сидели, не возобновляя разговор. Потом он достал из кармана зубочистку, сунул в рот и начал неторопливо жевать. Я еле сдержался, чтобы не врезать ему как следует; по-моему, нет более отвратительной привычки, чем жевать зубочистки, к тому же в самые неподходящие моменты. Думаю, он почувствовал мое тайное намерение, выплюнул изжеванную зубочистку и молча удалился.

Я оглянулся на корабль. Света лампы хватало, чтобы прочесть надпись на борту: "Кэф-7 — ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ АГЕНТСТВО 286". Этой небольшой надписи достаточно, чтобы нас узнали в любом уголке Галактики.

Известно, что Кэф-7 — экспертная сельскохозяйственная планета, так же как Альдебаран-12 — планета, занимающаяся медицинскими исследованиями, а Капелла-9 — планета

Университетов. Да что говорить, каждая планета специализируется на исследованиях в одной, строго определенной области.

Следует добавить, что Кэф снаряжает многочисленные исследовательские экспедиции, такие, как наш отряд.

Мы разведываем новые миры, выискиваем растения и животных, пригодных для дальнейших экспериментальных исследований. Правда, до сих пор похвастаться особыми успехами мы не можем. В нашем активе лишь несколько видов трав, прижившихся на элтенианских мирах. Остальные находки не причислишь к достижениям. Да, до сих пор Фортуна упорно поворачивалась к нам спиной. Достаточно вспомнить ядовитый плющ. Работаем мы столь же упорно, как и остальные отряды, но оказывается, что от одного старания проку мало. Иногда, особенно вечерами, становится ужасно обидно: ну почему кто-то возвращается с ценнейшими находками, приносящими славу и деньги, а мы выщипываем лишь жалкую траву? А еще чаще возвращаемся и вовсе с пустыми руками.

Жизнь исследователя нелегка; иногда приходится работать в невероятно тяжелых условиях. Из таких полетов ребята возвращаются выжатые, как лимоны, если возвращаются…

Но сегодня, похоже, нам невероятно повезло. Тихая мирная планета, идеальный климат, ландшафт без излишеств, а главное — отсутствие враждебно настроенной живности и ядовитой растительности.

Вебер, конечно же, проспал. Появившись, он подошел к столу и выпучился на тушу куставра, будто впервые увидел существо.

— Фантастика, а не симбиоз, — сказал он, обходя вокруг стола, но не отрывая от куставра взгляда. — Мозг просто отказывается воспринимать сию зрительную информацию. Если бы существо не лежало перед самым моим носом, я бы сказал, что подобное невозможно. Ведь симбиоз ассоциируется с простейшими формами живых организмов.

— Ты имеешь в виду кустики на теле куставра? И пчел?

Он кивнул.

— Почему ты уверен, что это именно симбиоз?

— Не знаю, — тихо ответил Вебер и сжал кулаки так, что побелели пальцы.

Я передал ему ружье и пошел в палатку, которую делил с Кемпером. Бактериолог проснулся и заговорил со мной. Хотя, быть может, он и не спал.

— Это ты, Боб?

— Я. Все в порядке.

— Что-то не спится. Лежу и думаю, — сказал он. — Безумное

местечко.

— Куставры?

— Не только они. Вся планета. Впервые сталкиваюсь с такой пустотой ни деревьев, ни цветов. Ничего. Лишь бескрайнее море травы.

— Разве есть инструкция, запрещающая находить планеты-пастбища? — пошутил я.

— Слишком просто, — ответил он, не принимая моей шутки. — Все неестественно упрощено. Планета аккуратно прибрана и упакована. Как будто кто-то задался целью создать простую планету, отбросил все излишества, прекратил все биологические эксперименты, кроме одного — выращивание единственного вида животных и травы для их питания.

— Ты уверен? Ведь мы не знаем многих деталей. Возможно, мы не успели обнаружить остальных обитателей планеты? Да ты и сам знаешь — загадки возникают за секунды, а разгадываются годами. Согласен, единственные живые существа, которых нам удалось увидеть — куставры, но, возможно, по той простой причине, что они расплодились в невероятных количествах. Они, как высокая гора, заслонили собой все вокруг.

— А иди ты, — прошептал он и отвернулся.

Я улыбнулся: Кемпер вновь стал самим собой, тем Кемпером, которого я знал и любил, с которым мы десять лет подряд делили все радости и невзгоды.

Сразу же после завтрака разгорелся ожесточенный спор.

Оливер и Вебер сказали, что вскрытие будут производить прямо на столе. Парсонс, узнав об этом, готов был вцепиться им в глотки. Я так и не понял, чего он взъерепенился? Ведь еще до первого произнесенного им слова было ясно, что он потерпит очередное поражение. Шуми он, не шуми вскрытия всегда проводились и всегда будут проводиться именно на этом столе. Больше не на чем.

— Я догадывался, что вы ребята не промах. Только отправляйтесь-ка искать другое место для разделки этой туши, — неистовствовал Парсонс. Думаете, приятно сидеть за столом, на котором вы потрошите дохлятину?!

— Но, Карл! Ведь мы займем лишь край стола.

Мы-то знали, что через несколько минут весь стол, а потом и стулья, окажутся завалены кусками куставра.

— Расстелите на траве брезент! — крикнул Парсонс.

— На брезенте невозможно работать скальпелем. Попробуй сам, и ты…

— Убирайте со стола это чудовище, — Парсонс даже не прислушивался к ответам Оливера. — Еще сутки — и оно

протухнет.

Мне надоело слушать их ругань, я отправился на корабль и начал выгрузку клеток с лабораторными животными. Эта работа не входит в мои обязанности; тем не менее, взявшись однажды за ручку клетки, я исправно повторял ее на каждой последующей планете.

Поднявшись на корабль, я прошел в помещение, где размещались клетки. Увидев меня, крысы запищали, зартильи с Центавра заскрипели, а панкины с Поляриса подняли дикий вой, потому что панкины постоянно голодны. Накормить этих тварей невозможно; избыток пищи приводит к перееданию и смерти.

Я подтаскивал клетки к грузовому люку и опускал их на землю с помощью веревки. Выгрузка прошла удачно: я не разбил ни одной клетки, что явилось своеобразным рекордом. Обычно одна-две клетки падают, разбиваются, а животные разбегаются, что дает возможность Веберу лишний раз съязвить в мой адрес.

Окончив выгрузку из люка, я начал подтаскивать клетки к лагерю. Оливер и Вебер колдовали над куставром, ритмично взмахивая скальпелями.

Я ставил клетки в ряд, одна к другой, а на случай дождя принялся натягивать на них брезент. В этот момент появился Кемпер и замер возле клеток, наблюдая, как я работаю.

— Побродил вокруг лагеря, — сказал он таким тоном, что я невольно насторожился.

Какое-то время от стоял молча, молчал и я. Надо хорошо знать Кемпера и то, что к нему не следует приставать с расспросами: он постоит, подумает, а потом сам все расскажет.

— Тихое местечко, — нейтрально заметил я, активизируя процесс его раздумий.

Место и в самом деле выглядело неплохо: яркое солнце, легкий ветерок, чистый прозрачный воздух. И тишина. Абсолютная тишина. Ни единого звука.

— Унылое место, — сказал Кемпер.

— Не очень-то понятно, — произнес я, хотя ждал от него именно этих слов.

— Помнишь, что я сказал тебе ночью?

— Что планета упрощена до предела.

— Да.

Кемпер вновь застыл, наблюдая, как я мучаюсь с брезентом. После минутной паузы он все же выпалил:

— Боб, на планете нет насекомых!

— Что насеко… — но он уже слышал только гребя.

— Ты прекрасно понимаешь, что я хотел сказать. Вспомни Землю, вспомни другие планеты земного типа. Ложишься в траву

и тихо наблюдаешь… Вокруг тебя множество насекомых! Они ползают по земле, перепрыгивают со стебелька на стебелек, копошатся в цветках, жужжат в воздухе.

— А здесь?

Он отрицательно покачал головой:

— Не видел. Я осмотрел добрую дюжину мест, ложился в траву, всматривался, вслушивался, я искал их все утро, но их нет! Боб, это неправильно, неестественно. На планете нет ни одного насекомого!

Его слова вызвали дрожь в теле, тем более, что он произнес их в сильном возбуждении. Состояние Кемпера передалось и мне: что бы как-то скрыть волнение, я продолжал расправлять складки брезента, хотя такой тщательности не требовалось. Что касается насекомых, то я не был большим их поклонником, но их неестественное отсутствие может отрицательно сказаться на нашем бизнесе.

— Пчелы, — напомнил я.

— Какие еще пчелы?

— Пчелы из куставров.

— Я не подходил близко к стаду. Возможно, пчелы летают вокруг куставров.

— А птицы?

— О чем ты говоришь?! Конечно же, не видел ни одной. Но в отношении цветов я ошибся. Лежа в траве, я разглядел крохотные невзрачные цветки.

— Чтобы пчелы не скучали.

Лицо Кемпера окаменело.

— Ты прав. Понимаешь в чем суть? Все спланировано…

— Понимаю, — ответил я.

Мы молча подошли к лагерю.

Парсонс что-то стряпал, продолжая ворчать. Оливер и Вебер не обращали на него ни малейшего внимания. Как и следовало ожидать, весь стол оказался завален различными частями туши куставра, а наши патологоанатомы выглядели ошарашенными.

— Мозга нет, — сказал Вебер и посмотрел на нас с Кемпером так, будто это мы его украли. — Мы не нашли мозг. Мы не нашли даже примитивной нервной системы.

— Я не способен понять, — добавил Оливер, — как живет высокоорганизованное существо не имея мозга и нервной системы.

— Хорошенько приберите свою мясную лавку! — гневно выкрикнул Парсонс, не отходя от плиты. — Не то, парни, придется вам обедать стоя.

— Здорово он ляпнул про мясную лавку, — неожиданно

согласился Вебер. — Насколько нам удалось выяснить, существо состоит не менее, чем из дюжины разных видов тканей, включая рыбу и дичь. А один вид очень походит на мясо ящерицы.

— Запас мяса на все случаи жизни, — сказал Кемпер, — как в хорошем ресторане. Может быть и мы, в конце концов, откопали свой клад?

— Если мясо съедобно, — спокойно добавил Оливер. — Если мы не отравимся, отведав по кусочку, или не покроемся шерстью.

— Постановка опытов — по твоей части, — сказал я. — Клетки я притащил, можешь использовать наших милых маленьких друзей.

Вебер печально смотрел на разделанную тушу.

— Первое вскрытие — грубый предварительный осмотр, — заявил он. — Нам необходимо еще одно существо для дальнейшей работы. Что ты на это скажешь, Кемпер?

Альфред молча кивнул, а Вебер перевел взгляд на меня:

— Как ты думаешь, вы сможете нам помочь?

— Уверен, что сможем, — бойко ответил я. — Никаких проблем.

Я оказался прав. Едва окончился обед, в лагерь приковылял одинокий куставр, остановился в шести футах от стола, печально посмотрел на нас и упал замертво.

Оливер и Вебер работали не смыкая глаз. Несколько дней они резали и ставили опыты, ставили опыты и вновь резали. Они не могли поверить тому, что неизменно обнаруживали внутри существа. Они спорили, эмоционально размахивая скальпелями, а к вечеру впадали в отчаяние. Хорошо, что они работали на пару, иначе дело кончилось бы истерикой.

Кемпер заполнял слайдами коробку за коробкой и в оцепенении сидел у микроскопа.

Парсонс и я слонялся по лагерю. Парсонс иногда приступал к работе брал образцы почвы, а затем пытался классифицировать собранные травы. Анализы образцов почвы давали идентичные результаты, а трав, во множественном числе, не существовало; повсеместно господствовал один вид.

Еще через несколько дней он начал записывать данные о погоде, провел анализ состава воздуха. Но большую часть времени Парсонс ворчал, не зная, как подступиться к составлению отчета.

А я, чтобы никому не мешать, отправился на поиски насекомых, но кроме пчел, летавших вокруг куставров, так ничего и не нашел. Я долго всматривался в голубизну неба, надеясь разглядеть одинокую птичку, но все напрасно. Два дня я пролежал на берегу ручья, уставившись в бегущие струи

прозрачной воды, но не обнаружил никаких признаков живых существ. Я сплел подобие сети и установил в небольшой заводи. Через два дня я вытащил ее из воды, как и предполагал, — пустую. Ни рыбы, ни рака, ничего.

На исходе недели я готов был полностью согласиться с рассуждениями Кемпера.

Фуллертон бродил в окрестностях лагеря. Никто не обращал на него внимания. Каждый Четырехглазый пытается найти нечто такое, что недоступно простому смертному.

В этот день я отправился на "рыбалку". Я долго сидел, уставившись в воду, и вдруг почувствовав спиной, резко повернулся: на берегу стоял Фуллертон и наблюдал, как я ковыряюсь в заводи, причем у меня сложилось впечатление, что он стоит здесь уже не один час.

— Пусто, — сказал он тоном старого учителя, знающего истину, в то время как я, дурачок, пытаюсь что-то найти в этой луже.

Но разозлился я не только из-за его слов. Из уголка рта Фуллертона, вместо неизменной зубочистки, торчал стебелек травы, и он неторопливо пережевывал его, как зубочистку!

— Немедленно выплюнь траву! — заорал я. — Ты, идиот, выплюнь сейчас же!

Его глаза расширились от удивления, рот скривился, так что стебелек выпал сам собой.

— Трудно постоянно контролировать себя, — промямлил он, — вы ведь знаете, это мой первый полет и…

— И, возможно, последний, — грубо оборвал я. — Будет время, поинтересуйся у Вебера, что случилось с одним парнем, сунувшим в рот крохотный листочек. Несомненно, сделал он это не задумываясь, дурная привычка и все такое. Только через минуту он был стопроцентно мертв, как будто специально спланировал самоубийство на далекой планете.

Рассказ подействовал — Фуллертон побледнел.

— Запомню, — сказал он.

Я смотрел на Четырехглазого, немного сожалея, что говорил с ним грубо. Но я не сомневался, что поступил абсолютно правильно — стоит немного расслабиться, потерять над собой контроль и… мгновенно человек превращается в ничто.

— Обнаружил что-то интересное? — спросил я, смягчая обстановку.

— Все время наблюдаю за куставрами, — оживился Фуллертон. — Они необычны и забавны. Но я не сразу понял, что именно вызывает удивление…

— Я могу перечислить сотню забавных и необычных фактов.

— Я имею в виду совсем другое, Саттер. Не пятна, не бугры, не растительность. Все стадо выглядит очень странно. И вдруг до меня дошло: в стаде нет молодняка, нет ни единого детеныша!

Конечно же, Фуллертон прав! Стоило ему сказать, и я сразу же понял. В стаде нет ни единого теленка или куставренка. Мы постоянно сталкиваемся только со взрослыми особями. Но может ли это значить, что детенышей нет вовсе? Или они нам просто не попадаются на глаза? Кстати, этот же вопрос относится и к насекомым, и к птицам, и к рыбам.

И тут, с некоторым опозданием, я ухватил нить его мысли, вывод, который он сделал из факта отсутствия детенышей. Его МЕЧТА, безумная фантазия, которую он надеялся найти, обнаружена на этой планете.

— Ты сумасшедший!.. — вымолвил я.

Он смотрел на меня с берега, сверху вниз, глаза его блестели, как у ребенка, ожидающего рождественский подарок.

— Это должно было случиться, Сапер, — сказал он. — Где-нибудь, когда-нибудь. И это случилось.

Я выбрался на берег и встал рядом с ним. Какое-то время мы стояли молча, потом до меня дошло, что я все еще держу в руке сеть. Я бросил ее в воду и долго смотрел, как она погружается на дно.

— Неопровержимых доказательств нет, — сказал я. — Развитие куставров в данном направлении — отнюдь не бессмертие, не может являться бессмертием. Наоборот, развитие на основе симбиоза — тупик. И, бога ради, не рассказывай никому о своих умозаключениях, иначе тебе не избежать насмешек на протяжении всего обратного полета.

Не знаю, что мне взбрело в голову тратить на воспитание Четырехглазого столько времени. Он упрямо продолжал смотреть на меня, но огонь триумфа постепенно погас в его глазах.

— Буду держать язык за зубами, — тихо, но настойчиво сказал я. Никому ни слова.

— Спасибо, Саттер, — ответил он. — Я ценю ваше доброе ко мне отношение.

Но по его тону я понял, что он бы задушил меня с большей радостью.

"Выяснив" отношения, мы побрели в лагерь.

Огромные пирамиды из фарша, в который превращали куставров Оливер и Вебер, исчезли. Стол неправдоподобно блестел. Парсонс готовил ужин, радостно напевая одну из своих многочисленных песенок.

Оливер, Вебер и Кемпер расположились в креслах, потягивали ликер и тихо беседовали.

— Работа завершена? — спросил я.

Оливер, вместо того, чтобы утвердительно кивнуть, покачал головой. Он налил еще один стакан и протянул его Фуллертону. Четырехглазый взял без колебаний. Для него подобный шаг — огромное достижение. Мне выпить даже не предложили, знали, что все равно откажусь.

— Что же вам удалось выяснить?

— То, что нам удалось выяснить, весьма оригинально, — ответил Оливер. — Мы имеем в распоряжении ходячее меню. Куставры дают молоко, несут яйца, собирают мед. Их туши состоят из шести сортов мяса животных, двух сортов птичьего, рыбного филе, и еще какой-то съедобной массы, но что она такое, мы определить не смогли.

— Откладывают яйца, — повторил я его слова, — дают молоко. Значит, они воспроизводят себе подобных?

— Конечно, — уверенно ответил Вебер, — а ты думаешь иначе?

— Тогда где же детеныши?

Вебер хмыкнул.

— Возможно, молодняк содержится в специально отведенных для этого местах, которые находятся далеко отсюда.

— Или у них выработался контроль над рождаемостью, постепенно перешедший в инстинкт, — предположил Оливер. — К тому же этот инстинкт согласуется с идеальной, сбалансированной экологической ситуацией на планете, о которой говорил Кемпер.

— Невероятно, — фыркнул Вебер.

— Невероятно?! — воскликнул Кемпер. — В десятки раз вероятнее, чем отсутствие у куставров мозга и нервной системы. И намного вероятнее, чем наличие в существах бактерий.

— Уж эти твои бактерии! — Вебер одним глотком осушил полстакана, подчеркивая тем самым свое негодование.

— Мои-мои, — Кемпер усмехнулся. — Только почему куставры буквально кишат ими? Бактерии распространены по всему организму равномерно, и все они, как две капли воды, похожи одна на другую, то есть, относятся к одному виду. Всем известно, что организму, в том числе человеческому, для нормальной работы — вернее, для процессов метаболизма — требуются сотни бактерий и микроорганизмов. У куставров всю работу выполняет один вид. Он подмигнул Веберу. — Не ошибусь, если скажу, что именно наличием этих бактерий обусловлено отсутствие мозга и нервной системы — они их заменяют. Более того! Как мы видим, они прекрасно справляются со своими обязанностями.

Парсонс, все время прислушивавшийся к разговору, подошел к нам. В одной руке он сжимал большую вилку, которую использовал для готовки.

— Спросите меня, — заявил он, — и я скажу вам, что куставры неправильны от кустов и до хвоста. Подобные животные до сих пор не существовали и существовать не должны.

— Но они есть. От факта их реального существования нам уже не избавиться, — заметил Кемпер.

— Тогда скажи мне, в чем смысл этого факта?! Один вид животных монополизировал жизненное пространство целой планеты и питается единственно существующим видом травы. Причем я абсолютно уверен, что количество травы, вплоть до одной единственной травинки, точно соответствует общему количеству куставров… Устранено даже малейшее нарушение в отклонении от оптимального количества питания.

— Что же неправильного ты видишь в том, что вся их жизнь подчиняется логике? — спросил я, пытаясь его "подколоть", но тут же подумал, глядя на его вилку, а не захочет ли он в ответ подколоть меня?

— Что из того!!! — прогрохотал Парсонс. — Природа не есть статическая субстанция, она ну на секунду не останавливается в своем развитии. Но на этой планете мы столкнулись с автоматизированной биостанцией, вернее фабрикой. Интересно, кто регулирует выпуск продукции? Кем заложена программа ограничения развития?

— Верно оценивая происходящее, ты не совсем правильно формулируешь вопрос, интересующий нас, — спокойно сказал Кемпер. — Ты, незаметно для себя, проскочил мимо более важного: почему? — а не кто. Каким путем шла эволюция жизни на планете? Как получилось, что жизнь оказалась строго спланированной? Почему природа пришла к подобной ситуации?

— Нет никакого планирования, — кисло улыбнулся Вебер. — Да ты и сам знаешь, хоть и несешь всякую чушь.

Разговор на некоторое время прервался. Парсонс вернулся к плите. Фуллертон отправился прогуляться. Кажется, его шокировали наши разговоры. Что за обыденность спорить о молоке и яйцах?

Мы долго сидели молча. Минут через пятнадцать Вебер тихо сказал:

— Боб, помнишь первую ночь? Я вышел сменить тебя и сказал… — он посмотрел на меня. — Ты помнишь?

— Конечно, ты говорил о возможностях развития симбиоза.

— Теперь ты думаешь по-иному? — спросил Кемпер.

— Даже и не знаю… Разве возможно, чтобы симбиоз достиг

столь высокого уровня? Симбиоз — логическое завершение эволюции живых существ планеты? А если мои предположения верны, то куставры — идеально завершенный пример симбиоза. Представляете себе: давным-давно, все живые существа планеты собрались вместе и решили, что пора объединиться. И тогда все растения, животные, рыбы и бактерии слились в одно существо…

— Красивая, но мало правдоподобная сказка, — заметил Кемпер. Симбиоз — разновидность приспособительной реакции на воздействие внешней среды. Но нельзя не отметить, что здесь он продвинулся очень далеко и…

Парсонс издал гортанный рык, призывая всех к столу. Я же, вздохнув, поплелся в палатку и приготовил крайне безвкусную клейкую массу. Я утешал себя тем, что такую гадость только в одиночестве и есть — достаточно одной шутки и меня стошнит.

На деревянной клетке для животных, которую я приспособил в качестве стола, лежала тонкая стопка листов с рабочими записями. Проталкивать внутрь себя отраву легче, занимаясь интересным делом. Поэтому за едой я успел просмотреть все записи. Они делались отрывочно, кое-где листы были запачканы кровью куставров и еще какой-то липкой пахучей жидкостью. Однако за время работы с Оливером и Вебером мне приходилось разбирать и не такие каракули.

Конечно, записи не могли дать полной картины происходящего, но кое-что проясняли. Например, разноцветные пятна, придававшие созданиям столь несуразный вид, четко соответствовали сортам мяса, располагавшимся под ними. Неужели каждое пятно некогда являлось самостоятельным организмом?

Орган яйцекладки описывался подробно, но свидетельств в пользу его необходимости, судя по всему, не существовало. Так же, как не имелось свидетельств и в пользу закономерности такого биологического процесса, как лактация. Молодняка нет — кому в таком случае предназначается молоко?

Писанину Оливера я разбирал дольше обычного, но все же получил представление о пяти видах фруктов и трех видах овощей. После обеда я прилег на кровать, переваривая и прочитанное, и съеденное.

Итак, наши существа представляют собой сельскохозяйственную фирму, дающую чистую прибыль, без каких-либо расходов. Да и о каких расходах может идти речь? Ходячее мясо, косяки рыбы, птицефабрика, молочное хозяйство, сад, огород — все это скомпоновано в теле одного животного полнокровная ферма!

Я еще раз торопливо перелистал записи, остановившись на

моменте, наиболее меня заинтересовавшем: съедобные части составляют основную массу тела куставров, а отходы мизерны. Да о таком животном специалисту по сельскому хозяйству приходится только мечтать!

Лишь одна мысль волновала меня. А что, если продукты из куставров окажутся несъедобными для человека? И еще. Возможно, куставры приспособились к окружающим условиям настолько сильно, что покинув родную планету могут погибнуть.

Тут же, словно дурной сон, предстало перед глазами видение — куставр подходит к нам и падает замертво. Неожиданно яркая и реальная картина вызвала головную боль, беспокойство. Вопросы начали всплывать сами собой: приживется ли на другой планете трава? Смогут ли куставры приспособиться к новым условиям? С какой скоростью они воспроизводят себе подобных? Можно ли ускорить этот процесс?

Я поднялся и вышел на свежий воздух. Легкий ветерок стих. Солнце уже клонилось к закату, тишина стояла неправдоподобная. Я задрал голову. Быстро темнело, звезды проявлялись на небе, как на фотографической бумаге. Они сверкали непривычно ярко и было их так много, что они поражали воображение, будили странные мысли. Взошла луна, но звезды продолжали светить с той же яркостью. С большим трудом я оторвался от непривычного зрелища и неторопливо отправился к товарищам.

— Все идет к тому, что мы задержимся, — спокойно произнес я, — а потому завтра начинаем разгрузку корабля.

Никто не произнес ни слова, но тишина говорила сама за себя — все удовлетворены тем, что вот, наконец, повезло и нам. Представляю, как вытянутся лица у конкурентов, когда мы вернемся домой с таким уловом. Полный триумф, всеобщая известность, безбедное существование!

Нарушил наше ликующее молчание Оливер:

— Некоторые лабораторные животные не в лучшей форме. Сегодня я внимательно наблюдал за ними, морские свинки и крысы выглядят больными, и он посмотрел на меня так, будто это я заразил их. Пришлось возмутиться:

— Нечего смотреть на меня обиженными глазами. Я не смотритель, и ухаживаю за ними лишь во время полета.

Кемпер попытался прервать спор:

— Прежде чем говорить о корме, новом корме, его нужно иметь. Завтра надо добыть еще одного куставра.

— Бьюсь об заклад, что… — начал Вебер, но Кемпер молча отмахнулся от его предложения, даже не дослушав.

И оказался прав, так как сразу после завтрака в лагере

объявился очередной куставр и, как по команде, упал замертво. Ребята набросились на него, а Парсонс и я занялись выгрузкой съестных припасов и оборудования. Работы хватило на целый день; мы выгрузили большую часть приборов, даже холодильник для хранения мяса куставра и все продукты, за исключением аварийных пайков. Оборудования оказалось так много, что пришлось ставить дополнительные палатки. К вечеру мы валились с ног от усталости.

Утром все, как заведенные, принялись за работу. Кемпер продолжал экспериментировать с бактериями, Вебер не отходил от туши куставра, Оливер выкопал несколько пучков травы и возился с ней. Парсонс отправился на полевые работы. Он что-то бубнил себе под нос и готов был рвать и метать; его бесила любая мелочь. Изучение экологии планеты, пусть даже самой простой — трудная многогранная работа, требующая выполнения огромного объема исследований. Но на этой планете делать ему было нечего: борьба за существование отсутствовала, а единственные живые существа, куставры, мирно прохаживались, пощипывая травку.

Я попытался составить черновик своего будущего отчета. То, что мне придется многократно его переписывать, не вызывало сомнений. Я принялся за работу с явным волнением; мне не терпелось слепить из отдельных фрагментов нечто цельное. Задача была трудна, но я не сомневался, что справлюсь с ней.

Утром одна из клеток оказалась пуста. Это панкины каким-то образом прогрызли решетку и выбрались наружу, на свежий воздух. Их бегство почему-то сильно подействовало на Вебера.

— Они вернутся, — спокойно сказал Кемпер. — Имея их аппетит, нельзя не вернуться в лагерь. — Как выяснилось позже, он оказался прав, ведь он отлично знал, что представляют из себя эти обжоры. Их кулинарные запросы невозможно удовлетворить; едят они буквально все, а главное — в чудовищных количествах. У панкинов необычайный метаболизм, что и делает их незаменимыми лабораторными животными.

Часть наших животных мы посадили на диету из мяса куставров. И они буквально расцвели, все как один потолстели и внешне выглядели очень жизнерадостно. Контрольные животные на их фоне казались больными и измученными. Даже прихворнувшие крысы и морские свинки, переведенные на диету, поправились и выглядели лучше, чем до болезни.

Когда мы собрались, Кемпер, возившийся возле клеток, сказал:

— Куставры для животных не только пища, но и лекарство. Я уже вижу рекламу: "ДИЕТА ИЗ КУСТАВРОВ ГАРАНТИРУЕТ ВАМ

ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ЗДОРОВЬЕ И ДОЛГОЛЕТИЕ!"

Вебер заворчал на него. Он и так-то не понимал юмора, а в данный момент был еще и обеспокоен. Его можно было понять. Серьезный, если не сказать большой ученый, он столкнулся с совершенно новыми, никому не известными истинами, многие из которых опровергали, перечеркивали весь его многолетний опыт. Отсутствие мозга, нервной системы, способность умирать по собственному желанию, симбиоз, бактерии… Он не мог согласиться со всем этим сразу. Именно бактерии, как мне кажется, доконали его.

Но тревожился не только Вебер, то же происходило и с Кемпером, поведавшим нам о своих сомнениях перед сном. Он выбрал темой дня разговора самое безумное открытие, взволновавшее нас:

— Я могу объяснить экологическую ситуацию, сложившуюся на планете. Но для этого-нужно изменить наше изначальное отношение к симбиозу, как к длительному процессу. Ведь мы считаем, что куставры возникли в результате грандиозного всепланетного симбиоза. В принципе, поверить в данную экологическую схему можно, если задать ей значительный по масштабам Вселенной временной интервал. Однако у меня возникла другая теория — и мозг, и нервную систему куставрам заменяют бактерии. — Он сделал паузу и продолжал: — Но готовы ли мы осознать, поверить в нее и воспринять? Ведь для этого необходимого сказать себе: эта планета — мир бактерий, а не куставров. Если так, то напрашивается еще один вывод: бактерии, для того, чтобы являть собой разум, образуют единую систему, единый гигантский мозг. Если моя теория близка к истине, значит смерть куставра таковою не является. А упавшее замертво существо — не более, как отстриженный ноготь или вырванный волосок. Могу поздравить Фуллертона — бессмертие найдено, хотя оно приняло столь невероятную форму, что его и бессмертием-то назвать нельзя.

Кемпер остановился, его лицо исказила гримаса боли.

— А вот что меня и в самом деле беспокоит, так это отсутствие защитных механизмов. Даже если принять на веру, что куставры всего лишь фасад, видимая часть мира бактерий, все равно должен существовать защитный механизм. Как обязательная мера предосторожности… Ведь до сих пор все известные нам существа так или иначе обладали способностью защищать самих себя или избегать потенциальных врагов. Одно из двух — существо либо убегает, либо сражается, но оно в любом случае защищает себя, свою жизнь.

Несомненно, Кемпер был прав. Куставры не только не имели

защитного механизма, более того, они сами избавляли нас от неприятной обязанности убивать.

— Возможно, мы ошибаемся, — продолжал Кемпер, — и жизнь не так значима, как нам всегда казалось. Возможно, за нее не следует цепляться, бороться из последних сил. Возможно, не стоит бросаться на врага и перегрызать ему глотку только для того, чтобы сохранить в неприкосновенности собственную шкуру. Возможно, куставр, упавший замертво, куда ближе к истине, чем мы с вами. Возможно…

Все эти "возможно" и "может быть…" начинались сразу после ужина и продолжались до поздней ночи. Круг мыслей постоянно замыкался на одних и тех же выводах. Мне кажется, Кемпер не просто говорил, он пытался спорить сам с собой, стараясь в процессе разговора найти иной подход к решению проблемы.

Когда лампа была погашена и все улеглись спать, я долго еще лежал без сна, додумывая теорию Кемпера, пытаясь самостоятельно найти выход из лабиринта фактов. Меня поражало, что все куставры, посетившие нас, находились в расцвете сил. Может быть, смерть является привилегией молодых и здоровых? Или все куставры молоды и здоровы? Имеется ли объективная причина считать их бессмертными существами? Я задавал себе множество вопросов, но найти ответов не мог.

Работа продолжалась. Вебер произвел несколько вскрытий лабораторных животных, получавших в пищу мясо куставров, и досконально исследовал их. Оснований считать, что пища воздействует на организм животных отрицательно, не было. В крови животных обнаружилось некоторое количество бактерий, но патологических изменений или появления антител они не вызывали. Кемпер постоянно занимался их исследованием. Оливер начал новую серию экспериментов с травой, на этот раз по развернутой схеме. Парсонс отдыхал — он окончательно сдался.

Панкины не возвращались, Парсонс и Фуллертон занялись их поисками, но безуспешно.

Я продолжал, кирпичик к кирпичику, составлять отчет. Работа продвигалась быстро, слишком быстро. Именно легкость и простота вызывали смутные предчувствия и подозрения. Логика уверяла в обратном — разве может что-либо случиться на этой планете?

И тем не менее случилось.

За ужином до нас донесся отдаленный шум. Он возник где-то очень далеко и нарастал медленно и ненавязчиво, так что мы не сразу обратили на него внимание. Звук этот напоминал шум ветра, шевелящего листву молодого деревца. Но постепенно он

перешел в гул, напоминающий отдаленные раскаты грома. Только я раскрыл рот, чтобы сказать о грозе, как Кемпер вскочил на ноги и начал что-то орать нам. Что именно, я так и не понял — вернее, не расслышал слов, хотя смысл дошел до нас всех за одну секунду и мы тут же бросились к спасительному корпусу корабля. Когда мы подбегали к трапу, тембр звука изменился. Не оставалось сомнений, что это топот копыт, стремительно наплывающий на лагерь. У трапа возникла небольшая заминка, куставры были уже недалеко, так что я бросился к веревке, свисавшей из грузового люка. С ее помощью мы производили разгрузку, а втянуть ее наверх я просто забыл. Не могу назвать себя специалистом в лазании по канату, но в этом миг я начал карабкаться по веревке с максимальной для человека скоростью. Взглянув вниз, я увидел, что вслед за мной карабкается Вебер, который так же никогда не отличался способностями циркача. Я полз и думал о том, как нам повезло, что я так и не нашел времени, чтобы подтянуть веревку наверх. А ведь именно Вебер отругал меня за нерадивость. Я хотел крикнуть ему, но так запыхался, что слова застряли в горле.

Мы добрались до люка и влезли внутрь. Под нами, перемалывая все кругом, проносились куставры. Они бежали мимо нас так, будто от испуга: тысячи, миллионы животных. Тем поразительнее выглядел их молчаливый бег. Ни крика, ни писка, лишь топот копыт — безголосье пугало сильнее, чем вид бесчисленного стада. Казалось, сама ярость окутывала нас со всех сторон…

Не менее странным казалось и то, что бескрайнее море куставров расступилось перед кораблем, а за ним вновь смыкаясь, оставляя небольшой участок нетронутой земли. При свете звезд стадо просматривалось на многие мили, а далее сливалось с горизонтом. Увидеть, где оно кончается — и кончается ли вообще, так и не удалось.

Мы могли бы не забираться в корабль, но кто мог предположить, что куставры станут соблюдать такую точность при передвижении?

Нашествие длилось не менее часа. Когда последний куставр исчез в темноте, мы боязливо спустились вниз и попытались определить нанесенный ущерб. Клетки с животными, ставшие на полпути между кораблем и лагерем, остались неповрежденными. Палатки, в которых мы спали, за исключением одной, стояли на местах. На столе по-прежнему ярко горела лампа.

Все запасы продовольствия и большая часть оборудования оказались втоптаны в землю. Территория вокруг лагеря напоминала свежевспаханное поле. Единственное, что не было уничтожено — записи и животные.

— Три недели, — сказал Вебер, — и я закончу опыты.

— У нас их нет, как и запасов продовольствия, — ответил я.

— А НЗ?

— Только на обратный путь.

— Ничего, можно и поголодать.

Вебер оглядел нас всех по очереди, после чего произнес:

— Я могу три недели обходиться без всякой пищи.

— Давайте попробуем мясо куставров, — предложил Парсонс. — Кто готов рискнуть?

Вебер отрицательно покачал головой:

— Не сейчас. Через три недели, когда я закончу опыты. Вот тогда и решим. Если мясо куставров окажется пригодным для человека, то НЗ нам вовсе не понадобится. Будем пировать всю обратную дорогу до Кэфа.

— Так и поступим, — сказал я, зная, что парни согласны.

— Вам-то что, — послышался голос Четырехглазого, — с таким запасом диетической пищи можно и поголодать.

Парсонс подошел к Фуллертону, сгреб в охапку, приподнял и потряс его так, что голова Четырехглазого задергалась из стороны в сторону, как у куклы. После чего он осторожно поставил его на ноги и тихо сказал:

— Разговоры о диете нам несколько неприятны, дружище.

Сигнальная система оказалась уничтоженной, поэтому мы установили сдвоенное дежурство. Но никто так и не сомкнул глаз в эту ночь. Опустошительное нашествие куставров повергло всех в уныние; меня интересовал один вопрос — что их так напугало, что за чудовищная сила заставила многомиллионное стадо мчаться сквозь тьму сломя голову? Ответа я не находил. Раз за разом я возвращался к единственно верному предположению — на планете не существовало причин, способных вызвать паническое бегство куставров. Но все же причина была, ведь мы являлись свидетелями ее следствия. Более того, причина эта связана с появлением существ в лагере и их смертью на наших глазах. Но что является первопричиной их поведения разум или инстинкт? Вот вопрос, мучивший сильнее всего, не давая уснуть.

А на рассвете в лагере появилось очередное существо и с радостью упало замертво к нашим ногам.

Мы обошлись без завтрака. Никто не вспомнил и про обед. С первыми сумерками я забрался по трапу на корабль, чтобы принести немного продуктов для ужина, но ничего не нашел. Вместо продуктов в углу расположились пять панкинов — более толстых и довольных тварей я никогда не видел. Они даже не шумели, как обычно. Я догадался, что они прогрызли дыры в ящиках с продовольствием и прикончили все до последней

крошки. Более того, они каким-то образом ухитрились отвернуть крышку у банки с кофе, опрокинув ее, и смолотили все зерна.

Нашим запасам пришел конец. Я отупело глядел на толстые лоснящиеся мордочки панкинов. Меня вдруг осенило, каким образом они пробрались на корабль! Я проклинал свою нерадивость; если бы я вовремя убрал веревку, ничего бы не случилось.

Потом я вспомнил, что веревка спасла нам с Вебером жизни. Я спокойно подошел к панкинам, троих распихал по карманам, оставшихся двоих взял в руки. Спустившись с корабля, я направился к лагерю.

— Вот они, — сказал я и посадил панкинов, всех пятерых, на стол, наши беглецы. Пробрались на корабль, а мы не могли их найти. Вскарабкались по веревке.

Вебер внимательно изучил их.

— А они неплохо подхарчились. Что-нибудь нам оставили?

— Вычистили все до последней крошки.

Панкины выглядели стопроцентно счастливыми. Очевидно, их обрадовала встреча с нами. Не было причины оставаться на корабле дальше, после того, как они прикончили НЗ.

Парсонс достал тесак и подошел к куставру; умершему утром.

— Приготовить слюнявчики, — скомандовал он и отрезал от туши большой кусок мяса. Потом еще один, и еще один, и еще… Как только он приступил к жарке, я рванулся в свою палатку, потому что никогда прежде нос мой не ощущал столь аппетитного, столь зовущего запаха. Я раскрыл сумку, наугад приготовил порцию липкой отравы и начал запихивать ее в себя, помогая ложкой.

Через некоторое время явился Кемпер. Он расслабленно-довольно плюхнулся на койку.

— Желаешь выслушать мой рассказ? — спросил он.

— Валяй!

— Изысканно. По вкусовым качествам превосходит любое блюдо, приготовленное руками человека во все времена. Мы попробовали три сорта мяса, отведали по ломтику рыбы и еще чего-то, что напоминало мясо омара, но вкус много нежнее и тоньше… После мяса мы разрезали плод — смесь дыни и ананаса.

— А завтра вы упадете замертво.

— Не думаю, — сказал Кемпер. — Ты же видел, что общее состояние животных заметно улучшилось.

Конечно, думал я. Все сходится к тому, что Альфред прав.

Одного куставра как раз хватило на день. Сыты были и люди, и животные. Куставры не обнаруживали более агрессивных

намерений, зато каждое утро оказывались под рукой. И именно в тот момент, когда о них вспоминали.

Я внимательно наблюдал за своими товарищами. Количество пищи, уничтожаемое ими, становилось просто неприличным. Ежедневно Парсонс нажаривал горы огромных кусков разного мяса, рыбы, дичи и всякой всячины. Он выставлял на стол тазы с овощами и фруктами, а откуда-то появившимися кувшин ежедневно наполнял медом. И люди, и животные съедали все, буквально вылизывая тарелки и миски.

Я смотрел на своих компаньонов. Они сидели вокруг стола, расстегнув ремни, и похлопывая себя по животам. Их самодовольные физиономии вызывали у меня чувство отвращения. Я напрасно ждал, что их желудки начнет сводить от боли, а тела покроются растительностью. Ничего не происходило. Более того, все они утверждали, что никогда еще не чувствовали себя так хорошо.

Прошло две недели. Как-то утром Фуллертон почувствовал слабость. Он попытался встать, но не смог. Еще через час его начало трясти, как в лихорадке. Симптоматика соответствовала вирусному заболеванию с Центавра, но ведь мы получили от него прививку. За эти годы нам сделали профилактические прививки от всех известных заболеваний. К тому же, перед каждым вылетом нас дополнительно накачивали разнообразными сыворотками.

Я не сомневался, что лихорадка вызвана перееданием. Тем более, что ей оказался подвержен Четырехглазый.

Оливер, немного разбиравшийся в лекарствах, притащил с корабля аптечку и ввел Фуллертону максимальную дозу какого-то антибиотика, рекомендованного на все случаи жизни.

Мы продолжали работать, надеясь, что через день-два он самостоятельно встанет на ноги. Но Фуллертону становилось все хуже и хуже.

Оливер повторно перерыл аптечку, тщательно изучив все инструкции и этикетки, но ничего нового не обнаружил. Он внимательно перечитал брошюру об оказании первой медицинской помощи, но в ней описывались лишь сломанные ноги и вывихнутые суставы.

Кемпер волновался больше всех — он попросил Оливера взять у Фуллертона пробу крови и приготовил гемослайд. Заглянув в окуляр микроскопа, он обнаружил, что кровь буквально кишит бактериями куставров. Повторные анализы были идентичны первому.

Оливер и Кемпер работали, а мы стояли вокруг стола, ожидая приговора. Молчание прервал Оливер, решившийся вслух высказать наши худшие опасения.

— Ну, кто следующий? — спросил он.

Парсонс протянул руку. Все напряженно ожидали оглашения приговора.

— Бактерии есть и в твоей крови, — сказал Кемпер, — но их количество значительно меньше, чем у Фуллертона.

Мы поочередно подходили к Оливеру, результаты анализов повторялись. Правда, в моей крови бактерий содержалось меньше, чем у остальных ребят.

— Мясо куставров, — сказал Парсонс, — Боб не ел.

— Но ведь тепловая обработка уничтожает… — начал Оливер.

— Ты уверен? Эти бактерии должны иметь безумно высокий коэффициент адаптации. Ведь они выполняют в организме куставров огромную работу. Думаю, они могут с легкостью приспособиться к любым, даже самым непредвиденным условиям. Кроме того, овощи и фрукты мы ели в сыром виде. Да и мясо, дорогие мои, вы предпочитаете уминать недожаренным.

— Но кто объяснит мне, — вопрошал Оливер, — почему именно Четырехглазый заболел первым? Почему количество бактерий в его крови больше, чем у остальных? Ведь он начал употреблять мясо куставров в пищу одновременно с нами.

Тут-то я и вспомнил свой разговор с Фуллертоном на берегу ручья. Я рассказал о травинке, которую жевал Четырехглазый, но рассказ едва ли улучшил их настроение.

Через неделю, максимум две, количество бактерий в крови каждого из нас станет таким же, как и у Фуллертона. Я подумал было, а правильно ли я сделал, что рассказал? Наверное, правильно.

— Не есть куставров мы не можем, — сказал Вебер. — Другой пищи просто-напросто нет. Как и обратного пути.

— Я подозреваю, — проговорил Кемпер, — что для нас все уже в прошлом. Ракета улетела, и мы на нее опоздали.

— Надо немедленно стартовать, — сопротивлялся я, — и моя диетическая сумка…

Закончить фразу мне не удалось: все начали смеяться, как сумасшедшие, толкаясь и хлопая меня по спине.

Я молча стоял, опустив глаза долу. Их смех, вызванный моей непредвиденной шуткой, больше напоминал разрядку после нервного перенапряжения.

— Спасибо, — сказал Кемпер, — твоя сумка не решит основной проблемы; бактерии сидят внутри нас! И еще — диетической сумки на всех не хватит.

— Стоит попытаться, — возразил я.

— Подождем, — прервал нас Парсонс. — Тем более, что

иного выхода нет. Да и лихорадка может оказаться временной реакцией организма на перемену диеты.

И все дружно закивали, внушая себе, что он прав.

Но Фуллертону лучше не становилось. Вебер взял для анализа кровь у животных. Количество бактерий оказалось столь же высоко, как и у Четырехглазого.

Вебер ругал себя последними словами:

— Мне следовало давно догадаться, что пробы крови необходимо брать каждый день!

— Что бы это изменило? — спросил Парсонс. — Единственный источник калорий — куставры. Выхода нет.

— Будем надеяться, что дело не в бактериях, ведь животные чувствуют себя прекрасно. А наш дорогой Четырехглазый мог подхватить что угодно.

Лицо Вебера слегка прояснилось:

— Возможно, вы и правы.

Несколько дней томительных ожиданий ни к чему не привели — Фуллертон находился все в том же состоянии.

И вдруг, в одну из ночей, он исчез.

Оливер, дежуривший около него, ненадолго вздремнул. Парсонс, охранявший лагерь, не слышал ни звука.

Утром мы отправились его искать — далеко уйти в таком состоянии он явно не мог. Но поиски не дали результатов. Хотя мы наткнулись на шар непонятной консистенции, белого, почти полупрозрачного цвета, четырех футов в диаметре. Он лежал на дне небольшого овражка, скрытый от любопытных глаз, как будто специально спрятанный в этом месте.

Мы осторожно потрогали его, несколько раз перекатили с места на место, пытаясь определить, из чего слеплен и как мог попасть сюда. Но, поскольку мы отправились на поиски Фуллертона, шар пришлось оставить в покое. Найдем Четырехглазого — вернемся к загадочному шару.

Вечером, возвратившись в лагерь с пустыми руками, мы обнаружили, что лихорадка началась и у животных — их трясло, как не знаю что. Вебер работал с ними, не имея ни секунды для отдыха. Мы, чем могли, ему помогали. Анализы крови показывали, что содержание бактерий достигло невероятного уровня. Вебер несколько раз производил вскрытия, но фактически не заканчивал их: он разрезал шкуры, вскрывал брюшную полость, заглядывал внутрь и тут же выбрасывал животных в ведро, даже не пытаясь продолжить обычное патологоанатомическое исследование. Я видел его напряженное лицо в те моменты, когда его рука зависала над ведром с тушкой животного, но кроме меня никто не обращал на Вебера никакого

внимания. Ребята выглядели жутко измотанными. Я попытался выяснить у Вебера подробности вскрытий, но он грубо оборвал меня на полуслове.

Вечером я отправился спать раньше обычного — с полуночи начиналось мое дежурство. Не успел я глаз сомкнуть, как меня разбудил зловещий гул, от которого волосы встали дыбом. Я вскочил с постели. Оказалось, что уже ночь, и я долго шарил в темноте, пытаясь найти ботинки. Кемпер вылетел из палатки, как пуля.

С животными что-то происходило. Дико крича, они пытались вырваться наружу, грызли прутья, кидались на них, ослепленные яростью.

Вебер метался от клетки к клетке со шприцем в руке. Прошло несколько часов, прежде чем нам удалось напичкать животных успокоительным и мы снова смогли позволить себе улечься. Нескольким животным все-таки удалось убежать.

Ребята разбрелись по палаткам, а я, с ружьем на коленях, остался дежурить. Но уже через несколько минут я встал и начал прогуливаться вдоль клеток — недавний концерт вызвал во мне столь сильное возбуждение, что сидеть я не мог.

Для меня было совершенно очевидно, что исчезновение Фуллертона и желание животных вырваться из клеток — взаимосвязанные события. Я вспомнил рассуждения Кемпера о защитном механизме, о том, что он отсутствует у куставров. Но, может быть, сказал я себе, этот механизм есть — и он ловко обманывает нас. Механизм, столь неожиданный для человеческого разума, что мы не готовы к его пониманию.

Утром, когда парни начали просыпаться, я забрался в палатку и растянулся на койке, чтобы немного вздремнуть. Измученный вчерашними событиями, я проспал десять часов. Разбудил меня Кемпер:

— Да поднимайся же, Боб, — устало произнес он. — Вставай, бога ради.

Темнело. Последние лучи заходящего солнца пробивались сквозь неплотно запахнутую дверцу палатки. Кемпер выглядел изможденным и постаревшим, как будто мы расстались с ним не вчера вечером, а несколько лет назад.

— Животные покрылись оболочкой. — Он вздохнул. — Теперь они напоминают коконы…

Я сел, не дослушав его.

— Тот шар в овраге!

Кемпер молча кивнул.

— Фуллертон?!

— Для того я тебя и разбудил. Мы решили взглянуть на него.

Мы отыскали шар с наступлением темноты. Местность оказалась на редкость ровной и наш овражек затерялся. Шар, расколотый на две половины, напоминал скорлупу яйца, из которого только что вылупился цыпленок. Темнота все сгущалась, а перед нами, поблескивая в тишине звездного неба, лежали две половинки шара — "последнее прощай", начало новой пугающе-чужеродной жизни.

Я подумал, что следует, как на похоронах, что-нибудь сказать, но мозг мой был пуст, а язык прилип к пересохшим губам.

Мы внимательно осмотрели землю вокруг "яйца" и нашли следы существа, выбравшегося из него. Это были следы новоиспеченного куставра.

Мы молча поплелись в лагерь.

Кто-то зажег лампу. Все стояли, не в силах поднять глаза от земли, понимая, что наше время истекло и отрицать увиденное в овраге — глупо и бессмысленно.

— Шанс остался только у одного из нас, — начал Кемпер, нарушив долгую, пугающую тишину. Голос его, как ни странно, звучал спокойно и уверенно. — Боб, ты должен улетать немедленно. Кто-то ведь обязан вернуться на Кэф и сообщить, что здесь произошло.

Он посмотрел на меня долгим пристальным взглядом.

— Ну, — резко сказал он. — Отправляйся! Что с тобой?

— Ты был прав, — прошептал я, — когда рассуждал о защитном механизме, помнишь?

— Теперь-то мы знаем, что защитный механизм существует… согласился Вебер. — Лучшего защитного механизма невозможно даже представить. Ведь он неодолим. Фауна планеты не пытается воевать с нами, она просто адаптирует нас, преобразует в себе подобных. Не удивительно, что на планете существуют одни куставры, не удивительно, что экология предельно проста. Шагнув в этот мир вы попадаете в ловушку. Стоит только сделать глоток воды, сжевать стебелек, отведать кусочек мяса.

Оливер вышел из темноты и остановился напротив меня.

— Вот твоя диетическая сумка и записи.

— Но я не могу улететь без вас!

— Забудь про нас! — рявкнул Парсонс. — Мы уже не люди, понимаешь?! Через несколько дней…

Он схватил лампу, подошел к клеткам и осветил их.

— Смотрите! — выкрикнул он.

Животных в привычном смысле этого слова не было. Шарики, половинки шариков такой же консистенции, как шар в овраге… А вокруг половинок топотали маленькие куставры.

— И ты хочешь остаться, — Кемпер посмотрел на меня с сочувствием. Что ж, оставайся. А через день или два к тебе подойдет куставр, упадет перед тобой замертво, и ты сойдешь с ума, вычисляя, кого из нас ты приготовил себе на обед!

Голос его звенел как натянутая струна, он произнес последнее слово и отвернулся… Оказалось, что все парни стоят, повернувшись ко мне спинами. Я ощутил ужас одиночества.

Вебер подхватил с земли топор и пошел вдоль клеток, сбивая замки и выпуская маленьких куставров на волю.

Я медленно двинулся к кораблю, поднялся по трапу, крепко прижимая к груди сумку. Остановившись у входного люка, я обернулся, попытался последним взглядом охватить лагерь, всех своих товарищей и понял, что не могу покинуть их. Ведь мы провели вместе тьму лет. Они подшучивали надо мной, а я постоянно уединялся и ел в одиночку, чтобы не чувствовать запаха жаркого… Я подумал, что даже не помню с каких пор ем эту тюрю, липкую и безвкусную, что из-за своего проклятого желудка я никогда не пробовал нормальной человеческой пищи. Может, парни куда счастливее меня, даже в данную секунду. Ведь человек, превратившись в куставра, никогда не останется голодным, желудок его всегда будет наполнен приятной на вкус, сытной пищей. Куставры едят только траву, но, быть может, когда я превращусь в куставра, трава станет дня меня лакомством — таким же, как недоступный сейчас тыквенный пирог?

Я стоял перед входным люком и размышлял о еде.

Диетическая сумка, получив с моей помощью значительное ускорение, рассекла темноту и погрузилась в нее. Листки с записями, медленно кружась, как сухие листья, опустились на землю.

Я вернулся в лагерь и тут же столкнулся нос к носу с Парсонсом.

— Так что у нас сегодня на ужин? — спросил я.

Любитель фантастики
Worrywart
Перевод: А. Новиков

Главный герой "Любителя фантастики" — редактор газеты большого города, которая была первой работой Клиффорда Саймака в Minneapolis Star, и он много рассказывает нам об этой должности в этой истории. И хотя Клифф быстро продвинулся до должности начальника редакторского отдела — эту должность он занимал в течение многих лет, прежде чем его повысили до редактора новостей, — я думаю, ему действительно нравилось работать копирайтером: это позволяло ему просматривать все поступающие новости.

Конечно, чем больше вы знаете, тем больше у вас поводов для беспокойства, если вы к этому склонны.

— dww

Чарли Портер работает помощником редактора в "Дейли таймс", а помред — персона своеобразная. Это охотник на запятые, палач лишних слов и могучий барьер здравого смысла, стоящий на пути потока новостей. А заодно — это некий гибрид карманной энциклопедии и ходячего справочника. Можно иногда случайно встретить репортера или редактора, или увидеть их фото, или хотя бы услышать, что о них говорят. Но вот о помощнике редактора вы не услышите никогда. Помред сидит со своими коллегами за столом в форме подковы. Если это ветеран вроде Чарли, то над глазами у него зеленый козырек, а рукава закатаны выше локтей.

Внутри подковы редакторского стола сидит человек, руководящий всеми помредами. Поскольку внутренняя часть такого стола называется щелью, то этот человек на редакционном жаргоне называется "щелевой". К нему и поступает ежедневный поток новостей; он раздает листки сидящим вокруг стола, а те редактируют заметки и пишут заголовки. Поскольку новостей всегда столько, что информационные полосы можно легко заполнить раз двадцать, помред обязан сократить все заметки до установленного числа строк. Из-за этого у помреда происходят постоянные стычки с репортерами, чьи цветисто написанные статьи вдруг оказываются обрубленными и искалеченными, зато, несомненно, более читаемыми.

Когда после полудня поток новостей ослабевает, помреды нарушают обычное молчание и начинают беседовать. Они обсуждают новости и спорят о том, что можно предпринять в той или иной ситуации. Если их послушать, не зная, кто они такие, то вскоре вы будете готовы поклясться, что побывали на заседании некоей комиссии всемирного значения, где решаются важнейшие проблемы человечества.

Потому что помред всегда озабочен. Ведь каждый день он имеет дело с кровоточащими новостями, от которых, возможно, зависит судьба общества. Нет иной профессии, где столь явственно чувствуется та тончайшая грань, за которой жизнь превращается в кошмар.

* * *

Чарли Портер переживал больше своих коллег. Но тревожили его события вроде бы и незначительные.

Ну, например, странная цепь не связанных друг с другом "невероятных" случаев. После двух-трех подобных событий коллеги Чарли за редакторским столом обратили на них внимание и обсудили — между собой, естественно, ибо ни один истинный помред не станет разговаривать ни с кем, кроме другого помреда. Но их внимания хватило лишь на несколько небрежно брошенных фраз.

А вот Чарли Портера тревога не оставила — тайная, конечно, ибо он видел, что никто из коллег не счел эти новости достойными. Немало поволновавшись, он начал замечать в этих происшествиях определенное сходство, и именно тогда вышел на помост и начал борьбу с самим собой.

Сначала в Юте разбился пассажирский самолет. Из-за плохой погоды поиски пришлось отложить, но в конце концов спасатели обнаружили обломки, разбросанные по склону высокой горы. Руководство авиакомпании с прискорбием объявило, что после такой аварии невозможно уцелеть. Но когда спасатели поднялись на гору, то обнаружили сидящих у костра пассажиров разбившегося лайнера. Все до единого были живехоньки.

Затем главный приз на скачках взял жеребец Полночь. При ставках шестьдесят четыре против одного.

Потом произошел случай с неизлечимо больной девочкой, у которой не было ни единого шанса выздороветь. Родители даже решили отметить ее последний день рождения на несколько недель раньше. Ее фото опубликовали все газеты страны, над рассказами о ее судьбе хотелось рыдать, и тысячи людей

присылали ей открытки и подарки. И вдруг она внезапно выздоровела. Не из-за какого-то нового волшебного лекарства или передового медицинского метода. Просто-напросто легла спать больной, а наутро встала абсолютно здоровой.

Несколько дней спустя по стране разнеслась история о Дружке, старом псе из Кентукки, которого завалило в пещере. Мужчины со всей округи откапывали его несколько дней, подбодряя пса криками. Пес сперва выл в ответ, но потом вой прекратился, а копать дальше стало очень тяжело. Тогда мужчины завалили камнями выкопанную яму и соорудили над ней могильный холм. Они произнесли набожные, гневные и бесполезные слова, а потом разошлись по своим хижинам и полям.

На следующий день Дружок вернулся домой. Выглядел он ходячим мешком с костями, однако сил махать хвостом у него еще хватало. Миску молока он вылакал с таким азартом, что женщины прослезились. Все сошлись на том, что старый пес в конце концов отыскал другой выход из пещеры.

Разумеется, чудо возможно. Даже два чуда. Но не четыре подряд в течение двух недель.

У Чарли ушло немало времени, чтобы связать все эти случаи ниточкой сходства. Когда ему это удалось, ниточка получилась очень тонкой. И все же достаточно прочной, чтобы оправдать новые тревоги.

А сходство состояло вот в чем: все эти истории развивались во времени и за ними следила масса народу.

Целых два дня страна ждала начала поисков тел погибших. То, что Полночь будет участвовать в забеге и что у жеребца нет ни единого шанса, тоже было известно за несколько дней. История несчастной девочки приковывала всеобщий интерес неделями. А старого пса откапывали несколько дней, и лишь потом люди сдались и разошлись по домам.

В каждой из этих историй результат не был окончательно известен, существовало несколько вероятностей финала. Некоторые версии имели большую вероятность, чем другие, но у каждой имелся хотя бы ничтожный шанс на осуществление. Если подбросить монетку, то от момента ее взлета до момента падения орлом или решкой всегда существует ничтожно малая вероятность того, что монета упадет на ребро и останется стоять. И пока она не упала, третья вероятность продолжает существовать.

"Вот так оно и случилось", — сказал себе Чарли.

Монету подбросили четыре раза, и четыре раза подряд она упала на ребро.

Разумеется, есть одна мелкая нестыковка — падение самолета. Оно в эту схему не укладывается.

Каждое событие было подобно броску монеты, и, пока она вращалась в воздухе, а публика, затаив дыхание, ждала, девочка каким-то образом выздоровела, а у жеребца хотя бы на краткое время проявились мощь и темперамент, необходимые для победы.

Но вот самолет разбился, и думать о нем могли уже только после свершившегося факта. К тому времени, когда известие о катастрофе стало достоянием публики, монета уже упала, и все надежды и молитвы о спасении пассажиров стали, по сути, бесполезными из-за огромной вероятности того, что все они погибли.

Ну ладно, пусть пес спасется. Сегодня.

Пусть девочка поправится. Скоро.

Пусть моя безнадежная ставка на бегах выиграет. На следующей неделе.

Пусть пассажиры останутся живы. Но вчера.

Авария самолета почему-то беспокоила Чарли больше всего.

* * *

А потом, ко всеобщему удивлению и безо всякой логики, ситуация в Иране завершилась — как раз тогда, когда уже создавалось впечатление, что все это кончится новой Кореей.

Несколько дней спустя Британия гордо объявила, что ей удалось укротить финансовую бурю, и с фунтом стерлингов все в порядке, и новые займы Лондону уже не нужны.

Чарли понадобилось некоторое время, чтобы связать эти два факта с цепочкой самолет-девочка-скачки-собака. Но вскоре он понял, что и они укладываются в этот ряд, а потом вспомнил нечто такое, что могло… ну, не совсем в него вписаться, а быть как-то связанным с этой поразительной цепочкой невероятностей.

После работы он спустился в офис "Ассошиэйтед пресс" и попросил сидевшего там парнишку принести папки из архива, набитые копиями телеграфных сообщений — белые листки для линии А, голубые для линии Б, желтые для спортивных новостей, розовые для биржевых. То, что Чарли искал, не могло прийти по спортивной или биржевой линии, поэтому он вернул эти папки и стал просматривать сообщения с линий А и Б, листок за листком.

Портер не помнил точной даты, когда пришла новость, однако знал, что это случилось после Дня памяти, а посему начал со следующей даты и двинулся вперед.

Чарли пытался вызвать в памяти ту сценку… Ну да, Дженсен

взял этот листок и прочитал. Потом рассмеялся и наколол его на штырь.

— Что там такого смешного, Дженс? — спросил один из помредов. Дженсен снял листок со штыря и перебросил спросившему. Листок пропутешествовал вдоль всего стола, вызывая усмешки, а потом вернулся на штырь.

На этом все и закончилось. История оказалась настолько нелепой, что ни один уважающий себя газетчик не удостоил бы ее повторного взгляда, ибо она имела все признаки розыгрыша.

В первый вечер Чарли не нашел того, что искал, хотя работал до позднего вечера. Он вернулся на следующий день и наконец отыскал тот листок.

Новость поступила из курортного городка где-то в Висконсине: это была заметка об инвалиде по имени Купер Джексон, прикованном к постели то ли с двух, то ли с трех лет. В материале сообщалось, что, по утверждению отца Купера, парень способен предсказывать события. Стоит ему вечером о чем-то подумать или что-то вообразить, как на следующий день именно это и случается. Например, Линк Абраме грохнулся с машиной в придорожную канаву, сам оказался жив-здоров, а машина — вдребезги. Или что преподобный Эймос Такер получил письмо от брата, который за двадцать лет не прислал ни строчки.

Утром Чарли подошел к Дженсену.

— У меня несколько дней отпуска — прошлой осенью я работал по шесть дней в неделю, — напомнил он. — И еще у меня осталась неделя от прошлогоднего отпуска: у нас была запарка, и ты не смог меня отпустить…

— Конечно, Чарли, — согласился Дженсен. — Мы сейчас в хорошей форме.

* * *

Два дня спустя Чарли сошел с поезда в курортном городке в Висконсине. Со станции он направился в туристический лагерь, расположенный на окраине городка, где за неслыханную цену снял на несколько дней жалкую хижину. И лишь после этого решил задуматься — по-настоящему задуматься о том, зачем он сюда приехал.

Вечером он отправился в город и потолкался час-другой в универсальном магазине и бильярдной. Вернулся Чарли с информацией, ради которой отправился в путь, и еще кое с какими сведениями, переварить которые был еще не готов.

Первая информация подтверждала: ему нужно встретиться с

доктором Эриком Эймсом. Как выяснилось, док Эймс оказался не только единственным доктором городка, но еще и его мэром, а также признанным гражданским лидером, мудрецом и отцом-исповедником всей общины.

Второй же информацией, вот уже два месяца служившей в городке пищей для разговоров, оказалось то, что Купер Джексон, пролежав несколько лет в постели беспомощным инвалидом, теперь встал на ноги. Разумеется, ходит он пока с тростью, но быстро поправляется и каждый день прогуливается у озера.

На следующее утро Чарли встал пораньше и принялся расхаживать по берегу озера, внимательно ко всему приглядываясь. Он разговаривал с туристами, живущими в соседних домиках, и с рыбаками, расположившимися на берегу. И еще немало времени он провел, наблюдая за птичкой с желто-черными крыльями, свившей гнездо в камышах на заболоченном пятачке.

Вскоре после полудня появился и Купер Джексон. Прихрамывая и опираясь на трость, он прошелся по берегу, потом присел отдохнуть на сухой ствол, выброшенный из озера после грозы.

Чарли подошел к парню.

— Не возражаете? — спросил он, присаживаясь рядом.

— Ничуть, — ответил Купер Джексон. — Рад буду поболтать.

Они разговорились. Чарли рассказал, что работает в газете, а сюда приехал в короткий отпуск. Он очень рад, что избавился от новостей, приходящих по телетайпам, и страшно завидует людям, которые могут жить среди подобной красоты круглый год.

Когда Купер услышал, что Чарли работает в газете, то сразу заинтересовался и забросал его всевозможными вопросами — из тех, которые всегда задают газетчику, если удается зажать его в углу.

Что он думает о ситуации, и что можно предпринять, и есть ли шанс предотвратить войну, и что нам следует сделать, чтобы предотвратить войну… и так далее, пока несчастный газетчик не готов завопить.

Но было и одно исключение. У Чарли создалось впечатление, что Купер задает куда более острые вопросы, чем задавал бы обычный человек, и подкреплены они более достоверной информацией. Причем спрашивает настойчиво и взволнованно, в то время как простой смертный интересуется немного отстраненно.

Чарли честно ответил, что не знает, как предотвратить войну, хотя нынешняя ситуация в Иране и конец британского финансового кризиса могут весьма заметно повлиять на

стабильность в мире. В лучшую сторону.

— Знаете, я тоже так подумал, — сказал Купер Джексон. — То есть когда я узнал новости, то сразу подумал: хорошо бы, чтобы это случилось.

* * *

Тут, пожалуй, следует кое-что пояснить.

Будь Чарли Портер журналистом, а не помощником редактора, он мог упомянуть и аварию самолета, и выздоровевшую девочку, и историю о том, как собаке удалось выбраться из пещеры, и рассказать о человеке, который загреб уйму денег, поставив на жеребца по кличке Полночь.

Однако Чарли ничего этого не сказал.

Будь Чарли Портер журналистом, он мог бы заявить Куперу Джексону:

— Слушай, парень, я приехал к тебе. И я знаю, что ты проделываешь. Я обо всем догадался. Может, объяснишь мне пару мелочей, чтобы я все написал правильно?

Но Чарли ничего подобного не заявил. А сказал он, что слышал вчера в городе о чудесном исцелении некоего Купера, а ведь паренек и есть Купер Джексон, не так ли?

Да, ответил Купер, я Купер Джексон, и мое выздоровление, пожалуй, можно назвать чудесным. Но я понятия не имею, как это произошло, и док Эймс тоже.

Поговорив час-другой, они расстались. Чарли не просил новой встречи. Но на следующий день, когда Купер, прихрамывая, пришел на берег и направился к бревну, Чарли уже ждал его.

В тот день Купер рассказал о себе. Он был инвалидом сколько себя помнит, хотя, по словам матери, несчастье случилось, когда ему исполнилось три года.

Он любил слушать сказки и не сомневался, что именно сказки, которые ему рассказывали и читали родители, братья и сестры, поддерживали у него интерес к жизни в первые, самые трудные годы. Потому что он заставлял эти сказки работать на него.

Он рассказал, как заставлял все персонажи — кролика Питера, Пряничного Человечка и Мальчика-с-пальчик — работать сверхурочно. Купер лежал в кровати и мысленно повторял все услышанные сказки снова и снова.

— Но вскоре все эти сказки мне здорово наскучили. И я стал их улучшать. Я изобретал новые. Я смешивал персонажи. Сам не знаю почему, но кролик Питер и Пряничный Человечек были

моими главными героями. Я отправлял их в невероятнейшие путешествия, где они встречались с персонажами других сказок и вместе преодолевали трудности, с которыми совладать попросту невозможно. Но мне, — добавил он, — они никогда не казались непреодолимыми.

Наконец он дорос до того момента когда дети идут в школу. Мать Купера встревожилась — ведь надо что-то делать с образованием сына. Но док Эймс, который ни капли не сомневался, что Купер не проживет достаточно долго, чтобы образование принесло ему хоть какую-то пользу, посоветовал научить мальчика лишь тому, что ему будет интересно. Как выяснилось, больше всего Купера интересовали книги, поэтому его научили читать. Теперь у него не возникало нужды обращаться к кому-то с просьбами. Он прочел "Тома Сойера" и "Гека Финна", книги Льюиса Кэрролла и множество других.

Теперь у него прибавилось любимых героев, и кролику Питеру пришлось очень нелегко, когда он оказывался в Зазеркалье. Но со временем все утряслось, а вымышленные приключения становились все более невероятными.

— А что ты читаешь сейчас, Купер?

— Газеты, журналы и тому подобное.

— Да я не об этом, — пояснил Чарли. — Что ты читаешь для отдыха? Кто сменил кролика Питера?

Купер немного помялся, но все же признался:

— Научная фантастика. Я увлекся ею, когда кто-то принес мне журнал, лет шесть или семь назад… нет, пожалуй, все восемь.

— Я и сам ее читаю, — сказал Чарли, чтобы парень не смущался. И они просидели до вечера и говорили о фантастике.

* * *

Той ночью Чарли Портер лежал на кровати в домике на берегу озера, уставясь в темноту, и пытался понять, каково было Куперу Джексону вот так лежать годами, общаясь лишь с героями детских сказок, потом книжек для мальчиков, а потом и фантастических произведений.

Купер говорил, что не испытывал острой боли. Но иногда ночи были длинными, ему не спалось, и именно тогда он начинал фантазировать, чтобы хоть чем-то занять мысли.

Поначалу это было лишь развлечением. Он говорил себе: сейчас происходит то-то и то-то, а из-за этого события развиваются так-то, и это приводит к тому-то и тому-то. Но через

некоторое время он стал видеть персонажей, действующих на воображаемой сцене, — неких смутно различимых актеров, произносящих свою роль. Сперва они были туманными, потом серыми, подобно неуловимым шустрым призракам, позднее обрели четкость черно-белого изображения. Примерно к тому времени, когда он добрался до "Тома Сойера" и "Робинзона Крузо", персонажи и мир, в котором они действовали, уже начали обретать цвет и объем.

От "Тека Финна", "Робинзона Крузо" и "Швейцарских робинзонов" он перешел к научной фантастике.

"Боже милостивый, — подумал Чарли. — Что она могла с ним сотворить?.."

Возьмите инвалида, никогда не вставшего с кровати, никогда не получавшего формального образования, мало знающего о мире и еще меньше озабоченного людскими представлениями о нем, снабдите его богатейшим воображением и накормите досыта научной фантастикой — и что вы в результате получите?

Чарли лежал в темноте и пытался поставить себя на место Купера Джексона. Он старался вообразить то, что мог вообразить Купер, те миры, в которые отправлялся паренек.

А затем позвольте тому же инвалиду внезапно осознать беды общества, как осознал их Купер, ибо стал читать газеты и журналы.

Что может случиться после этого?

"Ты сошел с ума", — сказал себе Чарли. Но он еще долго лежал, глядя в темноту, прежде чем уснул.

* * *

Похоже, он пришелся Куперу по душе, и они ежедневно проводили немалое время вместе. Они толковали о фантастике, о свежих новостях и о том, как усовершенствовать мир. Чарли честно сказал, что ему это неизвестно; множество людей гораздо умнее его постоянно об этом размышляют, но пока не нашли ответа.

— Кто-нибудь должен это сделать, — заявил Купер. Он произнес слова так, что не оставалось никаких сомнений: сам он готов действовать в любую минуту.

И тогда Чарли позвонил старому доктору Эймсу и договорился о встрече.

— Я о вас слышал, — сказал доктор. — Купер мне о вас рассказывал.

— Я хотел его кое о чем спросить. Но не спросил.

— Знаю. Вы хотели узнать, что было напечатано в газетах месяца два назад.

— Правильно, — согласился Чарли. — И еще я хотел спросить, как ему удалось встать и пойти после стольких лет неподвижности.

— Вы ищете материал для статьи?

— Нет.

— Но вы же из газеты.

— Я приехал ради статьи, — признался Чарли. — Но она меня больше не интересует. Сейчас я… немного напуган.

— Я тоже.

— Если то, о чем я догадался, правда, то ее слишком много для статьи.

— Надеюсь, мы оба ошибаемся.

— Купер одержим одним стремлением — сделать мир лучше, — продолжил Чарли.

— В том-то и проблема. Если бы он ограничивался только мелочами, вроде самолета в Юте или собаки в Кентукки, то все, может быть, и обошлось бы.

— Он сам вам об этом рассказал, док?

— Нет. Напрямую — нет. Но говорил о том, как было бы здорово, если бы люди, летевшие в том самолете, уцелели. И еще он очень переживал по поводу несчастного пса. Он любит животных.

— Как мне кажется, тогда он лишь репетировал, — предположил Чарли. — Хотел проверить, по силам ли ему такое. А теперь он готов играть по-крупному.

Но тут к Чарли вернулся здравый смысл, и он добавил:

— Что, разумеется, невозможно.

— Ему помогли. Разве он не рассказывал о том, как ему помогли? Чарли покачал головой.

— Значит, он вам еще не очень доверяет. Выходит, я единственный…

— Ему помогли? То есть ему кто-то помогает?..

— Не кто-то, — сказал док. — А что-то.

* * *

И тогда док пересказал Чарли то, что поведал ему Купер.

Началось это четыре или пять лет назад, вскоре после того, как парень начал зачитываться фантастикой. Он создал себе воображаемый космический корабль и отправился в полет.

Сначала он облетел всю нашу Солнечную систему. Затем, когда ему наскучило топтаться на задворках, он придумал устройство, позволяющее кораблю летать со сверхсветовой скоростью, и отправился к звездам. Надо отдать ему должное — действовал он систематически. Он все продумывал логически, не обходя проблем. Высаживаясь на очередной планете, он тщательно ее обследовал и лишь затем отправлялся дальше.

Где-то на этом пути он набрал себе экипаж. Почти все они (если не все) были лишь слегка гуманоидными.

И с каждым днем его космический мир становился все более ясным, четким и реальным.

Осознание того, что к нему присоединился некто иной, что у него откуда-то появился партнер по фантазиям, началось сперва как подозрение, постепенно превратившееся в уверенность. Фантазии приобрели странную привычку развиваться не так, как он задумывал; их кто-то модифицировал, что-то к ним добавлял и менял. Впрочем, Купер не возражал, потому что в целом результат оказывался еще лучше. И наконец настал момент, когда он познакомился со своими помощниками — не одним, а тремя. После первоначального потрясения все четверо прекрасно поладили.

— Значит, он знает тех остальных…

— Разумеется, — подтвердил док. — Но это, конечно, не означает, что он их когда-либо видел. Я имею в виду — живьем.

— И вы ему верите, док?

— Не знаю. Зато я знаю Купера и тот факт, что он встал и пошел. Никакая медицинская наука… никакая человеческая медицина… не смогла бы поставить его на ноги.

— Мне не дает покоя один вопрос, — признался Чарли. — В здравом ли уме Купер Джексон?

— На мой взгляд, он самый здравомыслящий человек на Земле.

— И самый опасный.

— Это меня и тревожит. Я приглядываю за ним. И встречаюсь с ним каждый день…

— Кому еще вы об этом рассказали? — спросил Чарли.

— Ни единой душе.

— А кому собираетесь поведать?

— Никому. Наверное, мне и вам не следовало бы говорить, но вы и так догадались… А что вы сами намерены предпринять?

— Вернуться домой. И помалкивать.

— И это все?

— Все. Впрочем, еще я буду молиться.

* * *

Он вернулся домой. О встрече он никому не рассказывал.

Иногда правда все еще казалась ему невозможной. А иногда ему становилось кристально ясно, что Купер Джексон и в самом деле может заставить любое событие произойти, просто пожелав этого. Но по большей части Чарли знал, что все это правда — хотя бы потому, что ему было известно слишком многое, чтобы думать иначе. Купер Джексон около двадцати лет провел в размышлениях и фантазиях, а его мышление и сила воображения сформировались не в результате повседневного человеческого опыта, но под влиянием фантазий множества людей. Он не умеет мыслить так, как мыслил бы нормальный человек, и в этом одновременно и его преимущество, и слабость.

Если он не мыслит чисто человеческими категориями, то одновременно не связан ограничениями человеческого мышления; ничто не мешает ему отправлять сознание бродить по странным измерениям и использовать его "энергию" для решения невероятных задач. Его жажда добиться вечного мира на планете как раз и была примером нечеловеческой логики, ибо на словах вся Земля стремилась к миру, но угроза войны оставалась всегда и висела над каждым настолько давно, что ужас успел притупиться. Для Купера же сама идея о том, что люди способны истреблять друг друга миллионами, была немыслимой.

Чарли постоянно размышлял и о помощниках Купера, трех призрачных фигурах. Он даже наделил их тремя условными лицами, но черты их постоянно менялись, и наконец до Чарли дошло, что эти существа попросту непредставимы.

Но больше всего его тревожило крушение самолета в Юте, хотя он и пытался не думать об этом.

Самолет разбился до того, как Купер узнал об этом. Все, что случилось с его пассажирами, произошло в ту долю секунды, когда самолет врезался в горную вершину. Представить же, что пассажиры и экипаж уцелели без помощи Купера, мог лишь безумец.

А это означает, что Купер способен не только заставить события пойти так, как ему хочется, но может переместиться во времени и отменить то, что уже произошло!

* * *

Всякий раз, когда Чарли думал об этом, его бросало в холодный пот и он снова вспоминал Иран и Британию, а потом

видел нахмуренное лицо Купера, встревоженного тем, куда катится мир.

Теперь он следил за новостями гораздо пристальнее прежнего, анализируя каждый неожиданный поворот событий, отыскивая намек, способный навеять Куперу Джексону какую-нибудь безумную схему, и пытаясь мыслить подобно Куперу, сознавая при этом, что подобные попытки практически безнадежны.

Он дважды собирал чемодан, чтобы поехать в Вашингтон, но всякий раз убирал одежду обратно, а чемодан засовывал в шкаф.

Потому что понял: ехать в Вашингтон — или куда угодно — бессмысленно.

"Господин президент, я знаю человека, способного установить мир на планете или ввергнуть ее в хаос".

Да его попросту вышвырнут, не дав договорить.

Он позвонил Эймсу, и доктор сообщил, что все в порядке. Купер купил кучу старых научно-фантастических журналов и теперь просматривает их, составляя каталог тем и вариантов идей. Уже несколько недель он не был таким спокойным.

Повесив трубку, Чарли обнаружил, что руки у него трясутся. Он внезапно похолодел, потому что точно понял, зачем Куперу понадобилась эта куча журналов.

Чарли сидел у себя в комнатушке в некогда удобном кресле и лихорадочно размышлял, перебирая один за другим сюжеты и идеи, которые почерпнул из фантастики. Некоторые показались ему подходящими, но все же он их отбросил…

И тут до него дошло: он ведь давно не читал фантастических журналов. И его ледяной хваткой стиснул страх — а вдруг в последних номерах есть нечто, что Куперу подойдет идеально?

Придется купить все журналы, которые он сумеет отыскать, и подвергнуть их быстрой и тщательной проверке.

* * *

Но назавтра его отвлекли разные дела, и прошла почти неделя, прежде чем он отправился покупать журналы. К тому времени страх немного ослабел. Шагая домой с увесистой пачкой, он решил хотя бы на вечер позабыть обо всех тревогах и почитать просто для удовольствия.

В тот вечер он поудобнее расположился в кресле, положив рядом журналы. Потом взял из стопки верхний и раскрыл его, с удовольствием отметив, что главное произведение номера написано одним из его любимых авторов.

Это оказалось мрачное повествование о землянине, сумевшем в почти безнадежной ситуации защитить поселение на далекой планете. Чарли прочитал следующее, о звездолете, угодившем в область искаженного пространства и переброшенном в другую вселенную.

А третьим оказался рассказ о том, как Земле угрожала ужасная война, но герой предотвратил кризис, создав условия, ликвидирующие электричество как физическое явление. Без электричества самолеты не могут летать, танки ездить, а пушки — поражать цель, поэтому война становится невозможной.

Чарли словно громом поразило. Ослабевшие пальцы не удержали журнал, и Чарли с ужасом в глазах уставился на противоположную стену, зная, что Купер Джексон тоже прочтет этот рассказ.

Немного придя в себя, он позвонил доку.

— Я волнуюсь, Чарли, — сообщил док. — Купер пропал.

— Пропал?

— Мы пытались не поднимать шума. Могло возникнуть слишком много вопросов.

— Вы его ищете?

— Мы его ищем, но очень тихо. Обшарили всю округу и разослали сообщения в полицию и бюро по розыску.

— Вы должны его найти, док!

— Мы делаем все, что можем, — устало и немного смущенно сказал Эймс.

— Но куда он мог подеваться? Ведь денег у него нет?

— Купер может раздобыть деньги в любое время, стоит только захотеть. Он может получить что угодно и когда угодно.

— Я все понял, — буркнул Чарли.

— Буду держать вас в курсе

— Я могу что-нибудь?

— Ничего. Никто и ничего не способен сделать. Мы можем только ждать. И все.

* * *

Этот разговор состоялся несколько месяцев назад, но Чарли все еще ждет.

Купера до сих пор не нашли. Даже следов его не отыскалось.

Поэтому Чарли ждет и тревожится.

Больше всего тревожит его то, что Купер не получил формального образования и не знает многих элементарных вещей.

Есть, разумеется, и лучик надежды. Возможно, Купер вернется в прошлое не для того, чтобы отменить электричество как таковое, а лишь воспрепятствовать открытию электричества людьми. Потому что, несмотря на все ужасные последствия, это все же лучше иного исхода.

Но Чарли опасается, что Купер не станет отправляться в прошлое. Ведь он не понимает, что, отменяя электричество, нельзя ограничиться лишь током, бегущим по проводам к лампе или электромотору. Отменяя электричество как природный феномен, он отменит все электричество, а это равносильно отмене одного из компонентов внутриатомной структуры. Что повлияет не только на Землю, но и на всю Вселенную.

Поэтому Чарли сидит, тревожится и ждет, когда мигнет лампа рядом с креслом.

Хотя он, разумеется, прекрасно понимает: когда это случится, никто и моргнуть не успеет.

Об авторе

КЛИФФОРД Д. За свою пятидесятипятилетнюю карьеру САЙМАК написал несколько самых культовых научно-фантастических рассказов, из когда-либо написанных. Родившийся в 1904 году на ферме на юго-западе Висконсина, Саймак в 1929 году устроился на работу в газету маленького городка и в конце концов стал редактором новостей Minneapolis Star-Tribune, а в свободное время писал художественную литературу.

Саймак был наиболее известен благодаря книге "Город", которая стала реакцией на ужасы Второй мировой войны, и своему роману "Пересадочная станция". В 1953 году "Город" был удостоен Международной премии в области фэнтези, а в последующие годы Саймак получил три премии "Хьюго" и премию "Небьюла". В 1977 году он стал третьим великим мастером среди американских писателей-фантастов и фэнтези, а перед своей смертью в 1988 году был назван одним из трех первых лауреатов премии Брэма Стокера Ассоциации писателей ужасов за жизненные достижения.

О редакторе

ДЭВИД У. УИКСОН был близким другом Клиффорда Д. Саймака. Поскольку здоровье Саймака ухудшалось, Уиксон, уже знакомый с издательством научной фантастики, начал все больше и больше заниматься такими вещами, как деловая переписка своего друга и вопросы контрактов. Назначенный литературным душеприказчиком после смерти Саймака, Уиксон начал долгосрочный проект по защите прав на все рассказы Саймака и поиску способа сделать их доступными для читателей, которые, учитывая пятидесятипятилетнюю писательскую карьеру Саймака, возможно, никогда бы не получили такой возможности чтобы насладиться всей его короткой беллетристикой. Попутно Уиксон также читал сохранившиеся дневники автора и отвергнутые рукописи, что дало ему уникальную возможность предоставить читателям Саймака интересные и заставляющие задуматься комментарии, которые проливают новый свет на творчество и мысли великого писателя.

notes

Примечания

1

В пятидесятые годы двадцатого века в некоторых моделях автомобилей стартер приводился в действие педалью, расположенной правее педали акселератора. При необходимости быстро тронуться с места водители часто нажимали правой ногой обе педали. (Примечание редактора.)

2

Букв.: "Опрокинутая "К"". Отсылка к циклу рассказов и повестей Л. Ламура, где местом действия служит одноименное ранчо.

3

Екк. 9: 11.

4

Парный танец французских крестьян, в XVIII столетии сделался популярным салонным танцем.

5

Чижевский Александр Леонидович (1897–1964) — один из основоположников гелиобиологии. — прим. перев.

6

Индекс Вольфа — показатель, связывающий число солнечных пятен и количество их групп, введенный швейцарским астрономом Рудольфом Вольфом. — прим. перев.

7

Статистический показатель биржевой деятельности, предложенный американским журналистом Чарльзом Генри Доу, издателем хроники биржевых новостей "Уолл Стрит Джорнел". — прим. перев.

8

Улица в Нью-Йорке, где расположена фондовая биржа и правления крупнейших банков. Традиционно отождествляется с финансовым капиталом США. — прим. перев.

9

Один из пионеров Дикого Запада, еще при жизни ставший персонажем многих легенд, основатель Бунсборо и ряда других поселений. — прим. перев.